

Ганс Рюш

Большой медицинский обман

(Hans Ruesch. Naked Empress, or the Great Medical Fraud)

Переводчик – Анна Кюрегян

Содержание

Часть 1. Надувательская догма

«Законодатели»

Суеверие

205000 препаратов

Пусть врачи бастуют!

Человек и животные

Торговцы ядом

Последствия

Узаконенная бойня

Преступные методы

Новые болезни

Рост врожденных уродств

Часть 2. Международный химико-медико-вивисекционный комбинат

Химический синдикат

Медицинский синдикат

Вивисекционный синдикат

Часть 3. Обман со здоровьем

Рак: неиссякаемый источник золота

Наступление рака

Анализ Хьюстона и Налла

Главенствующий мотив – прибыль

Жить за счет рака

Кто не лечится – тот дольше живет

Лечение 1890 года за 25 тыс. долларов

Диссидентов не поддерживать!

Имперский фонд по исследованию рака

А что происходит в немецкоязычном мире?

Обман с вакцинацией

И подопытные люди

Эксплуатация бедняков

Часть 4. Сила

«История лекарств»

Все это надо продать

Цензура фармацевтических концернов

Американская медицинская ассоциация и Администрация по пищевым продуктам и лекарственным препаратам

Политика

Американская медико-фармацевтическая картель

Правоверие завтрашнего дня

Благотворительность во имя самой себя

Невидимое правительство

Часть 5. Большое промывание мозгов

Дороги к власти: СМИ

Общественный имидж

Биографы

Министерство пропаганды и обмана

Покупка общественного мнения

Часть 6. Калейдоскоп

Дополнение

Часть 1

Надувательская догма

«Законодатели»

То, что фармацевтической индустрии позволили наводнить рынок своими продуктами на основании тщательной проверки их эффективности на животных – это не только позор, но и трагедия; а то, что органы здравоохранения, иными словами, государство оказывают содействие этому обману, есть не что иное, как аргументированный обман. Ибо стороны совершенно точно знают, что опыты на животных не дают верной информации, они лишь выполняют функцию алиби и подстраховывают тогда, когда уже становится невозможно скрывать губительные побочные эффекты медикамента. В этом случае можно сказать, что «все необходимые тесты сделаны», что все проведено в соответствии с законом.

Но они молчат о том, что сами создали эти законы. Потому что, когда речь идет о медицинских законах, у законодателя нет иного выбора, кроме как подчиняться приказу «экспертов». А кто эти эксперты? Уполномоченные химико-медицинского синдиката, чьи связи с органами здравоохранения столь тесны, что их общие интересы переплетаются. Поэтому они отдают приказы таинственным и всемогущим существам, которые анонимно идентифицируются как «законодатели».

Такое положение вещей однажды заставило доктора Джеймса Д. Галлахера (James G. Gallagher), директора медицинских исследований в лабораториях Ледерле (Lederle Laboratories), заявить следующее:

«Другая серьезная проблема, возникающая из-за правил и явлений, которые способствуют продолжению экспериментов на животных – это преследование ненаучных целей. Исследования на животных проводятся не по научным, а по юридическим соображениям. Такие работы часто не имеют никакой прогностической ценности для человека, а это значит, что наши исследования могут оказаться бессмысленными» (Journal of the American Medical Association, 14 марта 1964).

На самом деле именно так называемые «эксперты», которые сделали опыты на животных пробным камнем медицинских исследований, находятся среди главных действующих лиц величайшего обмана всех времен, происходит это прежде всего в погоне за прибылью и приносит человечеству неизмеримый вред. Цель настоящей книги состоит в приведении исчерпывающих доказательств данного тезиса, с которым соглашается все больше медиков.

Суеверие

Каждый, у кого когда-то было животное, знает, что ему ни в коем случае нельзя давать лекарства, предназначенные для человека: от них оно может умереть. Что это значит? Очевидно, что организм животного реагирует совершенно иначе, нежели человеческий, и лекарство, помогающее одному, может навредить другому.

Но люди, которые знают этот закон, из-за пропаганды прессы и продажности СМИ считают опыты на животных пуленепробиваемой защитой и без размышлений, не обращая внимания на имеющиеся факты, заявляют: «Новые медикаменты надо проверять, и я предпочел бы, чтобы их тестировали на животных, а не на мне».

В этом вроде бы обоснованном с этической точки зрения оправдании – два серьезных искажения. Во-первых, что нам постоянно нужны новые лекарства, и, во-вторых, что опыты на животных могут дать правильную информацию об их действии.

Это ложные выводы, и они навязаны подавляющему большинству населения, подобно религиозной догме, против которой невозможно выступить. Для большинства из нас промывание мозгов начинается в бессознательном возрасте, сначала в семье, также придерживающейся такой веры, затем в школе. Потом в университете и через СМИ. И, невзирая на постоянно растущее число доказательств обратного, большинство людей продолжают цепляться за них с той же страстностью, с какой раньше верили в целебные силы святой воды, считали охоту на ведьм гуманным мероприятием, ибо оно спасало заблудшие души грешниц. Но современные ошибки куда очевиднее, чем средневековые.

Все, что получено на животных, в полной мере действительно и для человека. Опыты с вредными субстанциями или неблагоприятными условиями, проведенные на животных, полностью соответствуют токсикологии и гигиене человека. Исследования медицинских и токсичных субстанций тоже полностью применимы к человеку с терапевтической точки зрения.

Эти и подобные заявления делал Клод Бернар (Claude Bernard), поборник современного исследования лекарств на животных, в своем самом известном труде «Введение в экспериментальную медицину» (Introduction to Experimental Medicine). В 1865 году данный труд образовал фундамент для современной «официальной» медицины и стал библией для так называемых медицинских исследователей – невзирая на все большее число доказательств, становящихся все более печальными, что он ошибочен.

Сегодняшняя медицинская наука – это не что иное, как неправильная догма, в которую верят во всем мире, и которая усилиями искусно организованной клики образовала Медицинскую Силу, находящуюся я в тесном альянсе с Химическим Синдикатом. Как мы увидим в следующих главах, ее цель заключается не в охране здоровья населения – последнее является лишь поводом для вымогательства огромных сумм – а в преумножении собственного богатства и силы.

Истинная наука предполагает свободное информирование и высказывание мнений по разным позициям. Но в области медицины ничего такого сегодня не происходит. Умных, искренних и мужественных врачей, которые пытались высказать точки зрения, отличные от признанных доктрин сообщества, и, например, предупреждали население по поводу губительной (зато прибыльной) терапии рака или массовой вакцинации, навязанной сверху ради интересов прибыльной индустрии, быстро запугивали или заставляли замолчать. Их регулярно не допускали до медицинских конгрессов, делающих газетные заголовки (поэтому все участники должны подать тексты своих докладов за несколько месяцев); их низвергают на низшую ступень карьерной лестницы, с которой невозможно успешно распространять свои взгляды. Либо же их и вовсе исключают из врачебного сообщества. Позже мы рассмотрим другие формы медицинской цензуры.

Вследствие этого систематического контроля, происходящего параллельно и непрерывным потоком напыщенной медицинской пропаганды, случайные откровенности, такие как вышеприведенное высказывание доктора Галлагера и нижеприведенные слова доктора Моделла быстро забываются, а именитые авторы вновь их уже не повторяют.

205000 препаратов

Еще в 1961 году доктор Вальтер Моделл (Walter Modell) с медицинского факультета Корнельского Университета (Cornell University Medical College) – “Time” назвала его одним из самых выдающихся американских специалистов в области лекарственных препаратов – писал в “Clinical Pharmacology and Therapeutics”:

«Когда же они поймут, что лекарств слишком много? В настоящее время применяется не менее 150000 препаратов. Ежегодно на рынке появляется около 15000 новых композиций

и дозировок, а около 12000 – его покидают. У нас просто нет такого количества заболеваний. В настоящее время самыми полезными являются новые лекарства, которые нейтрализуют неблагоприятное действие других новых лекарств» (“Time”, 26 мая 1961).

С 1961 года общее число медикаментов, продаваемых во всем мире, увеличилось до 205 тыс.; и заболеваемость возросла соответственно. То есть, перед нами стоит задача не «разрабатывать» новые лекарства, а скорее резко снизить число уже имеющихся медикаментов, и это бы автоматически уменьшило заболеваемость. Большинство людей знают, что надо делать, чтобы поддерживать здоровье своей печени, почек, легких и сердца. Но большинство людей не знают – благодаря систематическому промыванию мозгов – что прием маленьких чудо-таблеток не только не помогает справиться с болезнями, но и ухудшает их течение, добавляя новые токсины в уже ослабленный организм.

Согласно американской Администрации по пищевым продуктам и лекарственным препаратам (Food and Drug Administration), в 1978 году 1,5 американцев обратились к врачам вследствие приема медикаментов, призванных «излечить» какие-то недуги. А состояние около 30% всех госпитализированных пациентов ухудшается вследствие назначенного им лечения. Согласно подсчетам, количество людей, которые умирают в Америке из-за приема медикаментов, составляет 140 тыс. ежегодно.

Сегодня индустрия здравоохранения является второй по величине в Северной Америке, уступая место лишь пищевой промышленности.

Аналогичная ситуация наблюдается во всех других промышленных странах, где граждан «защищает» система медицинского страхования, поддерживающая использование лекарственных препаратов и дорогих методов лечения и таким образом отнимающая у простых доверчивых людей миллиарды бюджетных средств, которые напрямую идут в сейфы химико-медицинского синдиката.

Пусть врачи бастуют!

Вряд ли это простое совпадение, что в 1973 году во время 29-дневной забастовки врачей в Израиле смертность по стране была ниже, чем когда-либо. По статистическим подсчетам Иерусалимского похоронного общества, за тот промежуток времени число похорон снизилось примерно на 50%.

То же самое произошло в Колумбии – в Боготе, столице этой страны ноябрь 1976 года ознаменовался окончанием 52-дневной забастовки врачей. Как сообщает “National Catholic Reporter”, за период забастовки смертность снизилась на 35%. Национальная ассоциация гробовщиков подтверждает эти цифры

Аналогичное явление наблюдалось в Калифорнии, а в 1978 году – в Великобритании.

Если бы врачи действительно были заинтересованы в продлении жизни своих пациентов, им следовало бы устроить длительную забастовку и отправиться на рыбалку, как предложил доктор Роберт Мендельсон, известный практикующий врач из Чикаго и автор книг по медицине.

Но, кажется, никто не в состоянии поколебать догматическую убежденность большинства, так глубоко засевшую в мозгу, в том, что сегодняшняя медицина достигла высот – даже когда множество медицинских корифеев высказывают противоположное мнение.

Человек и животные

Два грамма скополамина убивают человека, но собаки выносят в сотни раз большую дозу. Одна бледная поганка может выкосить целую семью, но является здоровой пищей для кролика, излюбленного лабораторного животного. Дикобраз может без вреда для себя

съесть за один раз столько опиума, сколько наркоман *выкуривает* за две недели, и смыть его таким количеством синильной кислоты, которого было бы достаточно для отравления целого полка солдат. Овца в состоянии поглощать огромные количества мышьяка – излюбленного яда отравителей. Морфий, который успокаивает и усыпляет людей, вызывает у кошек и мышей маниакальное возбуждение. С другой стороны, наш сладкий миндаль может убить лису, обычная петрушка – яд для попугаев, а высоко ценимый пенициллин косит наповал другой излюбленный лабораторный вид – морских свинок.

Этот список можно сколько угодно продолжать, но приведенных примеров достаточно, чтобы доказать: нет более ненадежной проверки нового лекарства (в которых нет жизненной потребности), чем опыты на животных.

Так называемые органы здравоохранения и исследователи тоже это знают. Тем не менее, они продолжают твердить общественности и СМИ: вы хотите, чтобы мы тестировали лекарства на Ваших детях?

На самом деле, все синтетические препараты вредны, и *все* новые препараты тестируются на нас и наших детях, потому что опыты на животных – это надо повторять вновь и вновь – выполняют лишь функцию алиби – будучи не в состоянии дать ответа о действии лекарства на человека или, хуже того, давая неправильный ответ. *Данное правило не имеет исключений.*

Напротив, трагедии, связанные с приемом медикаментов, сегодня происходят все чаще, а во времена, когда обязательное тестирование на животных не практиковалось, их просто не было. Следовательно, они представляют собой прямой результат все более обширных исследований на животных.

Торговцы ядом

Сегодняшние практикующие врачи не знали бы, как заниматься своей профессией без огромного числа вновь и вновь появляющихся синтетических медикаментов с таинственными названиями. Тем не менее, при учебе в университете их знакомство с фармакологией было очень ограниченным, потому что преподаватели не могли уследить за непрерывным потоком новых препаратов, наводняющих рынок и заменяющих старые, ибо их неэффективность и отрицательное действие становится уже невозможно скрывать.

Молодые врачи действительно начинают учиться своей профессии лишь по окончании вуза, когда начинается их непосредственный контакт с пациентами. В это время для них начинается собственно фармацевтическое просвещение, которое сопровождает их на протяжении всей профессиональной деятельности. Это просвещение состоит в потоке брошюр производителей лекарств и в регулярном посещении своего торгового представителя, который предлагает врачам в подарок золотые ручки или приглашения на охоту, а заодно, разумеется, сумки, наполненные образцами «новых» препаратов, вместе с рекомендацией испробовать их на пациентах и сообщить о результатах. Очередное доказательство того, что лабораторные эксперименты не дают надежной информации.

Иными словами, начинающие врачи получают информацию не от университетских преподавателей, чьи знания по фармакологии уже много лет как устарели, а из брошюр и от навязчивых продавцов фармацевтических концернов, чья цель заключается не в здоровье населения (здоровое население означает смерть для индустрии), а в постоянно растущей прибыли.

Большинство врачей, читающих аннотации к лекарствам, полагают, что их написали специалисты-медики. Лишь очень малое их число понимает, что их составили люди, которые не провели и пяти минут у койки больного и имеют только опыт работы с животными. Тем не менее, вне зависимости от своих знаний об этом факте, большинство врачей, кажется, радуются постоянному наличию новых средств, к которым можно прибегать.

Доктор Карл Е. Почедли (Carl E. Pochedly), онколог со специализацией на детской онкологии, согласно выпуску “Science Digest” за январь 1980, сделал следующее признание, являющее собой разительный пример откровенности:

«Значительная часть имеющихся в обороте лекарств для химиотерапии улучшают способность онкологов справляться с ребенком, больным раком, когда болезнь становится устойчивой к лекарствам. В такой ситуации наличие новых и новых лекарств способствует душевному покою врача. Большой выбор препаратов означает меньше ситуаций, в которых начинает преобладать упадническое ощущение, что ничего нельзя сделать».

Но обратим внимание на тонкое различие. Доктор Почедли говорит о том, чтобы справиться с ребенком, больным раком, а не о том, чтобы справиться с болезнью, которую он совершенно честно называет устойчивой к лекарствам, то есть, неизлечимой. Но благодаря растущему притоку новых лекарств, неэффективность или вред которых, в отличие от имеющихся, еще не доказаны, врач может создать у ребенка или его родителей впечатление, что «предпринимается нечто НОВОЕ».

Некоторым докторам нужно испытать шок от судебного разбирательства за врачебные ошибки, чтобы проснуться и понять, что их низвели до инструментов индустрии, ориентированной на прибыль, систематически обманывающей их и общественность. “Time” за 9 июня 1975 года сообщает об обвинениях со стороны пациентов во врачебных ошибках, причем раньше их было мало, а потом стали такими распространенными, что средние годовые страховые премии специалистам с высоким риском за один год возросли с 5377 до 22704 долларов США.

Этот скачок, отражающий аналогичный подъем везде, в полной мере оправдан, если вспомнить все больший вред из-за допуска в продажу лекарств, которые тестировались на животных до попадания к человеку. Нижеследующие примеры – отнюдь не единичные случаи. Они представляют собой лишь крохотную часть длинного, постоянно растущего списка.

Последствия

В 1971 году в Англии 1500 человек были вынуждены обратиться к врачу, потому что они принимали «безопасное» обезболивающее парацетамол; как всегда, значительное их число пострадало еще больше из-за лечения, назначенного в больнице.

Примерно в то же самое время лечение орабилексом привело к болезни почек со смертельным исходом. MEL/29 приводил к катаракте, метаквалон – к серьезным психическим расстройствам, которые как минимум в 366 случаях имели смертельный исход, главным образом в виде самоубийства.

Немецкий препарат талидомид (контерган), который привел к уродствам как минимум у 10 тыс. детей, оказался всего лишь первой ласточкой в быстро растущем списке тератогенных, то есть, вызывающих нарушения плода медикаментов; из-за них число врожденных уродств значительно возросло с тех пор, как были введены обязательные опыты на животных якобы во избежание таких трагедий.

В 1972 году доктор Поль Д. Столли (Paul D. Stolley) из больницы Джона Хопкинса (Johns Hopkins Hospital) выяснил, что спрей изопротеренол британского производства виноват в таинственной эпидемии, из-за которой в 1960-е годы во всем мире погибло не менее 3500 астматиков.

Вскоре после этого обнаружилось, что стильбэстрол вызывает рак у молодых женщин.

Осенью 1975 года итальянские службы здравоохранения изъяли из продажи средство от аллергии трилерган, потому что от него возникал вирусный гепатит – болезнь, которую экспериментаторы за много лет до того обещали ликвидировать, но которая все это время становилась все более распространенной.

В начале 1976 года лаборатории Salvoxyl-Wander швейцарского концерна «Сандоз» (Sandoz) изъяли из продажи препарат фламанил. Его выписывали пациентам с ревматизмом, он не оказывал никакого положительного действия, зато приводил к потере сознания – тоже в некотором роде метод временного снятия боли.

Через несколько месяцев британский ICI (Imperial Chemical Industries) сообщил, что он начал выплачивать компенсации пострадавшим (либо членам семей погибших) от эралдина, препарата для укрепления сердца, при этом они прибегли к обычному алиби – средство выпустили на рынок после семи лет «интенсивных лабораторных исследований» – разумеется, на животных, тогда все говорило об абсолютной безопасности для здоровья. Но потом бесчисленные потребители страдали от серьезных повреждений глаз и желудочно-кишечного тракта, а многие умерли.

Летом 1977 швейцарская транснациональная корпорация «Сибя-Гейги» (Ciba-Geigy) была вынуждена изъять с американского рынка фенформин, который в течение 18 лет навязывали диабетикам. Уже было невозможно дальше скрывать, что из-за его побочных эффектов ежегодно умирают около тысячи человек. Тем не менее, после того, как эту информацию опубликовали в СМИ, западногерманские фармацевтические предприятия с согласия немецких служб здравоохранения в течение всего последующего года – до 1 июля 1978 года – продавали свои запасы смертельного противодиабетического средства, препараты дипар, силубин-ретард и синдатил. Совершенно очевидно, что главным тут было не здоровье людей, а прибыль синдиката.

“International Herald Tribune” за 23-24 декабря 1978 года сообщает в статье под заглавием «Германия запрещает лекарство от холестерина» (Germany Bans Drug Against Cholesterol) следующее:

«В Западной Германии после исследования серьезных, а порой смертельных побочных эффектов запретят лекарство, которое принимали главным образом пациенты среднего возраста в надежде избежать сердечных приступов. Американские врачи выписывают это средство под названием клофибрат примерно 450 тысячам мужчин и 290 тысячам женщин. Его торговое название в США – Атромид-С.

Западногерманский запрет вступает в силу 15 января и распространяется на 24 компании, которые продают препараты, содержащие клофибрат. Imperial Chemical Industries в Великобритании сообщают, что будут протестовать против запрета, так как он не оправдан с медицинской точки зрения, и что задумываются о судебном процессе против западногерманского правительства. **Один из самых главных результатов исследования, приведшего к запрету, заключался в том, что пациенты, принимавшие клофибрат в течение долгого времени, имели не меньше смертельных сердечных приступов, чем участники контрольной группы. Однако те, кто использовал клофибрат, имели гораздо более высокий уровень смертности от рака и других болезней – главным образом печени, желчного пузыря, мочевого пузыря и кишечника»** (выделение добавлено).

11 сентября 1979 года совет врачей и бывших зависимых от валиума сообщило подкомиссии здравоохранения американского Сената, что валиум, успокоительное средство, которое обычно принимают 15% взрослого населения, может привести к наркомании даже в малых дозах. Бывшие потребители сообщили, что страдали от мучительных симптомов при воздержании, когда пытались не принимать лекарство, жаловались, что врачи при выписывании им препарата ничего не говорили о возможности привыкания к нему.

Узаконенная бойня

Между тем произошло следующее.

Прелюдин и макситон, стимулирующие средства, использовавшиеся также для снижения аппетита, были сняты с продажи после того, как причинили серьезный вред сердцу и нервной системе.

Барбитураты (нембутал и т.д.), также использовавшиеся как снотворное, при длительном приеме приводят к бессоннице вместо того, чтобы ее лечить.

Транквилизаторы пронап и плаксин в Южной Африке привели к смерти многих младенцев, и в 1970 году их сняли с продажи.

Фенацетин, изъятый из оборота в Америке, – это болеутоляющее средство, оно продается в разных комбинациях и имеет 200 разных наименований. Он может заблокировать функции почек и даже полностью разрушить почки, вызвать опухоли почек и разрушить красные кровяные тельца.

Амидопирин, очередное болеутоляющее, может вызвать опасные для жизни изменения в крови, например, агранулоцитоз (недостаточное образование зернистых лейкоцитов в костном мозге), поэтому его изъяли из продажи во многих странах, но не во всех. Он присутствует в салгидале в сочетании с фенацетином, в опталидоне и в более чем 160 других препаратах.

Марцин, средство от тошноты и морской болезни, было запрещено во многих странах (например, в Италии) в 1971 году, так как оно может причинить серьезный вред, особенно детям.

Резеприн, препарат для понижения давления, в три раза повышает риск рака груди у женщин. Также есть предположение, что он увеличивает риск злокачественных опухолей в мозгу, поджелудочной железе, матке, яичниках и на коже. Кроме того, его связывают с ночными кошмарами и депрессиями.

Метотрексат, используемый для борьбы с лейкемией и псориазом, способствует возникновению язв в полости рта, кровотечениям в пищеварительном тракте и прободению кишечника, сильной анемии, вызывает злокачественные опухоли либо ухудшает их состояние.

Уретан раньше использовали для лечения лейкемии. Теперь выяснилось, что это лекарство может вызвать рак печени, легких и костного мозга.

Митотан, еще одно средство для борьбы с лейкемией, вызывает некроз надпочечников.

Циклофосфамид, рекламируемый как средство от рака, вызывает распространяющийся некроз, который начинается в печени и в легких, так что пациент обычно гораздо быстрее умирает от этого лекарства, чем от рака; ситуация аналогична и с большинством других лекарств, которые призваны «держат под контролем рак» через химиотерапию.

Антибиотик изониазид от туберкулеза вызывает некроз печени.

Канамицин, тоже противотуберкулезный антибиотик, повреждает слуховые нервы и вызывает почечную недостаточность.

Хлорамфеникол (хлоромитетин), антибиотик от тифа, может привести к разрушению костного мозга, сильной анемии, сердечно-сосудистому коллапсу, следовательно, к смерти.

Бисмут, лекарство против диареи и одновременно против запора (!) может причинить серьезный вред. Во Франции с 1974 года наблюдалось около тысячи случаев отравлений, из них как минимум 28 с летальным исходом, не говоря уже о бесчисленных случаях церебральных нарушений.

Фенолфталеин присутствует во многих слабительных. Он вызывает рвоту, выделение белка в моче (симптом повреждения почек), горячечный бред и смерть.

«Чудо-средство, которое неожиданно привело к обратным результатам» (A “Miracle Drug” That Backfired) – так называлась статья, которая вышла 14 января 1981 года в “International Herald Tribune”. Сначала там было указано, что тринадцать лет назад американские врачи начали в массовом порядке выписывать клофибрат по следующей причине:

«Казалось, что препарат обеспечивает современным людям роскошь в виде совмещения несовместимого – иными словами, съесть большой кусок бифштекса со сливочным маслом и не бояться сердечного приступа. Для этого требовалось только глотать маленькую капсулу четыре раза в день. Но сейчас выяснилось, что клофибрат не только

не оберегает жизнь, но и повышает опасность смерти. Исследование Всемирной Организации здравоохранения, продолжавшееся в течение десяти лет, показало, что «у людей, регулярно принимающих это средство, на 25% выше риск умереть от разных нарушений, в том числе рака, инсульта, болезней дыхательных путей и – какая ирония – сердечного приступа, по сравнению с группой, принимавшей плацебо».

В 1980 году в Великобритании в продажу поступил опрен, противодартритный препарат, содержащий беноксапрофен, и результат оказался самым обычным: в 1982 году его пришлось снять, потому что он убил сотни людей и причинил серьезный вред тысячам.

Аналогичная история произошла с препаратом, который в Америке продавался под названием орафлекс. Изменение названия не повлияла на его способность убивать – его изъяли из продажи и в Америке после того, как его потребление равным образом повлекло за собой человеческие жертвы.

В тот же год пришлось отказаться от двух аспириноподобных препаратов – осмосина и зомакса.

Мы оставим в стороне целый ряд тестированных на животных «лекарственных средств», которые спасают потребителей от боли прежде всего с помощью вылечивания их до смерти, и только вкратце упомянем тандерил и бутазолидин, препараты от боли и ревматизма. «Сибя-Гейги» надеялась заменить ими все остальные свои болеутоляющие и противоревматические средства, которые со временем чаще всего оказывались бессмысленными либо опасными. Шведский врач Олле Ханссон (Olle Hansson) получил незаконным способом протоколы базельской фирмы, из которых следовало, что она обладала информацией уже о 1182 смертях, наступивших из-за приема этих двух лекарств, но удерживала данную информацию в тайне, дабы не подвергать опасности уровень продаж. Эта новость разнеслась в виде крупных газетных заголовков по всему миру, говорили, что количество жертв на самом деле превышает 10 тысяч, и в большинстве стран оба средства сразу же были запрещены. Но в Швейцарии с одобрения пресловутой Межкантональной службы по контролю за лекарственными средствами (Interkantonale Kontrolstelle für Heilmittel) в Берне его вновь стали продавать.

И тот факт, что потребители умирают, не имеет значения до тех пор, пока крутятся жернова индустрии, больницы процветают, а касса звенит.

Преступные методы?

Назначение и прием психотропных средств приобрело такие масштабы, что криминальные методы уже невозможно игнорировать. Юрист Эмиль Комо (Emil Komo) в своей книге «Прописанная интоксикация – к уголовно-правовому контролю за нарушениями, возникшими вследствие приема психотропных средств» (Die verordnete Intoxikation – Zur strafrechtlichen Kontrolle von Psychopharmakaschäden) приходит к выводу, что реально существующее медленное отравление широких кругов населения психотропными веществами должно рассматриваться как преступное причинение вреда здоровью, так как здоровье людей представляет собой «общественный интерес, закрепленный Конституцией» (Из “Krankheit auf Rezept”, автор – Петер Сихровски (Peter Sichrovsky), издатель – Kiepenheer & Witsch, Кельн, 1984).

Даже швейцарские газеты, которые находятся под контролем истеблишмента, не смогли проигнорировать ежедневное убийство, хотя и принимали участие в многолетнем распространении фальсифицированной информации. 21 августа 1984 года в “Basler Zeitung” можно было прочитать:

«В избыточном количестве принимают прежде всего болеутоляющие средства. В 1978 году, согласно подсчетам, 40 тыс. человек входили в группу риска вследствие избыточного потребления обезболивающих средств, содержащих фенацетин. Три четверти “заработали” себе таким образом нарушение работы почек. Ежегодно связанные

затраты на лечение в больнице составляют 30 миллионов франков. В результате пристрастия к таблеткам наблюдаются изменения характера и серьезные психические заболевания в поздней стадии. В 1983 году потребители 7647 раз обращались в Швейцарский токсикологический информационный центр по телефону горячей линии, они звонили по поводу отравления медикаментами. Более чем 4200 звонков касалось взрослых. Прежде всего речь тут идет о попытках самоубийства, но излишнее потребление вновь и вновь приводит к невольному отравлению».

Новые болезни

История с оксихинолом

Все больше и больше разрастается систематический обман, который идет от всемогущих химических концернов и происходит с согласия служб здравоохранения, вредя человечеству. Тем не менее, становится все понятнее, что «новые лекарства» (на самом деле это чаще всего старые, просто одни и те же субстанции комбинируют по-другому и снабжают новой этикеткой) не только не могут излечивать болезни, которые природа бы вылечила – дали бы ей хоть малейший шанс, но еще и постоянно вызывают новые, неведомые лишь несколько лет назад болезни.

В августе 1978 года и Японии пришла новость, что в Токио суд признал вину за тремя производителями лекарств и японским правительством в продаже медикаментов, содержащих оксихинол (также клиоквинол) и в вызывании новой серьезной болезни нервной системы, подострой миелооптической нейропатии. Производители – «Текеда», «Сибя-Гейги-Япония» и «Танабе Сейтаку» – вместе с японскими службами здравоохранения, согласно решению суда, должны были выплатить 3,25 миллиарда йен компенсации 133 пострадавшим. Так закончился первый процесс из двадцати.

Пострадавшие доказали, что болезнь возникла из-за лекарств, которые, согласно рекламе, чудесным образом излечивали от недуга называемого производителями «летний понос» – в высшей степени ненаучное обозначение безобидного расстройства желудка, часто возникающего у туристов в тропических странах и обычного проходящего безо всякого лечения за два дня.

Но его не будет, если принимать чудо-средство оксихинол, которое было разработано фирмой «Сибя-Гейги» несколькими годами ранее и продавалось под разными названиями (мексаформ, энтеро-виоформ, интестопан, стеросан и т.д.); при этом путешественникам рекомендовали принимать это лекарство при первых признаках поноса и даже для профилактики, то есть, до возникновения каких-либо нарушений работы желудка (которые данный препарат вызывает!).

В Японии было зафиксировано как минимум 1000 смертей и 30 тыс. случаев слепоты и/или паралича нижних конечностей, прежде чем признали, что доселе невиданные сходные патологические проявления, иногда со смертельным исходом, имевшие место в Голландии, Дании, Германии, Франции, Великобритании, Бельгии, Швеции, Италии и т.д., возникают из-за приема медикаментов, включающих в себя оксихинолин.

Данное открытие разбило в пух и прах хромое алиби «Сибя-Гейги», что от лекарства пострадали только японцы, и они сами несут ответственность за национальную катастрофу, так как они слишком доверяли указаниям производителей.

В 1979 году шведский врач доктор Олле Ханссон, профессор детской неврологии из Университета Гетеборга (Göteborg University), опубликовал результаты исследований токийского суда, пригласившего его выступить в качестве свидетеля на первом оксихинилиновом процессе. Его книга¹ не оставляет сомнений в том, что некоторые

1 Olle Hansson: Arzneimittel-Multis und der SMON-Skandal («Фармацевтические транснациональные корпорации и скандал с оксихинолом»), издано Z-Verlag (Базель) и Arzneimittel-Informationsdienst (Берлин).

крупные фармацевтические предприятия в погоне за прибылью идут по трупам – человеческим трупам – и прибегают к любой вообразимой лжи, лишь бы скрыть главное: их основным мотивом является прибыль.

В одной только Японии оксихинилин продавался под 168 разными названиями.

Ко многим шокирующим разоблачениям профессора Олле Ханссона относится также публикация собственного исследовательского протокола Сибы-Гейги. Данный документ датируется 19 июня 1939 года и свидетельствует о том, что швейцарским ученым удалось отравить значительное число животных оксихинилином, при этом сразу же после введения средства они начинали страдать от сильных судорог и нарушений дыхания; в конце концов, большая их часть умерла мучительной смертью.

Невзирая на эти результаты исследований, проводившихся тайно, Сиба-Гейги продолжила везде продавать опасный препарат и ограничилась лишь предупреждением *не давать лекарство домашним животным*.

Не есть ли данный случай ясное доказательство тому, что сами исследователи не верят в применимость опытов на животных к человеку?

28 апреля 1980 года в Женеве, в гостинице «Пента» японский комитет провел пресс-конференцию по оксихинолу для 37 репортеров со всего мира. Среди участников были адвокаты и корифеи медицины из Японии, Малайзии, Австралии, Нидерландов, Великобритании, Швейцарии, Шри Ланки, США, Франции, Норвегии и Италии.

В ходе конференции выяснилось, что «Сиба-Гейги» не принимала во внимание губительное действие препарата на животных, очевидно, ввиду того, что предприятие прекрасно знало о бессмысленности опытов на животных; тем не менее, транснациональная корпорация по всему миру продолжила продавать средство, содержащее клиоквинол, для использования человеком.

Позже в Японии опубликовали отчет об этой конференции. Вот некоторые выдержки из вступительного слова Хироши Изуми (Hiroshi Izumi), адвоката из Токио:

«Девять лет прошло с тех пор, как жертвы оксихинола впервые подали иск против государства, “Tekeda Chemical Industries Ltd.”, “Tanabe Seiyaki Co. Ltd”. С того процесса, имевшего места 28 мая 1971 года, по сегодняшний день количество исков возросло до 5500.

Токийский окружной суд вынес решение по делу оксиквинола 28 мая 1971 года. В нем говорилось:

“Главный офис ‘Сибы-Гейги’ в Базеле исследовал сообщения о том, что собаки, получавшие энтеро-виоформ или мексаформ, страдали от припадков, напоминающих эпилептические, и умирали, поэтому предприятие разослало циркулярное письмо ветеринарам, предупреждая их не использовать данное средство для лечения животных. Хотя препарат производился для человека, ‘Сиба-Гейги’ не только не предприняла никаких массовых мер, чтобы предупредить людей об опасности, но, как уже упоминалось, продолжила заверять в Японии о безопасности энтеровиоформа и мексаформа”.

“Сиба-Гейги” все еще продает клиоквинол во многих странах без адекватных предупреждений.

Гайди Андерсон (Heidi Anderson), шведка, принимавшая участие в этой пресс-конференции, имеет диагноз рассеянный склероз; но сейчас стало ясно, что болезнь возникла из-за клиоквинола. Отсюда можно допустить, что в Европе много других жертв этой болезни.

То, что “Сиба-Гейги” и другие транснациональные фармацевтические предприятия продают в страны третьего мира лекарства, запрещенные в индустриальных странах, есть преступление» (выделение добавлено).

(Отчет о конференции в Женеве по оксихинолу (Geneva Press Conference on SMON, Proceedings), Yamaichi Building, Токио 160).

История со стильбэстролом

В «Убийстве невинных» (Slaughter of the Innocent) мы подробно говорили об истории со стильбэстролом. Полное научное название этого препарата – диэтилстильбэстрол, но в США он известен как ДЭС. Он является прототипом всех синтетических эстрогенов (женских половых гормонов) и был разработан в 1939 году; его тогда протестировали на животных, которым он не причинил вреда. Но много лет спустя внезапно выяснилось, что он вызывает рак у девушек, чьи матери во время беременности принимали «чудо-средство»: как выяснилось, препарат проникает через плаценту и может дать начало раку у плода.

Но зачем вообще надо было назначать его беременным женщинам? Разве употребление любого препарата во время беременности не таит в себе опасность? Разумеется, исследователи так не считают, ведь их воспитали в ошибочном убеждении, что все, происходящее с животными, действительно и для человека. И женщинам прописывали ДЭС только по причине беременности; препарат расхваливали за то, что он якобы обеспечивает беременность без осложнений.

Когда выяснилось, что ДЭС стал первым препаратом, который, по определению самого же медицинского сообщества, ответственен за *новый вид рака* у людей, начался новый виток тестирования на животных этого медикамента, и вновь у подопытных животных онкологии не возникло!

Доктор Роберт Миллер (Robert W. Miller) из Национального Онкологического института (National Cancer Institute, Бетезда), составивший в 1973 году предупреждение, которое было спешно опубликовано Всемирной Организацией здравоохранения в Женеве, указывает в данном документе на следующее:

«Экспериментальные исследования на животных: не существует связи (одинаковых признаков) между разными видами опухолями, которые получали на экспериментальных моделях (то есть, на подопытных животных), и формами детской онкологии».

Либо доктору Миллеру не хватало интеллектуальных способностей для умозаключения, что опыты на животных ведут к трагическим ошибкам, и от них следует отказаться, либо у него не было мужества это признать. Последнее более вероятно, так как он и тысячи его коллег в Институте Бетезда получают деньги с экспериментов на животных, не умеют производить исследования и зарабатывать себе на жизнь другими методами. Доктор Миллер в своем труде предложил только интенсифицировать эксперименты, хотя онкология, о которых он говорил, проявилась лишь после скрытого периода длиной от 14 до 22 лет.

В моей первой рукописи, переданной в издательство Bantam в сентябре 1976 года, говорится, что на тот момент выявлено как минимум 24 случаев рака вследствие ДЭСа. Это был совершенно новый вид рака, ранее совершенно неизвестный. Давайте еще раз обратимся к рассуждению доктора Миллера в историческом документе, который был опубликован Всемирной организацией здравоохранения в Женеве под названием «Трансплацентарный карциногенез» (“Transplacental Carcinogenesis”, возникновение рака через плаценту – Г.Р.):

«Менее шести месяцев назад к нам пришла драматическая новость, что у ребенка рак может возникнуть от лекарства, которое его мать принимала во время беременности. Ранее ничего подобного не наблюдалось. У восьми молодых женщин, проживающих под Бостоном, диагностировали особую форму рака влагалища (светлоклеточную аденокарциному влагалища), болезнь женщин пожилого возраста».

Я сообщил о трагедии с ДЭС еще в 1973 году, в октябрьском выпуске итальянского журнала “Animali e Natura” – тогда о ней еще только-только стало известно – и указывал, что ввиду длительного скрытого периода зафиксированные случаи окажутся лишь первыми. Увы, предсказать это было легко.

Та статья, опубликованная под эгидой CIVIS, моего собственного информационного центра в Италии, ставила цель предупредить итальянских врачей, выписывающих беременным женщинам эстроген. Статью разослали во все итальянские газеты и журналы, но никто не обратил на нее внимания; только еженедельная газета “Рапогата” подтвердила получение. Между тем, медицинские авторы, чьи знания оставались на уровне XIX века, продолжали испускать газетные полосы, а итальянские врачи – выписывать доверчивым пациенткам эстроген, вызывающий рак, и длилось это еще на протяжении двух лет, прежде чем итальянский «официальный» медицинский мир не очнулся от спячки.

В подобном случае мне кажется правильным говорить о преступной небрежности, и прежде всего ввиду фактов, которые с тех пор всплыли на поверхность.

В США общественность узнала о трагедии 4 апреля 1978 года, то было сообщение «Юнайтед Пресс Интернешнл» из Ньюарка, оно появилось в “New York Times” в виде маленькой неприметной газетной статьи под названием «Жертва рака достигает соглашения с производителями ДЭСа» (A Cancer Victim Settles with DES Manufacturer).

«Нью-джерсийский фармацевтический концерн, выпускающий гормональный препарат, призванный предотвратить выкидыши, сегодня заявил о своей готовности возместить финансовый ущерб женщине, заболевшей раком из-за того, что ее мать принимала препарат, известный как ДЭС.

Концерн “Лаборатории Каррик” (Carnrick Laboratories) в Сидар-Нолл достиг внесудебного соглашения о выплате суммы, размер которой не называется, Кэтрин Конвей Кершоу (Catherine Conway Kershaw), проживающей в Уилмингтоне, штат Делавэр.

Соглашение было достигнуто незадолго до предполагавшихся судебных слушаний по этому делу. В рамках соглашения стороны договорились не обнародовать размер компенсации и другие подробности дела.

Это было одно из первых внесудебных соглашений в процессах против изготовителей диэтилстильбэстрола, или ДЭСа.

Миссис Кершоу и ее мать обратились в суд с обвинением, что у миссис Кершоу возник рак из-за препарата, который ее мать принимала 25 лет назад, после нескольких необъяснимых выкидышей.

Как теперь выяснилось, ДЭС может вызвать у небольшого числа женщин, принимающих его, рак влагалища».

Обратите внимание, как Юнайтед Пресс в последнем абзаце попыталась минимизировать произошедшее. Тем не менее, трагедия разрасталась столь же неумолимо, сколь раковая опухоль при традиционном лечении. С тех пор число известных случаев многократно возросло, а жертвы ДЭСа либо члены их семей объединились, чтобы вместе подать в суд на производителя. В августовском выпуске “Mother Jones” напечатано письмо Маргот Граммер (Margot Gramer) из Нью-Йорка, она назвала себя «дочерью ДЭСа» и активным членом нью-йоркской организации DES-Action. Она пишет следующее:

«Число случаев вдвое больше указанного в статье – ближе к 400, а смертей было не десять, а гораздо больше. Кроме того, почти у 90% дочерей ДЭС был «аномальный, не злокачественный» аденоз влагалища (доброкачественная опухоль, которая может стать злокачественной) либо другие функциональные нарушения репродуктивных органов. ДЭС выписывали примерно 6 миллионам беременных женщин, и приблизительное число дочерей ДЭСа составляет около половины от данного показателя. Самым старшим дочерям ДЭС сейчас от 30 до 40 лет, и поэтому невозможно спрогнозировать дальнейшее течение болезни у женщин, не имеющих онкологии в настоящий момент».

Тем временем случаев рака, возникшего из-за ДЭСа, становилось все больше, и, благодаря группам действий против ДЭСа, СМИ, находящиеся под контролем истеблишмента оказались не в состоянии игнорировать сообщения о болезни либо преуменьшать ее масштабы.

17 июля 1979 года в “New York Times” появилась статья под названием «Женщина выигрывает суд по делу ДЭСа» (Woman Wins Suit in DES Case). В ней можно прочитать следующее:

«В рамках беспрецедентного приговора, вынесенного вчера в Верховном суде штата Нью-Йорк в городе Бронксе, заседатели приняли решение, что фармацевтическое предприятие должно выплатить 500 тыс. долларов компенсации женщине, которая заболела раком из-за ДЭСа – этот медикамент выписывали ее матери для предотвращения выкидыша...»

В статье указывалось, что имя 25-летней пострадавшей – Джойс Бичлер (Joyce Bichler), и она была социальным работником; а компания, которую обязали выплатить компенсацию, – «Эли-Лилли и Ко» (Ely Lilly & Co).

26 августа 1979 года в “New York Times” выходит очередная статья под названием «Женщина, утверждавшая, что ДЭС вызвал у нее онкологию, получит 800000 долларов компенсации» (A Woman Who Said DES Caused a Cancer Is Awarded \$ 800.000). Речь шла о 26-летней Анне Нидхем (Anna Needham). Производитель, ответственный за причинение вреда, White Laboratories в Кенилворте, штат Нью-Йорк, тем временем вошел в состав корпорации Schering-Plough. Статья завершается следующим образом:

«Во время слушания дела мистер Чарфурс (Charfoos, адвокат пострадавшей – Г.Р.) заявил, что около 400 женщин заболели раком влагалища после того, как их матери принимали лекарство, а как минимум еще у тысячи – предраковое состояние».

Сейчас, когда заболеваемость раком растет во всех странах, а всемогущие медицина и химическая промышленность властвуют над населением, воспринимая их как безмолвное стадо овец, без ответа один вопрос: почему процессы по делу фармацевтических предприятий проходят в суде по гражданским делам, а не по уголовным, как, безусловно, следовало бы? По обвинению в массовом убийстве. Объяснение будет в последующих главах.

24 марта 1980 года в журнале “Time” появляется очередная статья про «дочь ДЭСа», и вот выдержка из нее:

«Сейчас появляются все более тревожные новости для “дочерей ДЭСа”. Кажется, что по достижении репродуктивного возраста они больше, чем другие женщины, предрасположены к выкидышам, мертворождениям и внематочной беременности»

Новости о ДЭСе публиковали “New England Journal of Medicine” и другие медицинские издания, и все они оказывались неутешительными. Действие этого препарата может распространяться на третье поколение, а также на половые органы мужчин.

P.S. ДЭС до сих пор присутствует на рынке – как контрацептивное средство для приема «на следующий день». То есть, теперь у него показания диаметрально противоположны тем, что были заявлены сначала!

Рост врожденных уродств

В главе «Десять тысяч уродцев» книги «Убийство невинных» мы привели полные и неопровержимые доказательства того, что опыты на животных не только стали причиной всемирной трагедии с талидомидом, но и несут ответственность а масштабы трагедии.

23 февраля 1962 года, когда первые признаки катастрофы уже появились на горизонте, журнал “Time” сообщает, что «после трехлетних исследований на животных» на рынок вышел талидомид.

1 августа 1958 года западногерманский производитель, фирма Grünenthal, разослала 40 тысячам немецких врачей циркулярное письмо, в котором талидомид называли лучшим успокоительным средством для беременных и кормящих женщин, безвредным препаратом для матери и ребенка.

В октябре 1961 года британский обладатель лицензии, компания “Distillers” после собственных обширных опытов на животных выпустила талидомид на британский рынок под названием диставал, сделав при этом следующие заверения:

«Диставал совершенно безопасен, и его могут принимать беременные и кормящие женщины без угрозы побочных эффектов для матери и ребенка».

Самый длинный уголовный процесс в Германии закончился в декабре 1970 года тем, что было прекращено дело против химической компании Grünenthal: целый ряд всемирно известных специалистов в области медицины заявили, что опыты на животных никогда не бывают полностью применимы к человеку, поэтому Grünenthal была освобождена от какой-либо ответственности за трагедию. Ибо требуемые тесты были проведены со всей добросовестностью.

А если экспериментаторы в очередной раз сделают ошибку, то покраснеют ли они, откажутся ли от своих ненадежных методов исследования, уйдут ли тайком в ночи? Нет, отнюдь нет. Они всего лишь потребуют больше денег, чтобы исправить причиненный ими вред.

История с талидомидом должна была привести к отказу от всех опытов на животных раз и навсегда. Но вопреки всякой логике, в погоне за прибылью экспериментов на животных стало проводиться все больше – безопасность потребителей при этом в расчет не принималась, и ничего не стоило предсказать катастрофические результаты.

Примодос, аменорон-форте, дуогимон и дебендокс стали продолжением талидомидовой трагедии по всей Европе.

В 1978 году, когда стало появляться все больше фотографий и сообщений о неправильно сформировавшихся младенцах, чьи матери во время беременности принимали дуогимон, его производитель, фирма Schering в Берлине, тонко подшутила над потребителями: она просто переименовала медикамент в куморит. Службы здравоохранения не возражали.

В США среди препаратов, которые становятся причиной все большего количества уродств у младенцев, есть бендектин – американское название британского дебендокса.

«Специалисты сообщают: очень распространенный медикамент вызывает уродства у детей» (Experts: Common Drug Causing Deformed Babies), – этот крупный заголовок появился 9 октября 1979 года в “National Enquirer”, «скандальной газетке», раскрывающей некоторые неприятные правды, о которых американцы никогда не узнают из “New York Times”, “Washington Post” и других «авторитетных» изданий, обязующихся стоять на страже определенных интересов. Статья начинается следующим образом:

«Разразился грандиозный скандал, который может оказаться гораздо масштабнее, чем ужас вследствие талидомида – тысячи младенцев появляются на свет с врожденными уродствами из-за того, что их матери на ранних сроках беременности принимали лекарство от тошноты. Невероятно, но этот препарат до сих пор выписывают примерно 500 тысячам американских женщин. Несмотря на ясные доказательства специалистов, что средство ужасно калечит тело, производитель отрицает опасность и, согласно жалобам возмущенных экспертов, пытаются скрыть правду. Но что шокирует еще больше: Администрация по пищевым продуктам и лекарственным средствам получала от врачей бесчисленные предупреждения об опасности и ничего не сделала для прекращения его использования. Медикамент под названием бендектин – это самый распространенный сегодня в Америке препарат от утренней тошноты у беременных женщин. “Это одна из самых шокирующих катастроф в истории медицины”, – заявил доктор Нейл Соломон (Neil Solomon), в прошлом профессор знаменитой Медицинской школы Джона Хопкинса».

20 января 1980 года высокоавторитетное британское издание “Observer” напечатало на своей первой полосе крупный заголовок «Страх перед новым лекарством, подобным талидомиду» (“New Thalidomide-Style Drug Fear”).

Это касалось дебендокса: возникли подозрения, что из-за него возросло число врожденных уродств. И кое-что в настоящей статье было особенно интересно, ввиду предыдущего сообщения: «подозрению» уже много лет!

К тому времени, как производитель, «Меррелл» (Merrell), предстал перед судом, он уже позаботился о «научных оценках» от «медицинских специалистов», которые бы оспорили утверждения о тератогенности (то есть, способности вызывать врожденные уродства) препарата.

“Observer” опубликовал документы, которые «были составлены с надеждой на конфиденциальность и неразглашение». Они показали, среди прочего, что между фирмой Merrel и Ричардом Смителлсом (Richard Smithells), профессором педиатрии Университета Лидс (Leeds University) имела место «профессиональная связь». В результате, этот профессор провел «исследование», освобождающее «Меррелл» от всякой ответственности, а Смителлс в письме под грифом «секретно» предложил, чтобы эта компания предоставила грант его кафедре.

В одном из эпизодов письма говорится следующее: «Разумеется, я был бы благодарен за любой жест, который готова сделать “Меррелл”, но я думаю, большая помощь заключалась бы в указании, что дебендокс не имеет тератогенных свойств».

Не надо быть ясновидящим, чтобы предположить: «Меррелл», обладающая фармацевтической мудростью, знала, как понимать этот намек.

Тем временем, в Америке “National Enquirer” написал о трагедии с дебендоксом (бендектином) следующее:

«Невзирая на опасность бендектина, отмеченную профессионалами, “Меррелл” указала на бутылках, в которых средство рассылается по аптекам, что препарат безопасен... Только в конце этикетки “Меррелл” слегка предупреждает, что “бендектин надо применять только при реальной необходимости”».

А опыты на животных продолжаются – все больше и больше, чтобы обеспечить «большую безопасность». И неудивительно, что 17 июля 1984 года в “Neue Zürcher Zeitung” появилось следующее сообщение из Цинциннати от агентства Рейтер:

«Merrell Dow Pharmaceutical Inc., фармацевтическое предприятие и дочерняя компания американского химического концерна Dow Chemicals Co., хочет выплатить 120 миллионов долларов людям, пострадавшим от медикаментозного препарата бендектина. Представитель компании заявил в воскресенье, что в рамках внесудебного соглашения уже заявлено о создании фонда в 120 миллионов долларов; таким образом при помощи адвокатов пострадавших был найден экономический способ решить судебное противоречие относительно лекарства, изъятого из продажи, для более чем 700 истцов».

Часть 2

Международный химико-медико-вивисекционный комбинат

Химический синдикат

Вряд ли стоит объяснять, что большинство транснациональных корпораций готовы пойти на все, лишь бы расширить свою долю на мировом рынке. Это лежит в основе всех конкурирующих предприятий. Столь же очевидно и другое: компании забывают о своей конкуренции и объединяются, если речь идет об их общих интересах или если они чувствуют общую опасность.

Интересы химической картели тесно переплетаются с интересами других крупных отраслей промышленности: от сталелитейной и нефтяной до авиационной и оборонной, но сейчас мы рассмотрим неразрывный альянс медицинского синдиката и вивисекционного. Медицинский синдикат дает возможность химическому синдикату сбывать зомбированным людям бесконечные «новые» лекарства, которые приходят на смену старым, когда становится уже невозможно скрывать бесполезность или опасность последних. Химико-медико-вивисекционный комбинат – это особенно прочный альянс, потому что в нем есть полное и постоянное единство интересов.

Продукты химических гигантов проникли почти во все сферы жизни во всем мире, особенно с тех пор, как нефтехимические товары стали ключевым фактором мировой экономики. Сюда же относятся многочисленные и постоянно обновляющиеся отрасли, такие как производство фармацевтических препаратов, косметики, красителей, пищевых

добавок, промышленных очистителей, клеев, синтетических волокон, удобрений, агрохимикатов, резины, пластика, смазочных веществ, ядерных реакторов – и то лишь несколько примеров. Один только концерн «Хенкель», согласно его же собственной рекламе, выпускает более 8 тыс. продуктов самого разного профиля.

Таким образом, химические гиганты являются одновременно главными клиентами и главными поставщиками других крупных индустрий, таких как нефтяная промышленность или оборонная. Например, они покупают больше и больше нефти и стали и обеспечивают работников военной промышленности отравляющими газами, напалмом, бактериологическим и ядерным оружием; все это на стадии разработки и на этапе проверки готового продукта тестировалось на животных, и лишь потом последовали «генеральные репетиции» – колониальные войны в Корее, Вьетнаме, в разных частях Африки, Азии и Южной Америки.

Эта финансовая сила, обретенная нечестным путем, практически безгранична и используется жестоким образом. Если есть возможность – тайно, а в остальных случаях – открыто. Купить так можно не только американских политиков, но и иностранных.

Давайте вспомним скандал, связанный с Локхидом. Как тогда выяснилось, американский производитель самолетов без проблем «убедил» главу государства, принц-консорта, премьера, министра обороны и других высокопоставленных лиц на уровне кабинета министров в разных странах, чтобы военно-воздушные силы разных стран приобретали их самолеты – разумеется, на деньги налогоплательщиков. И давайте вспомним в этой связи, что в течение нескольких лет реактивный самолет Локхид стал причиной смерти 211 немецких пилотов в мирное время, а немецкая общественность задавалась вопросом, почему же военно-воздушные силы все покупают и покупают эту смертельную подделку. Ответа, разумеется, не было.

У химического синдиката финансовые возможности несоизмеримо больше, чем у одного производителя самолетов, и их используют самими разными, порой весьма отчаянными способами.

Во всех странах правящая Медицинская власть является одним из самых надежных партнеров Синдиката, и эффективность этого альянса возрастает из-за того, что его не видит несведущее, обманутое большинство. В наши дни Медицинская власть играет ту роль, которая в Средневековье принадлежала Церкви.

В 1977 году доктор Мартин Финке (Martin Fincke), профессор юриспруденции в Университете Пассау (Passau Universität, Западная Германия) опубликовал книгу под названием «Тестирование медикаментов – криминальные методы» (Testing of Medications – Criminal Methods, издатель юридической литературы C.F.Müller, Гейдельберг). В ней он обвинял медиков в преступных действиях. Он указывает, как больницы тестировали новые лекарства на ничего не подозревающих пациентах, а некоторые из них *должны были* погибнуть в ходе этих экспериментов, ставящих целью определить эффективность и безопасность новых лекарств. Вердикт Мартина Финке: виноваты в преднамеренном убийстве.

Обычно семь гигантов немецкой фармацевтической промышленности – Bayer, C.H. Boehringer Sohn, Boehringer Mannheim, Hoechst, Merck, Schering, Knoll – отчаянно борются друг с другом, но, столкнувшись с опасностью для всех них, тут же основали Ассоциацию фармацевтических и медицинских исследований (Pharmaceutical and Medical Study Association, Inc.), которая сумела дискредитировать профессора с помощью перехода на его личность, ведь они не могли опровергнуть его юридические и научные аргументы.

Конечно, всем ясно, что долг правительства – предъявить обвинение преступникам-фармацевтам, но государство находится в сговоре с ними, вот почему этого никогда не происходит.

В маленькой, но очень могущественной в денежном отношении Швейцарии химическая индустрия осуществляет контроль непосредственно через правительство, и происходящее там верно для большинства развитых стран. Однажды боссы швейцарской

химической картели выступали перед Федеральным советом. Приблизительный посыл их речи был такой:

«Мы – крупнейшие налогоплательщики и работодатели страны. Мы заботимся о том, чтобы государство оставалось стабильным. Дорогие, поддержку вы получаете главным образом от нас. Поэтому нам положено по праву принять участие в разговоре о том, как будут вестись дела. Если вы будете создавать нам какие-то проблемы, то мы просто закроем наши предприятия и перебазиремся в какую-нибудь развивающуюся страну, где нас встретят с распростертыми объятиями. Разумеется, благополучие всего народа и ваше лично для нас очень важно, ибо мы служим людям».

Если не считать последнего предложения, которое представляет собой полный вымысел, опровергнуть эту речь трудно. Швейцарское правительство вынуждено склонить голову и делать то, что ему приказывают. Результат: крупномасштабная обязательная вакцинация, растущие расходы на здравоохранение, одна из крупнейших (по сравнению с численностью населения) и хорошо вооруженных армий, излишние атомные станции (страна, благодаря своим водным ресурсам, является одним из крупнейших поставщиков электрической энергии), многие другие нелепости. Очень похоже на США.

Референдум

В 1939 году в Базеле, швейцарской химической столице, где 61% семей прямо или косвенно зависят от фармацевтической промышленности, маленькая группа противников вивисекции организовала референдум, чтобы сделать вивисекцию «немного более гуманной». Всполошилась не только химическая индустрия, но и Городской совет Базеля – такую беду нельзя было допустить.

Городской совет велел медицинскому факультету университета, фармацевтической индустрии, органам здравоохранения Базеля в письменном виде изложить свое «мнение» о вивисекции – а все эти структуры взаимосвязаны. Затем Совет объединил эти три мнения – все за вивисекцию и в поддержку ее бесконтрольного продолжения – и сделал из них доклад, который распространяли среди политиков и СМИ, чтобы те провели обработку населения. Совет добавил примечание, что ввиду четкости, обстоятельности и неоспоримости высказанных мнений сам он может только подписаться под каждым словом в них. По сути эти высказывания представляли собой концентрат всех мифов о вивисекции с одним небольшим дополнением: «Промышленное экспериментирование на животных соответствует принципам благополучия животных».

Инициаторы референдума представили в Городской совет свою позицию, прежде всего основываясь на книге цюрихского зубного врача Людвиг Флигеля (Ludwig Fliegel) «1000 врачей против вивисекции». Они процитировали слова как минимум 70 из тысячи швейцарских врачей, которые называли вивисекцию глупой, ненадежной и вредной практикой, но Городской совет не обратил внимание на это сторону, и у избирателей не оставалось ничего, кроме доклада, составленного фармацевтической промышленностью и одобренного их правительством.

А индустрия тем временем рассылала ежедневные циркулярные письма всем своим сотрудникам и предупреждала, что они потеряют работу в случае проигрыша на референдуме; еще она заставляла своих деловых партнеров сделать аналогичные предупреждения. Заинтересованные стороны заявляли, что исход референдума не в их пользу повлечет за собой перемещение основных отраслей промышленности в другие страны, а это убьет не только Базель, но и всю страну.

За неделю до голосования индустрия наводнила город билбордами и рекламными объявлениями, призывающими людей голосовать на референдуме «против» во благо своего здоровья, своих семей и своего города.

В последнюю неделю Базельская лига защиты животных, которая поначалу обещала сохранять нейтралитет в споре, вдруг совершила поворот на 180 градусов и в листовках и объявлениях призвала своих сторонников голосовать против.

Правительственный радиоканал, единственный в Швейцарии, дал эфирное время представителю фармацевтической промышленности, доктору Ротлину (Rothlin), но не дал возможности высказаться другой стороне. Прочие СМИ действовали также.

А на митинге незадолго до голосования доктор К. Хубер (K. Huber), секретарь городского Департамента здравоохранения, пустил слух, что референдум профинансировал иностранными конкурентами, желающими разрушить швейцарскую фармацевтическую индустрию – и слова эти распространились со скоростью света.

Накануне голосования несколько противников вивисекции объединились и попытались купить рекламное место в СМИ, чтобы представить свою позицию, но газеты им отказали. Нетрудно догадаться, каким оказался исход референдума при таких обстоятельствах.

Условия

Американская химическая картель, благодаря своей чудовищной силе и полной бесцеремонности, влияет не только на политику своей страны, но и на другие государства. Например, в 1978 году она оказала давление на социалистическое правительство Шри-Ланки (бывшего Цейлона) и заставила его отказаться от программы, которая предусматривала резкое сокращение американских медикаментов: Вашингтон угрожал в случае выполнения программы прекратить поставку столь необходимой продовольственной помощи.

Продовольственную помощь финансируют американские налогоплательщики, но правительство, зависящее от химической промышленности, использует тактику шантажа, чтобы навязать бедным странам дорогие лекарства, которые они не хотят, не могут себе позволить, и в которых не нуждаются. А получаемая прибыль идет в карман не американским налогоплательщикам, а напрямую в закрома медикаментозной картели. Это показывает, в какой мере наша картель удерживает власть.

Когда Америка представляет кредиты неразвитым странам (опять же, то деньги налогоплательщиков), перед ними ставят условие, что кредит пойдет главным образом на покупку американских товаров, а особенно таких, которые вовсе не нужны «облагодетельствованным» странам. Ведь когда товар *действительно необходим*, в специальном продвижении он не нуждается. Часто бывает так, что неразвитым странам, обладающим плодороднейшими непаханными почвами, навязывают дорогие химические удобрения, которые впоследствии отравляют природное богатство. Но их сбыт приносит прибыль – пусть даже она не достается американскому народу, который, собственно, и предоставил деньги на изначальный кредит. Полученные средства возвращаются в карман химической индустрии, которая продала свои товары по завышенной цене. Еще бы, было бы некрасиво со стороны бедных, нуждающихся стран торговаться о ценах, когда богатые благодетели дают им кредиты.

Во многих случаях интересы химического синдиката совпадают с интересами врачебного синдиката.

Медицинский синдикат

В XIII веке Фридрих II из Гогенштауфена, король Сицилии и Германии, заложил основы Медицинской державы изданием первого приказа, который был призван защитить больных от шарлатанов. Он разрешал заниматься лечебной деятельностью только тем врачам, которые имеют одобрение государства (этот термин появился тогда). Но очень

скоро – такова уж человеческая натура – охотники за прибылью объединились и основали самоподдерживающуюся картель со своими догматическими правилами, и даже государство неспособно дать ей отпор. Ведь оно, государство, согласилось работать в согласии с ней и следить за тем, чтобы честные врачи, которые следуют клятве Гиппократа и могут разрушить прибыльную медицину своими дешевыми природными методами лечения, оказались вне закона, были исключены из профессии или попали в тюрьму... как шарлатаны. И эти самозванные медики ради своей безопасности начали прятаться в непроницаемом облаке чернил, подобно каракатицам.

В результате, сегодня мы слышим оды «чудо-лекарствам», имеющим сложные химические формулы «научного» вида, и они заняли место таинственной средневековой абракадабры и чудодейственной «святой воды», над которой служили литургию, и которую надо было пить под удары церковного колокола. И чем более таинственно выглядят новые формулы, тем больше восхваляется лекарство, и тем сильнее его психосоматическое действие – прямо как в Средневековье. А когда пациент выздоравливает, ему внушают, что выздоровление произошло чудесным образом, вследствие приема лекарства, а не благодаря силам природы; хотя на самом деле именно они исцеляют человека и даже нейтрализуют отрицательный эффект, неизбежный при употреблении любого лекарства. Разумеется, большинство людей («Большинство всегда неправо» – Роскоммон) никогда не согласится с этим, ведь признать данный факт означало бы расписаться в отсутствии критического мышления.

Медицинская громада, получая поддержку от пропагандистской машины химической картели, прибегая к хитрым сговорам и обманам, создала священный миф, и лишь избранные жрецы имеют доступ к тайнам здравоохранения. Но...

Кто, собственно, имеет присваивать кому-то степень доктор медицины? Разумеется, дипломированные врачи, имеющие репутацию. А каким образом врачи могут снискать репутацию? Уж конечно, не признанием того, что природа является *suprema guaritrix* – первым по эффективности лечебным средством, а способностью преподнести себя как величайшего медика и спасителя человечества. Медицина – отнюдь не точная наука, поэтому высших постов добиваются те, кто обладает наибольшим даром к очковтирательству и готовностью идти на сделки.

Курт Блюхель – автор книги «Белые маги» (Kurt Blüchel, Weisse Magier), раскрывающей мошенничества со стороны фармацевтической промышленности в Германии и доказывающей, что именно она является основной причиной роста хронических заболеваний, врожденных уродств и онкологии. Как уже говорилось в «Убийстве невинных», первоначального издателя книги «убедили» отказаться от нее. Он публиковал некоторые многотиражные журналы, например, “Der Stern”, и поэтому не мог ссориться со своими главными рекламодателями. В дальнейшем за книгу взялось издательство Fischer, которое не печатало журналов, и по этой причине рекламодатели не оказывали на него давления).

Между тем Блюхель опубликовал еще одно разоблачение, книгу «Медицинский синдикат» (“Das Medizin-Syndikat”, Rowohlt, 1978) о Медицинской империи и ее организации в ФРГ.

Организация

Блюхель в течение многих лет был пресс-секретарем в медицинской ассоциации и фармацевтической компании, а также редактором медицинского журнала. Так что он знал, о чем пишет. В нашем контексте особенно примечательна глава «Медицинский синдикат и его организация»:

«В настоящее время понятие “синдикат” имеет два определения.

Объединение предприятий, самая строгая форма картели, с собственной юридической структурой и административным аппаратом.

Обозначение преступной организации, замаскировавшейся под легальное юридическое предприятие.

Мы увидим, что в наших медицинских организациях прослеживаются признаки обоих видов синдикатов, и что их устав вполне можно определить этим термином.

Если говорить о синдикате в коммерческом значении, он обладает следующими признаками:

– Монополизация всех товаров и услуг определенного вида. Каждый, кто хочет иметь данные товары или услуги, может получить их только через синдикат. Результатом этого является огромная мощь синдиката, а монополистический характер дает ей возможность шантажировать общество.

– Для сохранения синдиката требуется строгая внутренняя дисциплина. Каждый должен выполнять правила, нарушители караются жестким террором, так как их действия угрожают основной структуре синдиката и, стало быть, его монопольному положению.

– Чтобы оказывать достаточное внутреннее давление на отдельных членов, синдикаты выступают как жесткие и беспощадные боевые соединения, причем единое мнение синдиката насаждается насильно как внутри него, так и за пределами.

– Львиная часть прибыли синдиката идет к его немногочисленным руководителям, которые также решают, что должно происходить внутри синдиката и за его пределами. Правда, рядовым членам синдиката гарантируют высокую зарплату, которая значительно превышает среднюю. Тем не менее “большие деньги” делают только руководители.

– Члены синдиката вынуждены отделить себя от общества. Синдикат обеспечивает им защиту и гарантирует хорошую зарплату. И поэтому все, что происходит в нем, должно оставаться тайной. Синдикаты всегда имеют что-то общее с тайным союзом. Как правило, синдикаты образованы в нарушение действующих законов, при этом со стороны кажется, что все происходит в соответствии с правилами. Синдикат имеет свои собственные законы, которые пронизаны жестокостью. Как правило, те законы, по которым живет общество, финансирующее синдикат, для самого синдиката несущественны.

Таким образом, деятельность синдиката характеризуется внешней и внутренней борьбой: борьба с нарушителями в своих рядах и борьба со всем, что оказывается на пути интересов синдиката.

Основной закон Немецкого врачебного общества можно охарактеризовать следующими положениями, которые одновременно являются признаками синдиката:

1. Все немецкие врачи в силу закона являются принудительными членами ячеек. А система ячеек связывает воедино все врачебные услуги страны.
2. Для поддержания дисциплины ячейки неукротимо борются с нарушителями в своих рядах.
3. Ячейки, а особенно головная организация, федеральное общество, с непревзойденной яростью борются со всем, что оказывается на пути интересов медицинского синдиката.
4. Система ячеек и ее антиобщественная политика гарантируют всем членам высокую зарплату, сильно превышающую среднестатистическую. Но по-настоящему большие деньги получают лишь немногие врачи. Они имеют миллионный доход, и выступают в роли представителей медицинского синдиката.
5. Все члены синдиката хранят молчание, когда речь идет о действиях против другого члена синдиката. Уголовные и административные процессы по врачебным ошибкам показывают, почему при всеобщем “молчании синдиката” какие-либо юридические меры против его членов оказываются невозможны».

«В Германии врачебный корпус держится на двух столпах (структурах, поддерживающих самих себя). Ячейки докторов – с верховным главнокомандованием в Кельне – занимаются прежде всего “чистотой” врачебной профессии и повсюду насаждают мысль, что человек не может обойтись без медицинского вмешательства. А врачи больничных касс – в их главе находится Федеральная ассоциация больничных касс в Кельне – представляют финансовые интересы врачебного сообщества. Их задача состоит прежде всего в том, чтобы торговаться с больничными кассами и службами здравоохранения о выплатах и сборах, а так называемые добровольческие объединения врачей активно им помогают».

Далее Блюхель сообщает, что в Германии власть принадлежит максимум сотне влиятельных функционеров от медицины, и в президиуме одни и те же люди сидят десятилетиями.

В комментариях Блюхеля речь идет о Германии, но структура врачебного синдиката одинакова во всех странах, ориентированных на прибыль. Например, при такой системе чрезвычайно сложно привлечь к ответственности медицинского работника за серьезную, порой даже смертельную врачебную ошибку. Подсудимый и его адвокат сразу опровергают «компетентность» суда и прокурора и обращаются за «авторитетным мнением» к специалистам, то есть, к коллегам, членам медицинского синдиката. Отсюда и утверждение, что степень «доктор медицины» равнозначна лицензии на убийство.

Во всех странах западного полушария врачебный синдикат добился господства самонадеянной, высокомерной клики, которая под предлогом защиты здоровья населения не считается с общественным мнением, правительством, законами, ограничениями и устанавливает диктатуру своей гильдии. Посторонним вход в нее запрещен. Судебный процесс по талидомиду был прекращен благодаря тому, что свое веское слово сказали «специалисты» – члены врачебного сообщества (из Германии с этой целью пригласили даже лауреата Нобелевской премии Бориса Чейна (Ernst Boris Chain)). Таким образом, химический синдикат столь же зависит от врачебного, сколь врачебный от химического: их интересы тесно переплетены, и они активны во всем мире.

Именно по этой причине суд над главой химического концерна с расчетом на успех пока еще невозможен. Обвинять его должны в массовом убийстве. Не животных, а людей.

Поэтому же государство может предписывать детям и арестантам очень опасную вакцину: Франция в 1950 году ввела обязательную вакцинацию от туберкулеза, невзирая на протесты многих врачей. Подобная принудительная вакцинация – в интересах Института Пастера. Ежегодно он поставляет все больше доз вакцины детям и солдатам, и делается эта «гуманная» миссия за счет беспомощных налогоплательщиков. Но данный факт ни к чему не обязывает Медицинскую империю в других странах: там она вольна объявить, что вакцина БЦЖ очень опасна, и так будет до тех пор, пока никто не начнет мешать их вакцинации. В данном случае столкновения интересов нет, следовательно, нет и конфликта.

В США вакцины Солка и Сейбина от полиомиелита восхвалялись как «прорыв» в лечении этого заболевания, хотя к тому времени во многих странах оно уже почти угасло, а после вакцинации ожило. Во Франции используют противополополиомелитную вакцину Лепина – она названа в честь Пьера Лепина (Pierre Lépine), директора Института Пастера. Кстати, директором того же института был и Кальмет (Calmette), и именно тогда использование его вакцины от туберкулеза стало обязательным.

Особенно примечательно то, что произошло в Италии в 1975 году. Комиссия врачей подготовила многотысячный список препаратов. Они хотели изъять их из каталога медицинского страхования из-за их бесполезности либо опасности. Тот список широко публиковался в СМИ. Но вышестоящее государственное заведение, так называемый Центральный институт здравоохранения (Istituto Superiore di Sanità), заглушил врачебную комиссию и решил, что ничего не надо убирать из списка; тем самым индустрия благоприятствовала причинению вреда здоровью. Этот случай показывает, насколько честные врачи бессильны в борьбе с Медицинским синдикатом. Настоящий эпизод – не исключителен, зато символичен.

Столь же показательна – по меньшей мере, для тех, кто умеет читать между строк – статья, которая вышла 23 июня 1978 года лишь в немногих американских газетах, например, в “Daily Northwestern” (г. Ошкош, штат Висконсин). В статье под заглавием «Секретная кампания может тормозить закон о дешевых лекарствах» (Secret Campaign Claimed to Cripple Laws for Cheaper Drugs) говорится следующее:

«Как сообщили сегодня сторонники реформы законов о медикаментах, производители лекарств, отпускаемых по рецепту, провели во всей стране тайную кампанию, чтобы пересмотреть федеральные законы, направленные на удешевление лекарств. Спонсоры встречи – Ассоциация учителей-пенсионеров (National Retired Teachers Association), Ассамблея штата Нью-Йорк (New York State Assembly) и Совет Государственного правительства (Council of state Governments) – заявили, что “секретная кампания, которую во многих штатах проводила Ассоциация брендов, во многих штатах изменила законы”. В настоящее время 38 штатов отменили либо изменили законы, которые не позволяют аптекарям продавать пациентам дешевые непатентованные лекарства вместо дорогих брендовых препаратов, выписанных врачом».

Тот, кто быстро просмотрел эти строчки, вряд ли поймут столь нечеткое сообщение. Оно означает, что некие неизвестные личности (пресса не отваживается называть их имена) смогли повлиять на достаточное число важных политиков и добиться отмены законов, которые бы принесли благо людям, а не промышленности. В изданиях, принадлежащих истеблишменту, таких как “New York Times”, “International Herald Tribune”, “Washington Post” было бы трудно напечатать такие новости.

Доктор Юлий Хакенталь (Julius Hackenthal), известнейший в Германии хирург и человек большого мужества, заявил в интервью для иллюстрированного журнала “Quick” (1978, №25):

«Любой думающий врач должен самое позднее через несколько дней после выхода на работу осознать аморальность и криминал, в которыми в значительной степени сопряжена медицинская профессия.

Если пациент держится подальше от врачей, он в среднем рискует гораздо меньше.

Упадок морали среди медиков принял самые крайние формы. Во врачебном сообществе сформировалась своего рода медицинская мафия. Когда речь идет о сохранении и преумножении привилегий, исчезает страх перед действиями, за которые, в соответствии с уголовными кодексами цивилизованных стран, полагается наказание.

Среди медиков главную ответственность за это несут функционеры от науки...

Есть множество доказательств в пользу того, что медики занимаются своей профессией по правилам сицилийской мафии».

Достойным завершением этой главы про врачебный синдикат станут слова, сказанные в 1975 году британским врачом и колумнистом Верноном Коулманом (Vernon Coleman):

«Так сложилось, что сегодня медицинской профессией управляет фармацевтическая индустрия. Фармацевтическая индустрия запугала их, подкупила и посадила на цепь. Несомненно, доктора утратили контроль над своей профессией и должны нести ответственность за все несчастные случаи и ошибки, происходящие из-за того, что они выписывают неправильные лекарства. Было бы неправильно просто обвинять фармацевтическую промышленность (чьей единственной целью является прибыль) в ущербности этики. Следует возложить ответственность на медицинскую профессию; сейчас она сводится к выполнению приказов индустрии и не может претендовать на то, чтобы называться отдельной профессией» (из “The Medicine Man”, Maurice Temple Smith Ltd, 1975).

Вивисекционный синдикат

Нет сомнений в том, что некое международное ведомство постоянно инструктирует национальные вивисекционные синдикаты на предмет того, как нейтрализовать антививисекционное движение и «внедряться в тыл противника». Так, в разных языках и на разных континентах в одно и то же время появляются идентичные аргументы и формулировки, защищающие вивисекцию. Их авторами чаще всего оказываются эксперты-медики, профессора университетов и научные корреспонденты.

Подобные сходства обнаруживаются в другом лагере, особенно в Европе: некоторые крупные якобы антививисекционные общества, имеющие давнюю историю, в своих

бессмысленных с точки зрения науки речах поддерживают «возможную» отмену всех опытов в будущем (исключительно из соображений этики, как во времена Ричарда Вагнера), но признают их необходимость в настоящее время. При этом в упор игнорируются тысячи медиков, которые говорили не только о бесполезности, но и о вреде данного неправильного метода исследования. Они тоже получают указания.

Местонахождение той службы остается тайной. Вряд ли она находится в Вашингтоне – скорее в Лондоне, местоположении Imperial Chemical Industries, или в Цюрихе, банковской столице, где «Хоффман-Ля Рош» разместила свое дочернее предприятие – фирму «Контрон», производящую сложные инструменты для исследований. Там же американская компания “Dow Chemicals”, единственный в мире производитель напалма, расположила свое европейское отделение и даже свой собственный банк, Dow Banking Corporation. А еще в Цюрихе до недавнего времени находилась редакция журнала “Animals International”, печатного органа Всемирного общества защиты животных. О нем мы поговорим дальше.

В странах, вроде трех вышеназванных, где доминирует химический синдикат, синдикат вивисекционный находится под защитой мощного лобби, которое скрывается за научными и респектабельными названиями.

Основные задачи Синдиката заключаются в предоставлении общественности «проверенной информации», во влиянии на СМИ и политиков, и, наконец, в проникновении в сферу защиты животных, особенно антививисекционного движения.

Официально синдикат только дает СМИ и общественности проверенную информацию. Но на самом деле он подкупает политиков и прессу. А еще он конфиденциально «инструктирует» своих членов. Я видел некоторые их письма и бумаги, составленные с этой целью – некоторые из них были напечатаны в типографии, но большая часть – на ротаторе. Они не только содержат советы для использования в статьях или дискуссиях, типа «настоящий антививисекционист должен быть вегетарианцем и обязан отказаться от кожаной обуви и шерстяной одежды» или «Вы хоть раз в своей жизни принимали аспирин?» В них также есть советы по поведению и одежде, особенно в случае открытых дебатов:

«Поскольку Вашими оппонентами часто оказывается экзальтированная, растрепанная молодежь, важно сыграть на контрасте, иметь аккуратную прическу и быть хорошо одетым (галстук обязателен), но не слишком дорого (никакого “Гуччи”!) На людях старайтесь вести себя со своими оппонентами как можно более цивилизованно, какими бы враждебными они ни становились. Прежде чем перебивать их, давайте им закончить предложение, и никогда, никогда не раздражайтесь! Так будет больше шансов, что из себя выйдут они».

Самые важные инструкции – для антививисекционных обществ, в которые им удастся проникнуть. В письменном виде их нет. Я получил устные сообщения из источников, которым имею полное право доверять, и ниже мы познакомимся с этими сообщениями.

По сути, широкая инфильтрация делает возможной всю активность синдиката.

Сказанным можно объяснить парадоксальную ситуацию: с одной стороны, тысячи научных протоколов и высказываний известных врачей и исследователей доказывают, что немедленный и полный отказ от всех опытов на животных принесет лишь благо медицине, ибо он вернет ее на верный, гиппократовский путь, с другой – руководители крупных зоозащитных организаций не желают ничего слышать об этих мнениях и протоколах. Напротив, они знают лишь то, что слышат из уст фармацевтической индустрии и синдиката (за кулисами). Но если кто-то хочет свести воедино и разъяснить им эти противоречивые мнения, они отказываются слушать или не принимают информацию к сведению.

Поскольку СМИ, подвластные химической промышленности, представляют руководителей этих псевдозоозащитных организаций как защитников животных, и поскольку люди эти выступают против купирования ушей и сажания собак на цепь, им

удается снискать среди участников обществ доверие и даже слепое подчинение. Раз руководители объединений их убеждают, что пока еще опыты на животных неизбежны, значит, у них нет оснований считать иначе. Тем более когда руководители же говорят, что основали «фонд альтернативных методов», и соответственно, чем больше денег в него вложить, тем скорее уйдут в прошлое опыты на животных.

Но на самом деле ситуация прямо противоположна: многомиллионные средства, которые в последние десятилетия направлялись в подобные фонды, всегда попадали в руки экспериментаторов и использовались для закупки большего числа лабораторных животных. Так произошло в случае с американским Revlon и британским FRAME. За эти деньги не было разработано ни одного метода, который бы сократил использование лабораторных животных (хотя для отказа от опытов на животных никаких новых методов не требуется).

Итальянский врач Пьетро Кроче (Pietro Croce), профессор, руководитель микробиологического отделения больницы города Милана, исследователь туберкулеза и автор медицинских трудов, известных за пределами Италии опубликовал во Флоренции книгу «Вивисекция или наука – выбор» (Vivisezione o scienza – una scelta). В ней он объясняет, что альтернатив опытам на животных вообще не существует, ведь об альтернативах речь может идти лишь тогда, когда они заменяют что-то равноценное, но нет ничего более бессмысленного, вредного и опасного, чем опыты на животных. Есть медицинская наука, и она не имеет ни малейшего отношения к опытам на животных.

Интересна ситуация с FRAME (Fund for Replacement of Animals in Medical Experiments – Фонд замены животных в медицинских экспериментах), самым старым и известным фондом, занимающимся альтернативами. Он назначил «экспертную комиссию» – якобы для того, чтобы изучать замену животных на альтернативы в токсикологических тестах. Сегодня токсикологические тесты – это прежде всего пресловутый тест ЛД-50, из-за которого произошли практически все фармацевтические катастрофы, и который уже давно признан ненадежным.

Руководителем экспертной комиссии неизбежно стал активный вивисектор Майкл Боллз (Michael Balls). В ноябре 1982 года FRAME опубликовала результат одного из «исследований», над которым комитет тщательно работал три долгих года. По мнению «экспертов», животные по-прежнему необходимы для токсикологических тестов, и хотя многие ученые подчеркивают трудность переноса результатов с животных на человека, они пришли к выводу, что для *точного* выяснения, как можно переносить результаты с животных на человека, требуется *больше* опытов на животных!

Инфильтрация

«Вы можете и должны как угодно критиковать экспериментаторов на животных, чтобы убедить Ваших членов в искренности и преданности. На них можно нападать по моральным, этическим, интеллектуальным соображениям. Но никогда – по медицинским. Это единственное табу». Из инструкций, которые Вивисекционный синдикат дает обществам, куда собирается внедряться.

Причина таких руководств ясна. Опыты на животных могут быть упразднены только юридическим путем. Но их запрет невозможен до тех пор, пока химико-медико-вивисекционный синдикат говорит об их необходимости. То же самое относится и к референдумам. Только очень малой части населения безграничная любовь к животным позволит проголосовать за отмену всех опытов, если людей можно убедить в том, что такой отказ может нанести серьезных вред их здоровью (и «здоровью их детей»).

Доказательств того, что отказ от вивисекции не навредит, а принесет пользу медицине, имеется огромное количество. То есть, надо скрыть от людей, прежде всего от защитников животных. Вот почему возникла необходимость прикидываться своим в зоозащитных рядах.

Всякий думающий человек знает, что крупная индустрия и другие финансовые махины постоянно проникают в политику и правительство. Гораздо менее известно, что они просачиваются и в организации по защите животных. И было бы наивно предполагать, что чаще всего у них это не получается. Проблем нет никаких. Все, что нужно, это время и деньги. Времени – побольше.

Инфильтрация в антививисекционное движение гораздо более распространена в Европе, чем в США, потому что европейские законы в случае их выполнения серьезно ограничили бы деятельность вивисекторов, а в США таких законов нет, и поэтому нет нужды проникать в контролирующие органы.

В Европе комиссии, которые отвечают за контроль лабораторий и обеспечивают выполнение или невыполнение законов, целиком состоят из вивисекторов. На иное работники университетов и директора лабораторий не согласны. Иногда они даже высказывают некое подобие протеста – по поводу рациона животных или тесных клеток. Но этим дело и ограничивается. Если в органы, которые занимаются инспекцией, войдет настоящий и, тем более, компетентный антививисекционист, его там не потерпят.

Инфильтрацией можно объяснить и то, почему большинство вновь образованных европейских обществ оказываются более эффективными, чем старые, даже если у них отсутствуют финансы – старые организации часто получают деньги в наследство.

В новые общества еще не проникли противники. Пока не проникли.

Иногда инфильтрация бывает чисто идеологической и оказывается возможна лишь из-за неадекватности тех, кто стоит во главе обществ. Но гораздо чаще она производится умышленно.

Сказанное объясняет, почему многие старые европейские общества используют все виды отвлекающей тактики, например, содержат приюты и фонды «альтернатив к опытам». Но они в упор не желают донести до внимания общественности суть вивисекции – ее абсолютную бессмысленность с медицинской точки зрения – хотя имеют все возможности сделать это. И очень часто они в открытую рекламируют пользу и неизбежность опытов на животных, заявляя, что отмена их станет возможна после разработки «удовлетворительных альтернатив»; таким образом, эти люди намеренно игнорируют факт, что тысячи медицинских авторитетов уже доказали неэффективность нынешних опытов на животных, лишь выполняющих функцию алиби и ставших причиной всех фармацевтических катастроф современности.

И это объясняет явственный парадокс, заключающийся в том, что во многих европейских странах, в отличие от Америки, главные антививисекционные общества игнорировали либо даже осуждали книгу «Убийство невинных» – первый труд, представляющий собой разностороннее научное свидетельство неэффективности вивисекции для медицины. Хотя данная работа встретила единодушное одобрение у многих докторов медицины и значительно преумножила ряды антививисекционистов.

*

Первым вариантом «Убийства невинных» стало издание на итальянском языке, “Imperatrice Nuda”. Его выпустило в 1976 году издательская империя Rizzoli.

Молодой Анжело Риззоли (Angelo Rizzoli), унаследовавший империю от своего дедушки, заметил слишком поздно, что он наделал этой публикацией. В последние годы его империя держалась на плаву благодаря значительным финансовым вложениям со стороны полугосударственной транснациональной корпорации Montedison, которой также принадлежали все крупнейшие фармацевтические компании Farmitalia, Carlo Erba и многие другие.

Риззоли мог бы заявить, что книга раскуплена, и изъять из магазинов весь ее тираж, но неприятность заключалась в том, что все крупные газеты и журналы как раз тогда сообщили о выходе новой книги. О ней написала в своем воскресном выпуске “Corriere della Sera”, самая влиятельная итальянская газета.

В антививисекционном мире поднялся переполох: казалось, что лед тронулся. Воодушевление было немереным. Лишь некоторые люди из этой среды не разделяли восторгов: руководство единственной на тот момент антививисекционной лиги UAI (Unione Antivivisezionista Italiana), состоявшее из адвокатов и заседавшее в Милане.

UAI имело отделения во многих городах. Когда президенты этих отделений решили провести разные мероприятия в связи с выходом «Убийства невинных», вмешалась генеральный секретарь UAI, адвокат Карла Цессон (Carla Cesson), и запретила им это делать. Флорентийское отделение не подчинилось запрету, в результате, Карла поехала во Флоренцию и ликвидировала то отделение.

“Anabella”, один из крупнейших женских журналов, выпускаемых империей Rizzoli, хотел объявить сбор подписей против вивисекции и сделать планировали это прежде чем успеет вмешаться руководство. Сначала главный редактор журнала обратился в головное отделение UAI в Милане, и ему отказали. Затем он связался с президентом римского отделения, и тому идея понравилась. Но вновь на пути встала адвокат Карла Цессон. Споры продолжались – «агенты» всегда стремятся вызвать споры, чтобы сбить с толку общественность и удержать их от каких-либо действий. Римское отделение тоже не удалось удержать под контролем, поэтому Цессон распустила и ее. Потом та же судьба постигла и отделения в других городах. Но результат оказался не таким, как ожидало руководство UAI, а диаметрально противоположным.

Бывшие президенты и вице-президенты прежних отделений UAI основали свои собственные организации, которые, как и свойственно всем новым объединениям, развернули активную деятельность. Начался сбор подписей. В Италии подпись считается действительной только тогда, когда ее на месте заверяет нотариус, поэтому подобные инициативы всегда бывают сопряжены с большими трудностями и расходами. Журнал “Rapogama” писал, что вряд ли удастся собрать нужные 50 тысяч подписей, тем более что руководство UAI опять не одобрило его. Вместе с тем, за короткий срок удалось собрать аж 236 тысяч подписей. В результате, в парламент был внесен законопроект. Но еще до начала его обсуждения вмешалось итальянское правительство, и 236 тысяч нотариально заверенных подписей оказались в мусорном ведре...

В Германии врачи-аболюционисты через несколько месяцев после появления немецкоязычной версии книги в 1978 году объединились в «Общество медиков против экспериментов на животных».

В Швейцарии в 1980 году Франц Вебер (Franz Weber), ведущий журналист-эколог, собрал совет выдающихся интеллектуалов и медиков и запустил так называемую «популярную инициативу», направленную на отмену вивисекции и всех болезненных опытов с позвоночными животными. Нужно количество подписей набралось быстро, и казалось, что Швейцария станет первой в мире страной, которая скоро проголосует за отмену экспериментов.

Дальнейшие события показывают, насколько ведущие протекционистские общества подчинены интересам индустрии. Как только Франц Вебер вместе с автором этих строк объявили на пресс-конференции 9 июня 1980 года о запуске инициативы, совет главного швейцарского общества по предотвращению жестокости к животным – удобно расположенный в Базеле, химической столице Швейцарии – публично сняли с себя ответственность, призвали 67 нижестоящих обществ бойкотировать ее, развернули кампанию по всей стране через газетные интервью, поток брошюр и даже оплаченную газетную рекламу. Там они защищали эксперименты на животных как по медицинским, так и по коммерческим соображениями и пытались дискредитировать

антививисекционистов, переходя на личность. В результате, химической промышленности дергаться не пришлось – всю грязную работу сделали протекционистские общества.

Разумеется, в химической империи под названием Швейцария есть целый сонм «официальных защитников животных», которые взяли это название лишь для того, чтобы людей легче было обманывать по поводу опытов на животных: профессор университета и президент Вадтского общества защиты животных, доктор ветеринарии Самуэль Дебро (Samuel Debrot, кстати, он еще и директор лозаннской бойни), профессор университета и президент Базельского общества защиты животных доктор Рудольф Шенкель (Rudolf Schenkel, его жена работает в эндокринологической лаборатории компании «Сибя-Гейги»), доктор ветеринарии, профессор Ульрих Фредигер (Ulrich Freudiger), президент Бернского общества защиты животных (заодно и экспериментатор) и, разумеется, оба руководителя Швейцарского общества защиты животных, Ричард Штайнер (Richard Steiner) и Ганс Питер Гаеринг (Hans Peter Haering), которые столь же самоотверженно борются с антививисекционистами, как последние – с опытами на животных. К ним же примкнули и гранды СМИ, вроде Вернера Феттерли (Werner Vetterli) с французского телевидения, а также «научные корреспонденты» крупных газет, например, Герберт Церутти (Herbert Cerutti) из “Neue Zürche Zeitung”, Розмари Вальднер (Rosmarie Waldner) и Кристофер Нейдхардт (Christopher Neidhardt) из “Tages-Anzeiger”, Карл Штеммлер (Carl Stemmler) из “Beobachter”, вездесущий певец химической промышленности Петер Роннер (Peter Ronner) и многие другие – весь костяк швейцарских СМИ.

В Швейцарии вскоре после выхода немецкой версии «Убийства невинных» некий Балц Видмер (Balz Widmer) из Грабса основал организацию «Врачи против опытов на животных». Ныне ее численность достигает 400 человек. То есть, все эти врачи предположительно выступают против экспериментов на животных, но, очевидно, у них не хватило времени прочитать устав общества. Ибо уже из первого абзаца следует, что основатели стремятся не к прекращению опытов на животных и не радикальному их уменьшению, а только постоянному их росту. Он состоит из обычных «этических» рассуждений и выглядит следующим образом:

«Опыты на животных весьма сомнительны по соображениям этики и гуманности. Животные, особенно высшие млекопитающие, – это живые существа, как и люди, а не товары для использования. Они также страдают от одиночества, страха, боли, безнадежности. Цель, то есть, наше благополучие, не должна оправдывать все средства. Мы, врачи, стремящиеся облегчить страдания, не должны равнодушно смотреть на страдания животных, используемых в науке. В том, что касается судьбы подопытных животных, мы должны установить определенные границы, назвать вещи своими именами и признать, что приходится иметь дело с бессмысленными экспериментами, повторами, тупиками и мучениями. Мы должны бороться против роста числа опытов на животных, иначе мы утратим реалистичность. Мы должны выступать против избыточного использования животных и жестокого обращения с ними».

*

В последние годы, по мере того, как деятельность организаций против вивисекции становится все более заметной, активизировались и крупные предприниматели. Например, некоторые из них избрали кратчайший путь и сами стали основывать якобы «протекционистские» общества. Нескольких примеров будет достаточно, чтобы понять, как это работает.

В Австрии несколько лет назад не было законов, которые бы «регулировали», то есть, ставили бы целью ограничить вивисекцию. Когда за дело взялись австрийские антививисекционисты, Синдикат осознал необходимость законов, которые под предлогом защиты животных защитили бы вивисекторов, легализуя их деятельность, как в большинстве европейских стран.

В один прекрасный день доктор Джозеф Кениг (Joseph König), известный ветеринар из Вены, впервые жизни осудил варварства вивисекции. Он написал в колонке «Благополучие животных» ежедневной газеты “Kurier” и выдвинул идею основать антививисекционную лигу, которая бы потребовала жесткого «ограничительного» законодательства, предусматривающего отказ от мучений животных в лабораториях. В комиссию по разработке законов входили некий доктор Оскар Блоекл (Oskar Bloeckl), зальцбургский хирург и ведущий австрийский вивисектор, и, конечно, Джозеф Кениг собственной персоной, великий «защитник животных». Он, кроме того, должен был возглавить структуру, занимающуюся «инспекцией лабораторий».

Закон о «регуливании» вивисекции в Австрии появился быстро, с того дня австрийские вивисекторы оказались под полной защитой, а животные – в их распоряжении, без возможности помилования.

Я выяснил все это летом 1978 года, вскоре после появления немецкоязычной версии «Убийства невинных». Тогда меня пригласили принять участие в дискуссии о вивисекции на австрийском телевидении.

Про доктора ветеринарии Джозефа Кенига сказали, что он принадлежит к лагерю антививисекционистов, так же как доктор Герберт Штиллер (Herbert Stiller) из Германии и я. Сторона за вивисекцию включала в себя доктора Блоекла, хирурга и вивисектора, и доктора Гельмута Маске (Helmut Maske), австрийского представителя швейцарского химического гиганта «Сандоз» (Sandoz).

Доктор Блоекл без устали повторял, что *вынужден работать на животных*, а доктор Кениг вновь и вновь подтверждал это заявление. Но оба они забывали упомянуть, что сами же создали эти законы. В процессе дебатов «антививисекционист» доктор Кениг все больше тяготел к взглядам вивисекторов и даже высмеял нас с доктором Штиллером, когда мы дали проверенную информацию о том, какой вред причинили людям лекарства, прошедшие испытания на животных и признанные безопасными.

В последующих выпусках “Kurier” доктор Кениг вновь воспел оды фармацевтической индустрии и посоветовал мне не забывать о том, что швейцарский бюджет в профиците прежде всего благодаря базельским транснациональным корпорациям.

*

В конце 1970-х годов профессор Джорж Хеусе (Georges Heuse), французский биолог основал организацию LIDA (французская аббревиатура, обозначающая Международная лига за права животных) и перед международными СМИ обнародовал Хартию Животных, снискав международную репутацию благородного защитника животных. Его хартия *не допускала какое-либо причинение боли животным из этических соображений*.

На должность президента организации он назначил некоего доктора Реми Шовина (Rémy Chauvin). В дальнейшем он позиционировался как антививисекционист, хотя был активным вивисектором. Во время ток-шоу по французскому телевидению его представили не как вивисектора, а как защитника животных, но вряд ли кто-то смог бы хуже выступить в этом образе.

Тем временем, невзирая на высокие идеи Хартии животных, профессоре Хеусе непрямо, но упорно отстаивал необходимость вивисекции – делал он это на конференциях, в газетных статьях, в интервью для СМИ.

Например, он публично заявлял, что 80% всех опытов можно снять немедленно. Эту позицию приняли многие антививисекционистские общества, и под ней готов подписаться любой вивисектор до тех пор, пока будут продолжаться его эксперименты – но остальные 20% нужны еще в течение нескольких десятилетий, что значит миллионы ежегодно.

Многие защитники животных слышали, как 24 октября 1981 года на конференции, проводившейся в римской гостинице Ритц, профессор Хеусе выступал за официальные исследования и подверг резкой критике антививисекционизм. Он постоянно критиковал

эксперименты с этической точки зрения, но придерживался сценария Синдиката. В результате, в его выступлении были следующие слова:

«Мы полностью согласны с антививисекционизмом *в том, что касается этики*. Но мы категорически против принципиального антививисекциализма, вульгарно отрицающего науку и медицину, заявляющего, что опыты на животных не привнесли прогресса в медицину, что аллопатическая медицина и лекарства опасны для здоровья и так далее. Распространяя такую ложь, антививисекционисты вредят делу. К ним невозможно было бы придаться, *если бы они ограничились отстаиванием этики прав животных*».

Руководитель римского отделения LIDA в итальянском переводе, подготовленном для СМИ и общественности, благоразумно вырезала нападки Хеусе на антививисекционизм.

Президент испанского отделения LIDA Хорхе Боос (Jorge Boos) разослал эмоциональное письмо во все европейские зоозащитные организации, в котором, однако, опять же ни слова не было о ненадежности и вреде опытов на животных – речь вновь шла лишь о морали и этике. Например:

«Я предлагаю заявить о солидарности со Всемирной декларацией прав животных (International Declaration for Animal Rights). Я только что сообщил о своей солидарности профессору Джорджу Хеусе, президенту Международной Лиги защиты животных, и вместе с учеными, публично объявляющими жестокость к животным преступлением, придерживаюсь мнения, что государства-участники ООН должны вынести на обсуждение эту декларацию. Необходимо приложить массу усилий, чтобы наши требования признать права за животными прекратить их страдания и отказаться от их рабства были выполнены».

Очень красивые и правильные слова, а сказаны они были для того, чтобы создать профессору Джорджу Хеусе, заядлому вивисектору, репутацию неукротимого борца за права животных и таким образом запудрить мозги настоящим защитникам животных рассказами о временной неизбежности вивисекции.

Суть дела такова: пока крупные антививисекционные организации будут следовать указаниям синдикатов, желающих, чтобы они отстаивали исключительно этические аргументы и игнорировали все научные доводы – а последние еще более неопровержимы ввиду их научности – у рупоров Синдиката проблем не будет. Они всегда смогут заявить, что *их* этика более высокого порядка. Они говорят: «Мадам, мы больше беспокоимся о жизни Вашего ребенка, чем о благополучии какой-то собаки. А Вы?»

Очень странный вице-президент

Когда в 1980 году вышло французское издание «Убийства невинных» (Ces bêtes qu'on torture inutilement, Ed. Favre, Lausanne), президент Всемирной коалиции за отмену опытов на животных, господин Жан-Дюрантон де магнии (Jean Duranton de Magny), основавший коалицию в 1953 году, хотел дать объявления в крупнейшие французские газеты и познакомить французскую общественность с первой книгой, развенчивающей опыты на животных в позиции науки, доказывающей их ненужность и контрпродуктивность.

Но этому намерению президента противостоял вице-президент доктор Жак Калмар (Jacques Kalmar). Президент в конце концов настоял на своем, но возникли споры, в результате, рекламная кампания оказалась ограничена.

7 апреля 1981 года по второму французскому телеканалу состоялось крупное ток-шоу, объявленное шестью месяцами ранее. «Гвоздем» программы должна была стать прославленная актриса Брижит Бардо (Brigitte Bardot), и аудитория его, по оценкам, составляла 16 миллионов телезрителей.

Дюрантон де Магни неоднократно и публично требовал, чтобы в нем участвовал Ваш покорный слуга Ганс Рюш, и отмечал, что без него дискуссия окажется бессмысленной. И появился хороший повод убрать Ганса Рюша.

Пред французской публикой явились лучшие образцы противников вивисекции – двое журналистов, Брижит Бардо, доктор Калмар и экспериментатор Рене Шовин (René Chauvin), вице-президент LIDA. Им противостояли исследователи из французского онкологического института, которым не удалось, невзирая на все их опыты, обуздать рост заболеваемости раком. Только вот во время дискуссии этот факт так ни разу и не упомянули...

А когда сторонники вивисекции начали доказывать, что с помощью большего числа опытов на животных можно было бы предотвратить трагедию с талидомидом, доктор Калмар молчал, хотя у него были все возможные доказательства, что сама по себе эта катастрофа и ее всемирный масштаб целиком и полностью связаны с вивисекцией. Точно так же он отмалчивался и во всех прочих ситуациях, когда его «оппоненты» сообщали ложную информацию.

Передача, которая была организована всемогущим медицинским синдикатом совместно с продажными СМИ и вышла в эфир 7 апреля 1982 года, стала величайшим за все время провалом для французского антививисекционного движения.

*

На ассамблее Исполнительного Совета Всемирной Федерации защиты животных (World Federation for the Protection of Animals), которая состоялась в Лондоне в октябре 1979 года, некая заноза представила инициативу, предусматривающая исключение из Исполнительного Совета всех тех, кто действует вразрез с этикой Всемирной Федерации защиты животных – а именно, охотников, вивисекторов и тому подобных. Ее отклонили со счетом десять к одному, при этом воздержались восемь. Ее принятие привело бы к исключению самого президента Всемирной Федерации защиты животных Ганса Юргена Вейхерта (Hans Jürgen Weichert), директора школы из Мюнхена. Он был охотником и вивисектором, но, тем не менее, смог достичь высот в защите животных.

В тот год два крупнейших в мире общества защиты животных, вышеупомянутая Всемирная Федерация защиты животных и лондонское Интернациональное Общество защиты животных (International Society for the Protection of Animals) поняли, что уже не могут скрывать от людей свою бесполезность, и решили сменить идентификацию, объединившись в одно общество с другим названием, но с теми же самыми людьми во главе. И «появилось» Всемирное общество защиты животных (World Society for the Protection of Animals).

Президентом нового общества был избран директор школы Вейхерт (являвшийся также вице-президентом крупнейшего немецкого общества защиты животных, ADT (Arbeitsgemeinschaft Deutscher Tierschutz – Ассоциация немецкой зоозащиты), и президентом еще одного общества, Deutsche Tierfreunde (Немецкие друзья животных), хотя он состоял в Баварской охотничьей ассоциации и имел совершенно ханжескую позицию относительно вивисекции: теоретически он осуждал ее, но на практике всегда отстаивал. Вот пример.

В 1974 году профессор Альфред Гютгеманн (Alfred Gütgemann), хирург из Бонна, провел экспериментальный диализ молодой медсестре, которая страдала инфекцией печени. Он соединил ее кровеносную систему с кровавым руслом трех бабуинов в надежде вылечить таким образом ее пораженную печень. Вместо этого бабуины умерли, как и молодая медсестра.

Профессору Гютгеманну следовало бы знать, что, к примеру, его коллеги в лондонской больнице святого Джеймса куда с большим успехом лечат эту болезнь при помощи искусственной печени.

Когда коллеги осудили этот эксперимент, назвав его безрассудным поступком, а актививисекционисты выразили свой протест, то кто бросился на выручку опальному вивисектору? Не кто иной, как крупнейшее в Германии общество защиты животных, ADT. Ганс Юрген Вейхерт, его вице-президент и рупор, оправдал эксперимент на основании того, что «прежде всего идут люди». Это дало возможность немецкой прессе написать в заголовках статей, что «даже защитники животных оправдывают вивисекцию».

В результате шквала протестов со стороны немецких актививисекционистов ADT оказалась вынуждена оправдаться в официальной «Позиции относительно опытов на животных» (Stellungnahme von Präsidium und Vorstand der ADT e.V. zum Problem der Tierversuche). В ней говорилось следующее:

«Поскольку наука во всех странах мира единодушно признает, что во многих сферах от опытов на животных отказаться невозможно, и поскольку защитники животных не в состоянии опровергнуть это утверждение, было бы бессмысленно требовать отмены экспериментов на животных».

Совершенно очевидно, что опровергнуть его неспособны лишь те «защитники животных», которые не желают это делать. А именно, «защитники животных» вроде Ганса Юргена Вейхерта.

Ранее его ADT возглавила список из семи основных немецких обществ защиты животных, составивших проект «нового законодательства в защиту животных», которое должно было вступить в силу в 1970 году. Вейхерту принадлежит честь авторства этого проекта, потому что он являлся постоянным представителем немецкого общества защиты животных. Во всяком случае, он подписал его. Вот выдержка из комментария к законопроекту, который конечно, разрешал абсолютно любые опыты.

«В будущем также должны допускаться исключения из запрета жестоких опытов на животных. Их ограничение не представляется возможным как по практическим, так и по юридическим соображениям ни в какой из сфер исследования, например, в сохранении и улучшении здоровья» (все выделения добавлены).

А теперь давайте сравним вышеприведенные слова с пропагандистским «руководством», которое появилось в “Animal International” (октябрь-декабрь 1970), официальном печатном органе вейхертовского Всемирного общества защиты животных; журнал этот распространяется на английском и немецком языках по всему миру среди доверчивых защитников животных, являющихся членами общества:

«Всемирное общество защиты животных осуждает причинение боли, страданий и нанесение травм любым животным, причем это касается и лабораторных животных» (переведено из немецкого выпуска).

Это позволяет оценить ханжество, царящее в официальных протекционистских кругах. Оно не могло бы возникнуть без сговора секретности и обмана, который на протяжении десятилетий имеет место во всех основных обществах защиты животных и актививисекционистских организациях, и которое впервые было разоблачено Международным научным информационным центром по вивисекции. Так же, как «Убийство невинных» оказалось первой крупной работой, дающей исчерпывающие научные доказательства того, что тестирование на животных причинило людям колоссальный вред.

*

Одним из крупнейших британских актививисекционных обществ, которое было основано в XIX веке, является лондонское NAVS (National Anti-Vivisection Society - Национальное актививисекционное общество). Его журнал, “Animal Defender”, регулярно печатает список рекомендованной тематической литературы – лишь те источники, которые осуждают вивисекцию исключительно по этическим соображениям. Там ничего не говорится о страшном вреде для здоровья из-за неверного метода исследования. Даже в фотографиях из этого журнала нет ничего опасного. А если некое подобие жестокости все-таки появляется, иллюстрацию скорее всего подпишут как-нибудь вроде

«Эксперимент в Польше» или «Вивисекция в Советском Союзе». Обществу защиты исследований не о чем беспокоиться. По большому счету, «Убийство невинных» пока что оказывается единственной работой, которую Национальное антививисекционное общество постоянно исключает из списка рекомендованной литературы, хотя один из членов его совета, доктор Джеймс Дональд Виттолл (James Donald Whittall), был среди многих врачей, поддержавших позиции этой книги. 17 августа 1978 года, примерно за 8 месяцев до выхода «Убийства...» в Англии, Виттолл, бывший депутат парламента, прочитав американское издание книги, писал мне:

«Я только что прочитал “Убийство невинных”. Я считаю, что это замечательная книга. Вы действительно показали вивисекцию во всей красе и предложили способы победить ее. Мне кажется, Ваша книга динамична. Если Вы согласны, я был бы признателен, если бы Вы прислали мне 6 экземпляров. Здесь Вашу книгу достать не получается.... Мне кажется, Ваша книга – своего рода бомба, она и проинформирует людей, и всколыхнет. Она вызовет давление со стороны общества... Госпожа Силинг (Seiling, президент нью-йоркской организации “Международное действие за животных”, United Action for Animals – Г.Р.) сказала, что мне следует убедить Совет NAVS, членом которого я являюсь, чтобы тот задействовал ученых-антививисекционистов на написание материалов об экспериментах, для последующей регулярной публикации их нашей организацией – люди так узнали бы о происходящем в лабораториях. Я пытался, но не смог убедить их сделать это...»

13 октября 1978 года доктор Виттолл писал:

«Спасибо, что прислали мне копию письма, отправленного Колину Смигу (Colin Smith, генеральному секретарю NAVS – Г. Р.). Я очень рад, что Вы объяснили ему невозможность искоренить вивисекцию с помощью финансирования альтернативных методов».

Когда менее чем через шесть месяцев «Убийство невинных» появилось в Великобритании, я надеялся, что доктору Виттоллу или хотя бы редактору, Джону Эвансу, разрешат написать о ней в журнале NAVSa. Но книгу проигнорировали.

Вместо этого, в выпуске журнала NAVS за сентябрь-октябрь 1981 года немецкая фармацевтическая промышленность, пускающая корни во все крупные журналы, напечатала статью, которая представляла собой гимн вивисекции, будто бы все мы обязаны жизнью ей. Да, безусловно, многие люди обязаны ей средствами к существованию.

После того, как статья вызвала шквал протестов со стороны разгневанных членов, президент NAVS, госпожа Даудинг (Dowding), знаменосец британского антививисекционизма, тактично объяснила, что за происходящее в журнале отвечает один только редактор Джон Эванс (Jon Evans), а Эванс, в свою очередь, столь же деликатно сказал, что «комментарий редакции», осуждающий немецкую статью, оказался каким-то образом утерян.

*

Международным отростком британского NAVSa является Интернациональная Ассоциация по отмене болезненных экспериментов на животных (IAAPEA), которая охватывает около 50 антививисекционных обществ всего мира. На Генеральной Ассамблее IAAPEA, состоявшейся в Милане в 1981 году, выступали многочисленные делегаты из разных стран. Все они активно осуждали вивисекцию за ненужность, иногда даже за бесполезность. Но опять же все шло в соответствии со сценарием: в знакомых до боли выступлениях делегатов ни слова не прозвучало о том, что этот неверный и преступно беспечный метод причинил безмерный вред человеческому здоровью.

Некоторые антививисекционные общества вступили в IAAPEA с самыми чистыми намерениями. Среди них – молодая римская организация LAV, которая работала в полном соответствии с принципами, провозглашенными в «Убийстве невинных». Но ей не дали времени выступить на Ассамблее.

*

Другое британское антививисекционное общество – Британский союз за отмену вивисекции. Он тоже находится в Лондоне. BUAV был основан в конце XIX века как аболюционистская организация, но с течением времени перешел к отвлекающей практике, вроде приютов, фондов альтернативных исследований и гламурных симпозиумов, куда ученые приглашаются для обсуждений, и где можно услышать даже больше бессмысленных речей, чем на заседании ООН.

Со временем в BUAV проникло столько сторонников вивисекции, что в 1970-е годы его Исполнительный Комитет поддержал позорный новый законопроект, представленный в парламент для замены Акта о жестокости к животным (Cruelty to Animals Act) 1976 года – последний оказался весьма неадекватным. Совершенно очевидно, что новый законопроект разрабатывали вивисекторы, и во многих отношениях он был даже хуже предыдущего.

Неудивительно, что когда примерно в то же самое время в Британии появилось «Убийство невинных», журнал “Animal Welfare”, издаваемый BUAVом, принялся отчаянно нападать на эту книгу. Редактор Джон Питт (John Pitt) высмеял, среди прочего, тот факт, что в «Убийстве...» аппарат Хорсли-Кларка описывается как орудие пыток; там же он подчеркнул, что устройство это принесло много пользы для современной медицины, а его изобретателей назвал достойными похвал «хирургами-антививисекционистами». Хотя за сто лет до описываемых событий BUAV был основан как аболюционистская организация, Питт также посмеялся над аболюционистской установкой книги и с удовольствием процитировал слова из “New Scientist”, издания сторонников вивисекции: «Очень не хотелось бы, чтобы книги вроде “Убийства невинных” попадались тем, кто мечтает об отмене, а не об ограничении вивисекции».

Когда нападки Питта стали достоянием гласности, члены BUAV единодушно восстали. На очередной Генеральной Ассамблее они добились снятия с должности давнего президента Бетти Эрп (Betty Earp) и избрали вместо нее Джин Пинк (Jean Pink), основателя антививисекционного общества «Помощь животным», которое работает в полном соответствии с идеями, изложенными в «Убийстве невинных».

Тем не менее, исполнительный совет по-прежнему в значительной степени состоял из «старой гвардии», не дававшей Джин Пинк предпринимать сколько-либо активные действия, и у нее не осталось иного выбора, кроме как подать в отставку.

Впоследствии в исполнительный комитет избирались новые члены, и их искренность не вызывает сомнений. Теперь они всячески стараются реабилитировать запятанный имидж BUAV. Насколько это им удастся теперь, после того, как Джона Питта сняли с должности, покажет время.

*

Случайная информация: в выпуске BUAVовского “Animal Welfare” за декабрь 1979 года Джон Питт изобразил Юргена Вейхерта, в то время еще президента Всемирной федерации защиты животных, как бескомпромиссного аболюциониста, коим он не являлся. Питт опубликовал статью, в которой Вейхерт писал о возглавляемой им в то время лиге следующее: «Всемирный фонд защиты отрицает из этических соображений всякие эксперименты на животных, где животным причиняется боль, страдания, наносятся повреждения».

Немецкий директор школы настолько преуспел в создании себе репутации храброго, бескомпромиссного защитника животных, что когда в 1974 году его соотечественник предприниматель Феликс Ванкель (Felix Wankel), изобретатель всемирно известного двигателя Ванкеля, учредил фонд, призванный облегчить страдания животных, он не мог представить себе лучшего руководителя для него, чем Вейхерт. В июне 1974 года на церемонии, состоявшейся в Мюнхенском Университете, Вейхерт вручил первую премию Фонда Ванкеля доктору Полю Вейгерту (Paul Weigert), который проводил эксперименты

на пяти собаках и сотнях крыс, чтобы жестокими способами вновь продемонстрировать факты, известные миру в течение десятилетий: оказывается, выхлопные газы автомобиля токсичны!

Госпожа Ингеборг Керстен (Ingebog Kersten) из Берлина сообщает в письме от 13 октября следующее:

«Работа лежит перед нами. При ее выполнении было использовано 464 белых крысы и пять собак. Далее идут несколько выдержек... Он распорядился, чтобы мы провели дополнительный опыт с крысами и искусственно вызвали у них повреждения печени. Крысы бесцельно бродили по камере, еле держась на ногах, а самое позднее через 15 минут ложились друг на друга и пребывали совершенно в апатичном и неподвижном состоянии. Мы их обескровливали без наркоза.

При этом выяснилось, что животные хоть и не могли двигаться, но сохраняли способность чувствовать боль».

А из циркулярного письма, которое нам прислал Иоганн Вальтер Балтус (Johann Walter Baltus), председатель организации «Инициатива против опытов на животных» (Initiative gegen Tierversuche, г. Кирхгайм близ Мюнхена), мы узнали следующую новость:

«Господин Вейхерт подал в суд на госпожу Керстен, жительницу Берлина, за то, что она назвала его предателем в рядах защитников животных (потому что этот человек выступал за опыты на животных и промышленно животноводство). Господин Вейхерт проиграл то дело, так что его по-прежнему можно называть предателем».

Аналогичным образом, принц Садруддин Ага Хан (Sadruddin Aga Khan), решив заняться борьбой против вивисекции, столь же «тщательно» ознакомился с информацией и оказал поддержку нескольким застойным, непродуктивным, окостеневшим от инфильтрации обществам.

Я сам столкнулся с неудачными попытками инфильтрации в мой CIVIS, организацию, которую меня в 1979 году убедили создать бывшие члены старых активививисекционных обществ, люди, разочаровавшиеся в них.

Наша первая генеральная ассамблея состоялась в Цюрихе через 2 месяца после основания CIVISa. Некий господин Эрнст Штейгер (Ernst Steiger), редактор нескольких многотиражных изданий, специализирующихся на вопросах здравоохранения, попросил слова, хотя не являлся членом организации. Но он считался другом нашего общества, в своих журналах он печатал отрывки из «Убийства невинных» и публиковал бесплатные объявления, призывающие читателей вступить к нам.

Ко всеобщему удивлению, он раскритиковал нашу тактику за «чрезмерную агрессию» и заверял нас, что смог бы обеспечить нам финансовую помощь (из неназванных источников) при условии, если наша политика станет более «разумной и умеренной», если мы откажемся от аболуционистской позиции, перестанем обличать химическую промышленность Швейцарии и удовлетворимся «постепенными» подвижками.

Страстно защищая швейцарскую химическую промышленность и разительно противореча собственным же словам в своих журналах, он договорился до того, что обязан жизнью химической индустрии. Небольшая группа людей, приехавших с ним, взрывалась аплодисментами после каждой его фразы, но когда из-за реакции наиболее эмоциональных участников CIVIS возникла опасность того, что встреча превратится в восстание, господин Штейгер покинул нас с оскорбленным видом. Правда, не навсегда.

На следующий день он подал заявку на вступление в общество, но она была отклонена вместе с членским взносом.

Эрнест потом туманно намекал на возможность судебного процесса, так как считал отказ принять его противозаконным. Но он не был таковым. И опять же, мы не избавились от господина Штейгера.

Оказалось, что, убегая с нашей встречи, он оставил «наблюдателей» – об этом он сам заявил в письме. Потом те люди записали имена и адреса всех членов CIVIS, за которых

смогли ухватиться. И участники, оставившие свои контакты, стали получать письма от господина Штейгера. В них говорилось, что CIVIS – замечательная организация, которая имеет огромное будущее и заслуживает всяческой поддержки со стороны благодетельных швейцарцев, что он, господин Штейгер, с удовольствием обеспечит им такую помощь – при условии устранения одного серьезного недостатка. Проблема, как Вы догадываетесь, состояла в основателе и президенте организации...

Вот почему в настоящее время наш Исполнительный Комитет ограничивается узким кругом лиц. Это честные и принципиальные люди, с которыми я познакомился задолго до основания CIVIS.

Великобритания

Среди надежных союзников британского вивисекционного истеблишмента уже давно находится большинство старых антививисекционных обществ. Порой бывает трудно сказать, в чем тут дело – в умысле или в некомпетентности их руководства, да и вряд ли это имеет значение. Результат все равно получается один и тот же.

Великобритания, которая всегда была родиной гуманистических инициатив, не имеет себе равных и по лицемерию. Полного обновления западной индустриализированной медицины нельзя достичь без законодательного запрета всех опытов на животных. Контроль лишь способствует продолжению и расширению нынешнего обмана. Более 100 лет «строгого» контроля привели к плачевным результатам. Ибо кто собирается контролировать инспекторов? «Строгий» контроль впервые ввели в 1876 году в Англии. То был внешне очень подробный Акт о жестокости к животным (Cruelty Against Animals Act). Он действует и поныне и стремится к тому, чтобы сократить опыты на животных в Британии до абсолютного минимума и избавлять животных от всяких страданий через анестезию и своевременную эвтаназию. Когда этот закон вступил в силу, во всей стране проводилось примерно по 300-800 опытов на животных в год. С тех пор их число ежегодно возрастало и достигло на момент написания книги 5,5 миллионов. Великобритания выделяется из общей массы только тем, что это единственная страна, где количество и виды опытов на животных должны быть обнародованы. Согласно официальным данным Министерства внутренних дел, в последние годы примерно 86% опытов проводились без какой-либо анестезии, и лишь в 3% случаев животных до пробуждения подвергали эвтаназии. И еще не факт, что наркоз был адекватным. Лорд Даудинг (Dowding) сообщал в Палате лордов о выявленных случаях, когда экспериментаторы при серьезных вмешательствах, таких как вырезание глаз кошкам, вместо того, чтобы вводить животных в глубокий наркоз, давали им успокоительное вроде диала. В настоящее время на всю Британию приходится только 14 инспекторов, которые подчиняются Министерству внутренних дел (а оно, в свою очередь зависит от химической промышленности), и у которых скорее всего нет ни времени, ни желания неожиданно появляться в лабораториях, как того требует закон. Они сидят за столом и выдают сертифицированным вивисекторам, коих насчитывается 18 тысяч, требуемые разрешения на миллионы экспериментов, которые якобы необходимы для блага все более страждущего населения Англии.

Британское вивисекционистское лобби, которое называет себя Обществом в защиту исследований (Research Defense Society), имеет офис в дорогом лондонском бизнес-центре. Его цели четко обозначены в анкете для вступающих:

« “Общество в защиту исследований”, основанное членом Королевского общества хирургов в январе 1908 года, существует для того, чтобы прояснять факты, связанные с экспериментами на животных, условиями и правилами проведения экспериментов на

живых животных в Соединенном Королевстве; подчеркивать важность таких экспериментов для благополучия людей и животных и указывать на уже существующие достижения, которые уже спасли здоровье и жизнь бесчисленному количеству людей и животных, предотвратили их страдания; защищать ученых, занимающихся медицинскими, биологическими и ветеринарными науками от нападков активистов; помогать научным работникам с подачей заявлений в министерство внутренних дел и получением нужных разрешений и сертификатов... Общество может также устроить лекции, которые будут читать от его лица его известные участники... Все члены получают бесплатно журнал Общества, "Conquest", и другие публикации».

Некоторые участники RDS – разводчики лабораторных животных. Его президент, граф Холзбери (The Earl of Halsbery), более 20 лет продвигает вивисекцию в парламенте.

Этот английский аристократ не видит ничего плохого в тесте Драйза, в ходе которого десяткам тысяч животным ежегодно глаз удерживают открытым с помощью металлических прищепок, чтобы разрушить его такими жизненно необходимыми товарами как предметы красоты; конечно, результаты оказываются привычно-ненадежными.

Холзбери – один из немногих парламентариев, кого пускают в лаборатории, потому он имеет привилегию получать информацию от животных напрямую, аки святой Франциск Ассизский.

Когда 21 июня 1979 года в Палате лордов проводились дебаты о страданиях лабораторных животных, он проявил недюжинное чувство юмора:

«Что касается курящих собак, я сходил в Олдерли-Эдж, где эти собаки используются, и поговорил с собаками. То был лучший способ узнать, насколько они возражают против привычки, которая доставляет такое удовольствие людям».

Далее он заявил, что большинство собак, используемых в опытах с курением, «прыгали от радости по утрам в понедельник, когда приходил их воспитатель и возобновлял курительные упражнения».

Британскому лобби удалось гораздо лучше, чем их американским коллегам, установить дружественные или, по меньшей мере, нейтральные отношения с некоторыми ведущими активистскими обществами и склонить их к смягчению политики.

Нижеследующее письмо от Стефана Вайна (Stephen Vine), главного инспектора Министерства внутренних дел, может стать откровением для тех, кто ничего не знает о дружеских отношениях между инспекторами и вивисекционным истеблишментом (только вот почему такие открытия делает иностранец, а не член какого-нибудь британского активистского общества?). То письмо от 22 октября 1969 года было напечатано в официальной канцелярии (Home Office, Romney House, Marsham Street, London S.W.1) и адресовалось одному из самых активных вивисекторов Англии, профессору А.Д. Макдональду, доктору медицины. Отправили его по адресу Общества в защиту исследований: Research Defence Society, 11, Chandos Street, Cavendish Square, London W.1. Вот его полный текст:

«Уважаемый профессор Макдональд (Macdonald)!

Я очень признателен Вам за замечательный вчерашний ужин в зоопарке и хотел бы через Вас поблагодарить Общество в защиту исследований за то, что меня пригласили.

Также я был бы признателен, если бы мы с Вами могли как-нибудь встретиться в приватной обстановке и обсудить пару вопросов, и я буду Вам благодарен, если Вы сможете встретиться со мной на ланч в ближайшем будущем в день, удобный для нас обоих.

Всего хорошего

Подпись

Стефан Вайн»

В этом письме есть добавление, написанное от руки:

«P.S. Прилагаю отрывок из моего письма, написанного кембриджскому профессору Янгу (вивисектору – Г.Р.), где речь идет о наших новостях относительно препарированных животных. Надеюсь, это поможет!»

Официально дружеские отношения между главным инспектором Министерства внутренних дел, который, как предполагалось, должен заниматься защитой животных, и вивисекционным истеблишментом были раскритикованы, когда несколько лет спустя Стефан Вайн покинул должность инспектора в связи с достижением пенсионного возраста и сразу же стал активным членом... вивисекционного лобби – Общества в защиту исследований!

Как известно, могущественное Королевское общество по предотвращению жестокости к животным (Royal Society for Prevention of Cruelty to Animals), находящееся под патронажем королевы, играет в Англии ту же роль, что и «швейцарская зоозащита» на своей территории: оно заботится об интересах индустрии, разводчиках лабораторных животных и о Синдикате. Оно заинтересовано не в том, чтобы донести мысль о ненадежности опытов на животных, а, наоборот, в том, чтобы убедить в их неизбежности.

Несколько лет назад психолог Ричард Райдер (Richard Ryder), вивисектор с большим стажем, проводивший опыты прежде всего на обезьянах, вдруг внял призывам защитников животных, отказался от своей деятельности и написал книгу «Жертвы науки» (Victims of Science), где он очень образно описывает жестокость экспериментов, но нигде не указывает на колоссальный вред этого неправильного метода исследования. То есть, он четко следует указаниям Синдиката, который, в свою очередь, разрешает только критику этического аспекта, но ни в коем случае не медицинского. Райдер придерживается их и в бесчисленных лекциях, с которыми ездит по всей стране.

Королевское общество по предотвращению жестокости к животным, псевдозоозащитная организация, в целом выступающая против опытов на животных, но на данный момент одобряющая их, в том числе в своей официальной позиции (Statement of Policies), предложила этому «антививисекционисту» должность президента, и он сразу согласился (сейчас он ушел с этого поста, но продолжает быть «консультантом» Общества по вопросам опытов на животных).

В случае с RSPCA речь идет даже не об инфильтрации, а об открытом участии в вивисекционном синдикате. И это еще опаснее Общества в защиту исследований: ведь Королевское Общество говорит своим членам, что мы *против* всех опытов на животных, но пока что они необходимы для науки.

Франция

В 1979 году французское лобби, которое называет себя Ассоциацией за медицинские исследования (Association pour la Recherche Médicale) выдвинуло новаторскую идею – избрать своим президентом и рупором знаменитого шоумена, Ива Монтана (Yves Montand). Очевидно, оно решило, что отсутствие у знаменитого певца и актера каких-либо знаний о медицине не столь уж важно, ведь вивисекторы точно так же ничего не знают о медицине, а широкие массы не станут беспокоиться по этому поводу благодаря промывке мозгов и безынициативности. Для Синдиката было важно то, что актерский талант Монтана снискал ему множество поклонников – таким достижением не мог похвастаться ни один ученый. А поскольку его назначение совпало по времени с его возвратом на сцену и на экран, французская пресса жаждала взять у него интервью и спросить, почему он согласился стать президентом той ассоциации.

В интервью для популярного иллюстрированного еженедельника “Paris Match” Монтан заявил о вивисекции следующее: «Это “жестокость”, которую нам надо сохранить».

Некоторые инакомыслящие писали письма Монтану лично и в журнал, вызывая на публичные дебаты нашего героя и любого вивисектора, которого он захочет привести с собой. Вызов тот напечатан не был, и Монтан его не принял.

США

В США лицом вивисекционного синдиката и неофициальным лобби прибыльной транснациональной корпорации Charles River Breeding Laboratories, Inc. (США, Франция, Англия, Италия, Япония, Германия) стало Национальное Общество медицинских исследований (National Society for Medical Research), основанное в 1946 году. Оно безо всяких зазрений совести избрало для себя следующую руководящую идею: «Способствовать тому, чтобы общество понимало принципы и гуманистические цели биомедицинских исследований».

На самом деле, Национальное общество медицинских исследований представляет собой полновесное пропагандистское Министерство вивисекции, которое, однако, замаскировалось под научную и гуманитарную организацию. Неудивительно, что его офис находится по адресу Washington D.C., 1029 Vermont Avenue NW – это в двух шагах от Капитолийского Холма. И лоббистам вивисекционного комбината даже не надо брать такси, чтобы отправиться в гости к своим сенаторам и конгрессменам, нагрузившись кейсами с «зеленью». Неудивительно, что в одном только 1977 году братство вивисекторов получило от американского правительства 8 миллиарда долларов налогоплательщиков, которые пошли на финансирование опытов на животных.

В Национальное общество медицинских исследований входят Национальные Институты здравоохранения (National Institutes of Health), Национальный научный фонд (National Science Foundation), Ведомство по делам ветеранов (Veterans Administration), армия, военно-морской флот и военно-воздушные силы США, а также другие организации, массово использующие животных.

В Америке вивисекция считается серьезным бизнесом, и тут никому бы и в голову не пришло назначить, как во Франции, главой лобби актера, пусть даже самого известного. Президентом Национального общества медицинских исследований всегда является какой-то влиятельный биолог или хирург с подвешенным языком, способный авторитетно рассуждать о социальных функциях опытов на животных и поддерживать связь «научного» общества со СМИ и народом.

В Америке, как и в прочих странах, он всего лишь выполняет роль яркого символа и управляет Синдикатом в той же мере, в какой позолоченная русалка на носу старого корабля рулила судном. Поскольку он является практикующим хирургом и занимается деланием денег, у него нет времени и знаний для управления гигантским синдикатом, в который чаще всего тайно вливается много крови.

Одним из президентов, а в дальнейшем секретарей Общества был доктор Кларенс Деннис (Clarence Dennis), который также управлял жерновами вивисекции в Ветеранской больнице Нордпорта (Northport Veterans Hospital). На самом деле, Синдикатом управляют практичные специалисты из профсоюзов, и общественности их имена остаются неизвестны. Они определяют основную линию партии, выбирают авторов для написания речей и пресс-релизов, нанимают пиарщиков и влиятельных лоббистов. Ими часто становятся старшие партнеры из крупных законодательных корпораций, члены которых заседают в сенате или в Палате представителей. Следовательно, они знают, как проще всего взобраться на Капитолийский холм. По большому счету, Национальное Общество медицинских исследований – неплохой специалист по политическим играм и следит за своим политическим имиджем.

Ни одно из многочисленных писем от разгневанных граждан не остается без ответа, которые обычно бывают написаны копирайтерами. Вот выдержка из длинного письма Общества за 30 июня 1978 года. Его отправили в ответ медсестре из Карлайла, штат

Пенсильвания, а свою подпись под ним поставил Турман С. Графтон (Thurman S. Grafton), исполнительный директор Национального Общества медицинских исследований:

«Общий тон Вашего письма свидетельствует о том, что Вы незнакомы с условиями и практиками сегодняшних биомедицинских исследовательских лабораторий. Кажется, у Вас сформировалось такое отношение вследствие лживой пропаганды антививисекционистов, которые самым отвратительным образом роются по материалам 30-70-летней давности в поисках ужасных примеров.

Мне очень трудно понять, как человек, получивший медицинскую специальность, может смотреть на биомедицинские исследования как на “многомиллионный бизнес” и не понимать, что единственная их цель – благополучие человека. Я как молодой отец четверых детей был счастлив, когда, благодаря опытам на обезьянах, а потом работе с культурой клеток, полученных из почек обезьяны, доктора Солк и Сейбин создали вакцины, и в результате наша страна почти забыла про детский паралич».

До чего убедительно. Особенно когда хороший ветеринар забывает упомянуть, что полиомиелит практически исчез к тому времени, когда начали впервые использовать вакцину Солка, что ее потом признали опасной и заменили на вакцину Сейбина, что сейбиновка вакцина в свою очередь оказалась канцерогенной, и что причиной канцерогенности были почки обезьяны, использовавшиеся для ее получения и содержащие вирус SV-40, безвредный для обезьяны, но чужеродный и потому смертельно опасный для человека. И именно поэтому доктор Леонард Хейфлик (Leonard Hayflick), бывший профессор микробиологии в Университете Стэнфорда (Stanford University, Калифорния) разработал другую вакцину, на человеческих тканях, которые получают от абортированного плода. Вакцина эта оказалась безвредной, но медицинские власти Америки одобрили ее лишь спустя годы, ведь она подвергала опасности вивисекционистские догмы. В «Убийстве невинных» можно прочитать подробности, в том числе о некоторых публикациях доктора Хейфлика, о статьях в “Time”, “Newsweek” и в медицинских журналах.

Нью-йоркская организация «Объединенные действия за животных» (United Action for Animals) добавляет следующую информацию про Национальное общество медицинских исследований. Изначально оно продавало крыс корпорации Charles River и лабораторные товары других производителей. Но затем, чтобы сосредоточить внимание на политических действиях и восхвалении «экспериментальных моделей», оно основало отдельную компанию – Американскую Ассоциацию за науку с лабораторными животными (American Association for Laboratory Animal Science). В нее входит множество ветеринаров, и она продвигает разведение, покупку и использование лабораторных животных, а также опыты на животных в школах и вузах. Одним из нее многочисленных членов является Taconic Farms, которая продает препарированных лабораторных животных – некоторым из них сделали до 17 хирургических операций, в том числе удаляли глазное яблоко.

Совет Европы

В Страсбурге, в Совете Европы парламентарии стран, входящих в Общий рынок (European Economic Community), должны были провести слушание новой конвенции в защиту животных, которую разработало RSPCA совместно с Обществом в защиту исследований. Цель этой новой конвенции якобы заключалась в защите подопытных животных, но на самом деле она законодательно закрепляла возможность широко практиковать вивисекцию.

Документ этот по утверждениям предназначался для блага животных, но разрешал все, даже то, что ранее было формально запрещено, например, многократное выполнение хирургических операций на одном и том же животном. Цели вивисекторов не ограничивались никак. Из конвенции следовало, что с болью и страданиями животных надо смириться. RSPCA, которая официально одобряет опыты на животных, не могла

отстаивать защиту животных в Евросовете от своего имени, и у них возникла идея поручить эту роль новой псевдозоозащитной организации, основанной ими же, и чтобы ею управляли их же члены комитета (среди них – много разных вивисекторов). Так в марте 1980 года в Брюсселе была официально зарегистрирована Еврогруппа за благополучие животных (Eurogroup for Animal Welfare). Почему в Брюсселе? С одной стороны, чтобы не создавалось впечатление, что опять это британская организация, с другой – чтобы быть поближе к Страсбургу.

Еврогруппа

На слушаниях в Страсбурге участников этой Еврогруппы представили как выразителей интересов животных, выступающих от лица парламентов разных европейских стран. В результате, в Совете Европы состоялись мнимые дебаты между ложными защитниками животных, которые приводили исключительно соображения этики, и вивисекторами, преимущественно британскими, которые тоже приводили этические документы, а еще вступались за «людей» и «наших детей», то есть, за этику более высокого порядка, и в очередной раз распространяли лживую информацию, против которой не смел возразить ни один эксперт. Ведь единственно официально приглашенной командой экспертов оказалась Еврогруппа!

«Экспертную команду» в Еврогруппе возглавляла биолог Джудит Хампсон (Judith Hampson), член RSPCA – последняя назначила ее Главным уполномоченным по опытам на животных. Сама Джудит раньше работала в лабораториях.

А из статьи, опубликованной в 1981 году, в осеннем номере журнала RSPCA, видно, какую защитницу животных Королевское Общество отправило в Евросовет. Джудит Хампсон пишет, среди прочего, следующее:

«Разумеется, с этической точки зрения *совершенно неприемлемо* причинять боль невинному существу из каких бы то ни было соображений. В пользу данной точки зрения можно привести очень серьезные философские аргументы, не говоря уж о вопросе прав животных. Но к чему это нас приведет? Мы живем не в Утопии, и, к сожалению, человеческими поступками в большей мере руководят соображения целесообразности, а не этика. Мы живем в реальном мире, а в реальном мире существует *факт*, который нам может нравиться или не нравится, и который заключается в том, что опыты на животных уже дали медицинской науке очень многое и в будущем принесут пользу. Из сказанного не следует, что они оправданы *этически* или что все опыты важны и незаменимы. Я просто констатирую факт. Когда кто-то пытается прятать голову в песок и делать вид, что это не так, либо же недооценивает значимость достижений в области медицины и физиологии, или же утверждает, что исследования можно проводить иными способами, такой человек вовсе не помогает делу» (выделения здесь сделала сама Джудит Хампсон).

Нетрудно понять, почему RSPCA назначила эту даму в Евросоюз для защиты интересов вивисекторов, а не животных. Именно этим она и занималась в ходе слушаний 8-9 декабря 1982 года.

Конвенцию тогда не приняли исключительно благодаря итальянской делегации, в которую входили выдающиеся специалисты в области медицины, ветеринарии и юриспруденции – они привели *научные* аргументы. Как известно, этические аргументы не имеют значения, когда речь идет о предположительном выборе между животным и человеком.

В августе 1984 года решения об этой конвенции принято еще не было. Быстрого принятия конвенции в декабре 1982 года, как надеялась британская делегация, удалось избежать только благодаря решительному протесту итальянской делегации. Все входящие в ее состав парламентарии, врачи, ветеринары, юристы, руководители зоозащитных организаций высказывались против нее, и это небольшое количество голосов сыграло решающую роль.

В ходе более поздних слушаний к итальянцам, выступавшим против конвенции, примкнули еще делегаты от Германии и некоторых других стран.

Стоит упомянуть еще вот о чем.

Шведские парламентарии на вопрос, почему они голосовали за конвенцию, ответили, что шведская зоозащита рекомендовала им это сделать *ради интересов животных*.

Ричард Райдер, бывший вивисектор, участвовал участие в слушаниях предположительно как защитник животных, но приводил только этические аргументы – в лучших традициях Синдиката.

То же самое касается госпожи Денизы Пастернак (Denise Pasternak), президента Швейцарской лиги за отмену вивисекции (Schweizerische Liga für die Abschaffung der Vivisektion). В Страсбурге выяснилось, что она состояла возглавляемом доктором Джудит Хампсон в «экспертном комитете» Еврогруппы, хотя Швейцария не входила в Общий рынок и, стало быть, официально не могла участвовать в Еврогруппе. То есть, мадам Пастернак вошла в «экспертную комиссию» своевольно. Каким образом она могла выступать в качестве «эксперта», оставалось загадкой для всех, кто присутствовал на ее выступлении. А когда в Швейцарии Дениза представляла оппозицию сторонникам вивисекции, и те опровергали ее псевдонаучные аргументы, она отказывалась отвечать на их возражения под предлогом того, что не обладает достаточной компетентностью.

Ничем не отличалось и поведение доктора Кальмара (Jacques Kalmar), которого вновь избрали вице-президентом французской лиги и всемирной коалиции за отмену вивисекции, и которому дали много времени на выступление. Организаторы точно знали, что он, как и Ричард Райдер с мадам Пастернак, не скажет ничего опасного для фармацевтического синдиката, что он ограничится общими фразами и не упомянет ни одну из многочисленных фармацевтических трагедий, связанных с принципиально неверным методом тестирования на животных. И они не ошиблись.

Вивисекционный бизнес

Несколько лет назад один из наиболее известных американских врачей доктор медицины А.В. Аллен (A.V. Allen), написал статью под названием «Вивисекция это бизнес» (Vivisection is a Business). Вполне логично, что ее удалось напечататься только в “The National”, журнале чикагского Национального антививисекционного общества (National Anti-Vivisection Society). Тем не менее, доктор А.В. Аллен был признанным авторитетом в мире медицины – выпускник Чикагского Университета медицины и хирургии (Chicago College of Medicine and Surgery), профессор офтальмологии в Последипломной медицинской школе штата Иллинойс (Illinois Post Graduate Medical School), член Американской медицинской ассоциации (American Medical Association), член Чикагского медицинского общества (Chicago Medical Society), член Национального конференс-борда врачей в промышленности (National Conference Board of Physicians in Industry), в течение многих лет главный хирург Компании им. Эдисона (Commonwealth Edison Company). То, что человек такого уровня не мог более широко заявить о своих антививисекционных взглядах, свидетельствует о том, какая цензура идет со стороны вивисекционных организаций. Вот выдержки из его блестящей статьи:

«Кажется, очень мало кто понимает, что вивисекция – это бизнес. И им начинают заниматься по той же причине, что и в случае с любым другим бизнесом: чтобы делать деньги и продвигать свои собственные интересы.

Их бизнес становится привлекательным не только из-за зарплат директоров лабораторий и стоимости тестирования разных продуктов. Дело тут еще в огласке: саморекламе в газетах и журналах, выступлениях по радио. Без такой публичности, идущей напрямую от вивисекционных экспериментов, многие известные вивисекторы так и остались бы посредственными единицами, получающими среднюю зарплату.

Вивисекторы, прикрываясь исследованиями, создали в наших учебных заведениях дорогостоящие лаборатории, животные там испытывают адские муки, чтобы несколько человек смогли выставить себя «крупными учеными». Руководители бизнеса знают, что это жульничество, но многие люди, находящиеся в их подчинении, искренне верят, что выполняют роль второстепенных элементов в научной машине и помогают науке...

Пожалуй, самый лучший способ проткнуть вивисекционный шар – это рассказать людям о некоторых частых трюках вивисекторов и разоблачить их практики, с помощью которых они из года в год дурачат общественность.

Один из самых распространенных приемов заключается в размещении пресс-релизов в СМИ. Обычно релизы вдохновенно повествуют нам о том, что вивисекция “почти разгадала” тайну какой-то болезни, или что “благодаря опытам на животных”, мы находимся на пороге “чудесного открытия”.

Только вот проверка обычно показывает, что это “великое открытие” уже известно много лет.

Возьмем, к примеру, историю, которая с завидной регулярностью появляется в СМИ в том или ином виде. Выглядит она примерно так: “Доктор такой-то считает, что стенокардию надо лечить при помощи хирургической операции. Данный метод лечения был открыт в лаборатории Бланк и испробован на собаках. Доктор такой-то – профессор чего-то там в заборостроительном университете”. Вот вам технология этой коварной системы рекламирования. Она означает раскрутку вивисектора, рекламу заведения, поддержку вивисекции и смерть собаки.

Давайте посмотрим, как читатель отреагирует на эту тайную рекламу. Если у него туберкулез, рак, язва, ангина, повышенное давление или простуда (все эти болезни недавно фигурировали в новостях), то скажет: “Слово доктору такому-то. Слава заборостроительному университету. Конечно, я поддерживаю использование собак в экспериментах”. Такие заявления – бальзам на душу страдальцам. Но, увы и ах, лечение никогда не будет найдено.

Другая форма обмана состоит в частом появлении статей, восхваляющих вивисекцию и утверждающих, что практически все медицинские достижения связаны с опытами на животных. Я бы признал за учеными право использовать этот аргумент, если бы в нем была хоть толика правды. Но почти все такие статьи изобилуют недоказанными утверждениями, типа «если бы не вивисекция, миллионы младенцев умирали бы ежегодно». Это полнейшая чушь, и подобные заявления может опровергнуть всякий, кто потрудится проверить факты. Если использовать такую же логику, то можно прийти до следующих утверждений: “Для тестирования армейских одеял в них завернули 20 собак, а потом поместили в холодильник, чтобы посмотреть, замерзнут ли они. Следовательно, без экспериментов на животных наши парни замерзли бы насмерть”.

Вот одно из недавних заявлений вивисектора: “Если бы не вивисекция, у нас бы не было пенициллина и сульфонамидов”. Когда им напоминают, что сульфонамиды открыл химик, а пенициллин – биолог, работая с микроскопом, они заявляют: “Но использование и дозировка все равно определены на животных”. Чтобы понять, какова доля правды в сих словах, я лично изучил резюме всех статей о пенициллине, опубликованных со времени открытия этого лекарства, и что обнаружил? В девяти статьях из десяти речь шла о людях. Если расположить их в хронологическом порядке, то окажется, что почти все, испытанное на собаках, ранее получено в ходе работы с людьми.

Так кто же определил дозировки пенициллина и показания к его применению? То были врачи, работающие в больницах, занимающиеся практикой. Им помог опыт вкупе с рассуждениями. Так что эта честь не может достаться какой-либо малой группе специалистов, а уж вивисекторам – тем более».

Эфир с патриархом вивисекции

3 мая 1978 года мне представилась возможность дискутировать на американском радио с патриархом вивисекции собственной персоной – с тогдашним президентом Национального Общества медицинских исследований доктором Кларенсом Денисом (Clarence Dennis), кардиохирургом, руководителем медицинских исследований (вивисекции) в Ветеранской больнице г. Нортпорт.

Встреча состоялась на передаче, которую вел Шерри Генри (Sherrye Henry), и которая шла по нью-йоркскому радио WOR.

Я хотел задать доктору Кларенсу Деннису вопрос об опытах «по изучению половой жизни кошек», которые в течение многих лет идут в Нью-Йоркском музее естественной истории (New York Museum of Natural History). Они все еще продолжались, когда я написал о них в «Убийстве невинных», но прекратились, когда стали достоянием общественности, благодаря оплаченным рекламным объявлениям в “New York Times” и последовавшим за ними массовым демонстрациям. После демонстраций от некоторых спонсоров раздались угрозы прекратить поддержку либо переписать завещания, в результате, директор музея Роберт Гуле (Robert Goelet) отменил те эксперименты. Тем не менее, они продолжались примерно в 30 других американских лабораториях, в том числе в Ветеранской больнице Нортпорта.

Эксперименты в Нью-Йоркском музее стали достоянием общественности, когда Генри Спайэр (Henry Spira), школьный учитель, смог получить заявления, которые музей должен был заполнять ежегодно для получения грантов от Национального Института здравоохранения детей и развития человека (National Institute of Child’s Health and Human Development) – очередной «гуманитарной» организации, возникшей благодаря щедрости Рокфеллера. Спайэр смог получить эти документы, благодаря обращению к малоизвестному в то время Акту о свободе информации (Freedom of Information Act). На него можно ссылаться, когда речь идет об общественных средствах, как в настоящем случае.

«Руководителем исследования» в тех заявлениях значился некий доктор философии Лестер Б. Аронзон (Lester B. Aronson), руководитель отдела поведенческих исследований. Из года в год эта команда получала гранты на исследования, а руководитель должен был описать их в бланке заявления. Как указывалось в одном из них, котам, «имеющим опыт половой жизни», и трехмесячным котяткам наносили разные увечья, в том числе удаляли оба глазных яблока, хирургическим путем лишали слуха и обоняния, кастрировали, повреждали мозг, рассекали позвоночник и т. д. Очевидно, целью всех этих манипуляций было выявление того, как они могут влиять на будущую половую жизнь жертвы.

Очевидно, с целью привнести некое разнообразие (ведь в заявке не была указана цель этого конкретного эксперимента) исследовательская команда запланировала также некоторые «терминальные» опыты – на жаргоне экспериментаторов это значит «до смерти».

Кошкам требовалось пройти через многое, прежде чем наступала избавительница-смерть. Животных зажимали на металлическом штативе, головы им фиксировали в «стереотаксическом устройстве» с двумя стальными стержнями, глубоко проникавшими в глазную впадину, откуда глазные яблоки удалили. Для предотвращения каких-либо движений им в полном сознании, сдавливали зажимами барабанные перепонки; а затем хирургическим путем обнажали пенисный нерв, прикрепляли его к электроду из серебряной проволоки с крючком на конце и наносили электрические удары, пока животное не умерло.

С Аронзоном работала некая Медлен Купер (Madeline Cooper), которая, по собственным же признаниям, всегда интересовалась половой жизнью кошек и специализировалась в этом направлении. В заявлениях Аронзона указывалось, среди прочего, на необходимость «звукоустойчивого помещения» и специальных переносках для агрессивных животных.

Бюллетень Национального общества медицинских исследований за октябрь 1977 года называет «отвратительными» демонстрации у входа в музей и рекламные объявления, требующие прекращения экспериментов.

А теперь настало время услышать из уст патриарха вивисекции официальное объяснение, для чего проводились те опыты.

Вопрос: «Доктор Деннис, Вы можете объяснить нам смысл тех опытов с кошками? Их протоколы лежат сейчас перед нами».

Ответ: «Вы понимаете, что изнасилования – это серьезная проблема, и вы знаете, что в половой жизни развиваются аномалии, ведущие к насилию. Я думаю, что они пытались понять через работу с кошками, чей мозг в каких-то отношениях сравним с человеческим – я знаю, я знаю, он не такой сложный, но во многих отношениях и в данном случае это так – и, я думаю, они проводили исследования с этой целью. Вот над чем они работают много лет» (точная запись ответа доктора Денниса, опущены только паузы и смущенные «гм» и «э-э-э»).

Позже выяснилось, что во время нашей дискуссии в лаборатории, которую возглавлял доктор Кларенс Деннис, проходили точно такие же эксперименты.

Не знаю, была ли связь между нашим эфиром и тем фактом, что после него доктора Денниса сняли с должности президента Национального общества медицинских исследований. Обычно его главы остаются на этом почетном месте до достижения предельного возраста, а зачастую и еще дольше, но доктору Деннису было еще далеко до этого. В любом случае, синдикат решил избрать другого «патриарха».

Часть 3

Обман со здоровьем

Рак: неиссякаемый источник золота

«Большинство видов онкологии все еще находятся на подъеме, сообщает эксперт американскому комитету» (Most Cancers Still on Rise, Expert Tells U.S. Panel).

Так называлась ведущая статья в “International Herald Tribune”. И она начиналась следующим образом:

«Большинство онкологических заболеваний до сих пор находятся на подъеме, некоторые распространяются очень заметно, заявил вчера представитель Национального Института рака (National Cancer Institute) перед Комитетом здравоохранения в Сенате. У мужчин растет заболеваемость восемью из десяти основных видов рака, сюда относятся рак мочевого пузыря, простаты, легких, кишечника, а у женщин – восемью из тринадцати, прежде всего раком легких, матки, груди, мочевого пузыря и почек».

Одновременно с ростом смертности из-за рака все более успешным становился поиск средств на так называемые онкологические исследования. С 1972 по 1978 год расходы Национального Онкологического института, «министерства обороны» в «войне против рака» достигли 5 миллиардов долларов – эта сумма вдвое превышает общее финансирование за предшествующие 35 лет со дня его основания. В тот же промежуток времени «расходы на войну» Американского Онкологического общества (American Cancer Society), частной организации возросли с 75 миллиардов долларов в 1971 году до почти 150 миллионов, то есть, тоже вдвое. Но обеспечили ли эти вложения прогресс, способный обуздать болезнь? Разумеется, нет.

Рак невозможно искоренить путем исследования механизма болезни – надо сократить до минимума соприкосновение с веществами, из-за которых нормальные клетки вырождаются и становятся канцерогенными. В научной литературе опубликован огромный объем информации о том, что факторы, вызывающие рак, есть в воздухе, которым мы дышим, в пище, которую мы едим, в воде, которую мы пьем, в медикаментах,

которые мы глотаем, в косметических средствах, которые мы потребляем, в сигаретах, которые мы курим. Тем не менее, никаких мер для профилактики не предпринимается.

Все канцерогенные субстанции и факторы следовало бы законодательно запретить. Но это несовместимо с прибылью транснациональных корпораций, не говоря уже о том, что лечение рака обеспечивает им двойной доход. Рак уже давно не представляет собой не медицинскую проблему, а экономико-социологическую: в этой болезни виноваты химические вещества в окружающей среде, пищевые консерванты, промышленные растворители, излучение, хлорсодержащие пестициды и т.д. Вместе с тем, для политиков вопросы прибыли гораздо важнее морали и здоровья. Неудивительно, что прогресс разных противораковых «кампаний» ограничивается сбором средств.

В конце 1940-х годов Моррис Билл (Morris Bealle) писал в «Истории лекарств» (“Drug Story”) следующее:

«Стоимость радия увеличилась на 1000% с тех пор, как некоторые предприимчивые люди от медицины ввели моду использовать его для лечения болезней, и в радий стали вкладывать столько денег, что те, кому он принадлежал, оказались не готовы капитулировать без боя, признав его бесполезность. А поскольку жертва рака до самой смерти потребляет множество лекарств, фармацевтические концерны отказываются одобрить природные методы лечения. В результате, врач, который хочет вылечить рак без медикаментов, сывороток, рентгена, радия и скальпеля – а названными методами победить эту болезнь невозможно – не только испытывает на себе постоянную враждебность организованной медицины, но и, что гораздо хуже, страдает от государственной Администрации по пищевым продуктам и лекарственным препаратам, Министерства связи, Службы здравоохранения и других инстанций, подчиняющихся фармацевтической индустрии.

Умные медики скажут Вам, что рак невозможно вылечить традиционными средствами. Облучение и хирургическое вмешательство лишь продлевают либо укорачивают жизнь и агонию и на время дают пациенту и его близким обманчивую успокаивающую надежду. Это время страданий обеспечивает фармацевтическим концернам огромную прибыль, что становится движущей силой для противодействия всем безмедикаментозным методам лечения. Одно обезболивающее стоимостью 5 центов приносит 5 долларов при продаже в розницу, а необходимость скрыть агонию у онкологических больных немало способствует росту прибыли фармацевтических предприятий.

Немаловажно и то, что облучение рентгеном или радием вызывает особенно сильную агонию, и после него неизбежно требуются большие дозы медикаментов и обезболивающие. Поэтому реклама медикаментозных концернов советует “облучение в дополнение к оперативному вмешательству”.

Снятие боли будит ложную надежду. Неврит (воспаление нервов), который возникает вследствие облучения, неизбежно ведет к смерти, невзирая на огромные количества обезболивающего, которые надо вводить, и которые пациент покупает у производителя со 10000%-ной наценкой.

Рак уже излечивали, но это происходило не вследствие нахождения несуществующего жука – все, чем за деньги равнодушных людей занимаются аферисты, контролирующие онкологический бизнес. Его излечивали врачи от традиционной медицины, такие как Кох (Koch), Лоффлер (Loffler) и Герзон (Gerson), а также натуропаты Бласс (Blass) и Хокси (Hoxsie) и некоторые другие».

Всем, кто возражает, что Моррис Билл писал не про наше время, советую заглянуть в новостной журнал “Time” от 22 декабря 1980 года, но в рубрику «Право», а не «Медицина».

Там говорится, что двумя годами ранее молодая пара бежала из Массачусетса в Мексику, потому что не хотела следовать решению суда продолжать лечить с помощью химиотерапии их трехлетнего сына Чада (Chad), страдавшего лейкемией. Через девять месяцев «неамериканского» лечения мальчик умер, и родители остались не только без ребенка, но и без дома, так как в США против них было возбуждено дело.

Разумеется, никто не мог доказать, что мальчик выздоровел бы, если бы его подвергли пресловутым американским методам лечения, тем не менее, американские власти по нащептыванию всемогущей медицины утверждали, что было бы именно так.

Если бы результаты лечения с помощью химиотерапии в Америке были положительными, родители, скорее всего, согласились бы ее продолжить вместо того, чтобы тратить силы и деньги на бегство в Мексику. Большинство людей, которые отказались от традиционных методов и прибегли к экзотическим, сделали это, потому что пациента было уже невозможно спасти, потому что прежнее лечение оказалось неэффективным. Но, разумеется, такая точка зрения не является официальной.

Далее статья в "Time" указывает:

«Бывший исполняющий обязанности главного прокурора Джонатан Брант (Jonathan Brant), который в 1978 году представлял сторону обвинения в этом деле, сообщил суду, что Чад отметил бы свой пятый день рождения на этой неделе, если бы родители согласились на химиотерапию».

Разумеется, судья, как и все американцы, подвергавшиеся промывке мозгов, искренне верил в это, хоть все факты свидетельствовали об обратном.

Наступление рака

Из цифр, которые ежегодно публикуются Американским Онкологическим обществом (American Cancer Society) и Службой статистики народонаселения (Vital Statistics), следует, что заболеваемость раком постоянно растет. В 1968 году от рака умерло 16,6% американцев, в 1970 этот показатель равнялся 17,2%, в 1975 достиг 19,3%, в 1978 превысил 20%, а в 1984 году составил 25%. Причем во всех так называемых цивилизованных странах, где служба здравоохранения сходна с американской, картина примерно такая же. Министр науки Ризенхубер (Riesenhuber) в августе 1984 года привел официальные данные о том, что 25% всех смертей в ФРГ приходятся на онкологию.

Таковы результаты прибыльных онкологических исследований, которые в течение двухсот лет проводились исключительно на животных.

В 1773 году во Франции некий Бернар Пейрил (Bernard Peyrilhe) впервые описал онкологический эксперимент на животном. Он ввел собаке «раковую жидкость», взятую у пациентки с раком груди, чтобы получить первый приз за доклад на тему «Что такое рак»; приз этот предложила Академия наук в Лионе.

С тех пор не миллионы, а миллиарды животных всех известных видов погибали за огромные деньги налогоплательщиков и всего общества, и нас уверяли, что это лучший способ «разгадать тайну рака» – которая не является тайной, ибо подавляющее большинство онкологических заболеваний хорошо известны, и их можно предотвратить через профилактику. Но Медицинская Сила оставляет профилактику в стороне, ведь она не несет с собой денег.

Таким образом, безмерно расточительные попытки найти «целебное средство» от рака через вызывание болезни у миллионов животных ежегодно стали самоцелью, они так же бесполезны и глупы, как и стремление контролировать преступность с помощью компьютера. Все должны были бы понимать – то есть, все те, кто не совсем утратил аналитические способности вследствие регулярного промывания мозгов – что экспериментальный рак (вызванный через пересадку раковых клеток или другим искусственным и насильственным методом, например, с помощью неправильного питания или введение вредных субстанций) должен в корне отличаться от рака, возникающего самостоятельно и, к тому же, у человека. Спонтанная онкология тесно связана с организмом, который вызывает ее и, возможно также с психикой, в то время как между пересаживаемыми раковыми клетками и чужим организмом, выполняющим лишь роль питательной среды, нет никакой связи.

Тем не менее, страх перед ужасной болезнью, возникающей преимущественно вследствие соприкосновения с продукцией химических лабораторий, стал для фармацевтических предприятий и медицинского истеблишмента неиссякаемым источником дохода. В XX веке так называемые «онкологические исследования» и «лечение рака» стали невиданным ранее золотым дном.

*

Из статьи «Почему онкологические исследования потерпели крах» (Why Cancer Research Has Failed) в “The Star”, Йоханнесбург, 10 апреля 1981 года:

«Возможно, причина, по которой онкологические исследования столь безуспешны, заключается в экспериментах на животных, у которых, как правило, развиваются другие виды рака, нежели те, от которых страдает человек». Это точка зрения доктора Роберта Шарпа (Robert Sharpe), приглашенного на симпозиум, посвященный экспериментам на животных.

Доктор Шарп сказал, что альтернативные методы испытаний в онкологических исследованиях существуют, но не находят широкого применения.

«Заслуживающее доверия исследование показало, что в Британии наблюдается тревожная тенденция увеличения заболеваемости раком. Причина, по которой научные поиски столь безуспешны, может заключаться в том, что они сосредоточены на проведении экспериментов на животных».

*

Как же проводятся эти «онкологические исследования»? Самозванные ученые в вивисекционных лабораториях не имеют ни малейшего понятия, как *исследовать* болезнь. Они умеют только вызывать разные болезни, в том числе рак. Здесь они проявляют исключительную изобретательность и добились успеха.

«Дайте нам много денег, чтобы мы смогли купить много животных. Чем больше денег и животных, тем больший успех нас ждет». Действительно, некоторый успех.

Животным имплантируют опухоли под кожу, а потом наблюдают, как они растут и в конце концов поражают жизненно важные органы. Болезнь прогрессирует, а страдания усиливаются, пока не наступает смерть. Других животных подвергают воздействию больших доз облучения, чтобы изучить его действие на вызванный искусственным путем рак, который, как уже говорилось и как доказали многие ученые, не имеет никакого отношения к болезни, возникающей спонтанным путем у людей.

Часто конечности животных облучают так интенсивно, что в них развивается гангрена, и они в конце концов отваливаются. Другим животным скармливают большие количества канцерогенных или предположительно канцерогенных веществ. В результате у них начинается рвота и длится до тех пор, пока от судорог не наступает смерть. Многие животные с большими опухолями отказываются от еды и воды, в результате, рост опухолей замедляется, но одновременно растягиваются и страдания. Кроме того опухоли могут воспалиться и животное погибает от общей инфекции. Опухоли им выращивают на всех частях тела – на груди, позвоночнике, хвосте, ушах... А «сокамерники» часто отгрызают внешние опухоли. Других животных с искусственно вызванным раком держат на холоде или на жаре, чтобы пронаблюдать воздействие температуры на рост опухолей.

Как в Европе, так и в Америке в книгах можно прочитать множество аргументированных сообщений об онкологических больных, которые получили смертный приговор от официальной медицины, но полностью выздоровели – обычно, благодаря правильному питанию и образу жизни. Но медицинский истеблишмент легко находит отговорку: «Если пациент выздоровел, значит, это был не рак», не обращая внимания на тот факт, что диагноз «неизлечимый рак» им поставили «признанные» врачи с помощью «признанных» методов.

*

Вот газетная заметка, появившаяся 7 сентября 1979 года в “Philadelphia Inquirer” и цитирующая некую Дэбби Дэвис (Dabbie Davis):

«Девять лет назад моей матери поставили диагноз рак. Врачи утверждали, что единственная ее надежда – это крупное хирургическое вмешательство, после которого она станет инвалидом. Рак развился в области сердца и уже распространился в нижнюю часть живота. Но моя мама оказалась среди немногих счастливиц, которые знали, что альтернатива существует».

Эта женщина связалась со своей подругой во Флориде, биохимиком, и та посадила ее на строгую диету и витаминов и природной пищи.

“Сейчас она здоровее меня”, – говорит Дэбби Дэвис о своей матери.

Очень плохо, что о таком приходится говорить, но факт остается фактом: стандартное лечение рака – это многомиллионная индустрия. Она не излечивает рак. Она лишь продляет жизнь больного. А такая жизнь есть страдания.

Природные способы лечения (с использованием всех путей, в том числе помощи докторов, мануальной терапии, диеты) стоят очень дешево. И если бы натуропатия была признана в США на законодательном уровне как способ лечения рака, множество людей потеряли бы множество денег».

В этих высказываниях есть лишь одна маленькая ошибка: слова о том что «стандартное лечение рака продляет жизнь больного». Чаще всего оно значительно ее укорачивает, преумножая страдания. В любом случае это большая редкость, чтобы столь жизненно важные новости становились достоянием общественности.

По большому счету крупные газеты, задающие тон, не пропускают либо умаляют любые новости, которые идут вразрез с прибыльным онкологическим мошенничеством; все они либо находятся под прямым контролем фармацевтических концернов, либо зависят от их рекламы.

Анализ Хьюстона и Налла

Первым исследованием, которое пролило свет на онкологию в Америке, стал цикл статей, написанных журналистом Робертом Хьюстоном (Robert Houston) в соавторстве с комментатором радио WMCA Гари Наллом (Gary Null) в 1978-1979 гг. Неудивительно, что все важные редакции газет в США их отклоняли, пока, наконец, их не приняла нью-йоркская городская газета “Our Town”, имеющая тираж 54 тысячи экземпляров и не зависящая от рекламы. Потом этот цикл появился в “Penthouse”, еще менее подходящем издании для медицинской информации: благодаря 5350000 сексуально озабоченным читателям, этот эротический журнал не зависит от коммерческих объявлений.

Ниже мы приведем выдержки из анализа Хьюстона и Налла, напечатанного в “Our Town” за 3 сентября и 29 октября 1978 и в “Penthouse” за сентябрь 1979. Тем временем другие независимые наблюдатели подтвердили сделанные в нем выводы.

«Организованные онкологические исследования как эксперимент стоимостью в миллиарды долларов, ставящий целью найти причину рака, дали свой главный результат: они доказали свою неправильность. Кульминацией этого краха стала «война против рака». Ее начали в 1971 году как пиаровский проект администрации Никсона, а в конце мая 1978 пришлось признать, что война проиграна. Новость о провале появилась на первой странице “New York Times” под заголовком “Онкологические исследования отказываются от политики войны” (Cancer Research Now Shifting Away from War Policy), а виновником беды объявили доктора Артура Аптона (Arthur Upton), директора Национального Института рака (National Cancer Institute)...

Доказательства кроются в статистике. В гигантское заведение вливали золотую реку, а дальнейшее существование этого заведения в роскоши зависит от сохранения за раком статуса неизлечимой болезни. Абсурд? Или реальность?»

Неизлечимость желательна?

Затем Хьюстон и Налл выдвинули очень неудобную теорию.

«Кое-что пошло не так, и этому нет объяснения. Возможно ли, что ошибка происходит систематически из-за какого-то ключевого компонента, и признать его правдой было бы некрасиво?»

Сейчас мы хотим осветить в разных аспектах гипотезу о том что излечение рака нежелательно, и доказать, какие факты свидетельствуют в ее пользу. Ее тезисы можно сформулировать следующим образом:

1. Противодействие решению проблемы рака было бы невысказано и отвратительно для профессионалов в этой области.
2. С другой стороны, решение проблемы рака было бы невысказано и отталкивающе для тех, кто получает прибыль через современные методы исследования.
3. Выход и дилеммы заключается в том, что нельзя допустить даже частичное решение проблемы, особенно если оно идет “извне”.
4. Под предлогом защиты общественности возможные успехи в этой области надо решительно опровергать как фальсификацию.

Таким образом, самое страшное для онкологических исследований – это перспектива решения проблемы.

Оно означало бы окончание исследовательских программ, устаревание навыков, крах мечтаний о славе. Триумф над раком положил бы конец грантам благотворительным организациям, занимающимся увековечиванием себя, и субсидиям от Конгресса. Смертельный удар бы получила нынешняя клиническая система, так как устарели бы дорогие оперативные, химические и радиологические методы лечения, в которые вкладывается так много средств, в которых задействовано так много интеллектуальных ресурсов и оборудования. Страх перед всем этим может породить также бессознательное сопротивление против альтернативных возможностей и даже враждебность к ним, особенно если они оказываются эффективными в лечении. Новый метод лечения надо при любых обстоятельствах критиковать, отрицать, не допускать и запретить, и сделать это надо, не обращая внимания на прежние результаты тестирования, а еще лучше – вообще безо всякой проверки. Как мы увидим, такое происходит постоянно».

Хьюстон и Налл затем приводят целый ряд способов лечения, которые не признаны официальной медициной и потому считаются шарлатанством, хотя многие люди утверждают, что выздоровели, благодаря им. Большинство из них имеют в своей основе следование законам природы, прежде всего питание сырой пищей, к тому же, они стоят недорого, а последнего достаточно, чтобы медицинский истеблишмент забил тревогу. Далее журналисты пишут:

«Многие службы официальной медицины хранят дела на непризнанные лечебные методы в виде списка запретных зон, чтобы управлять финансовой политикой. За главным списком еретиков следит Американское онкологическое общество, Ватикан онкологического истеблишмента.

Американское онкологическое общество, по-видимому, считает, что его задача состоит в разбивании всех открытий, которые слишком хороши, чтобы быть правдой. Находясь на защите статуса кво, общество распространяет черный список под названием “Недоказанные методы лечения рака” (Unproven Methods of Cancer Treatment), куда попадают все возможности, отличающиеся от стандартного лечения, а именно – отрезания, выжигания и отравления.

Не странно ли, что организация, которая якобы ставит своей целью поддержку исследований, иными словами, изучения непознанного, использует понятие «недоказанные» в отрицательном смысле и совершает серьезнейшую научную ошибку, смешивая понятия “недоказанные” и “развенчанные”? Если недоказанным возможностям перекрывают путь, остается только то, что уже известно, а прогресс исключен с самого начала.

В 1973 году доктор Дин Бурк (Dean Burk), руководитель цитохимического отделения Американского института рака напал в открытом письме на Франка Раушера (Frank Rauscher), в то время директора Национального института рака: “Выношу на обсуждение то, что следовало бы подвергнуть немедленной научной проверке на эффективность, а не

токсичность, как минимум шесть методов, которые Американское онкологическое общество обозначило как недоказанные”. Далее он отмечает, что, “как признала Администрация по пищевым продуктам и лекарственным препаратам, лекарства от рака токсичны, канцерогенны и подавляют естественные защитные силы организма”.

Хотя Американское Онкологическое Общество (American Cancer Society) и Администрация по пищевым продуктам и лекарственным препаратам (Food and Drug Administration) распространяют идею, что авторы неортодоксальных методов лечения – шарлатаны, знакомство со списком непризнанных методов свидетельствует о противоположном. В 70% случаев их предлагали врачи, а 1/5 часть последних были докторами медицины. Еще 10% методов разработали дипломированные фармацевты, биохимики и биологи. Таким образом, 80% “шарлатанов” – квалифицированные даже высококвалифицированные ученые. Среди них есть даже бесспорные гении. Хорошо документированный пример представляет собой Морвит Маккуин-Вильямс (Morvyth McQueen-Williams), доктор медицины и фармакологии. Она разработала ботанический фактор КС и была самой одаренной в группе молодых талантов, которые учились у доктора Льюиса Термана (Lewis Terman) в Стэнфордском Университете. (Доктор Маккуин-Вильямс подала иск на сумму 1 миллион долларов против Американского Онкологического Общества в связи с тем, что ее исследования дискредитируются, но в 1976 году дело было прекращено из-за ее смерти). Для доктора Макса Герзона (Max Gerson), разработавшего диетический способ лечения рака, великий Альберт Швейцер нашел следующие слова: “В нем я вижу одного из самых выдающихся гениев в истории медицины. Те, кого он вылечил, подтвердят правду его идей”».

В конце первой статьи, напечатанной в “Our Town”, Хьюстон и Налл не стали ничего преуменьшать и подтвердили то, что Моррис Билл еще в 1949 году говорил об Американском Онкологическом Обществе, Американской медицинской ассоциации и Администрации по пищевым продуктам и лекарственным препаратам в своей книге «История лекарств». Они пишут:

«Американское онкологическое общество, которое в нынешнюю мрачную эпоху рака взяло на себя роль, принадлежавшую в Средневековье Церкви, сумело занести в черный список самые перспективные и многообещающие проекты по исследованию онкологии. Администрация по пищевым продуктам и лекарственным препаратам, храня верность тактике Американской медицинской ассоциации и Американского онкологического общества, придала еще больше сил охоте на ведьм и преследовала всех, кто предлагал альтернативные методы исследования, перекрывала дорогу любым осмысленным попыткам провести объективное тестирование. Надо, в конце концов, посмотреть правде в глаза: истинный враг – не онкология, являющаяся естественным феноменом, а сам онкологический истеблишмент, который постоянно стремится воспрепятствовать всему, что могло бы стать перспективным орудием против болезни, и таким образом укрепить свое положение жадного паразита на человеческих страданиях».

Главенствующий мотив – прибыль

Еще до появления статьи Хьюстона и Налла мы в книге «Убийство невинных» говорили о том, что лейтмотивом медицинского истеблишмента служит не здоровье населения, а жажда прибыли, хотя среди врачей, как и везде в мире, есть умные и самоотверженные люди. Они не виноваты в том, что их мысли с самой первой лекции оказались направлены в неверное русло. У них не было иного выбора, равно как и возможности изменить структуру правящей картели.

Хьюстон и Налл приводят, среди прочего следующие подробности.

«Американское Онкологическое Общество и Национальный Институт рака для рекламы своей “войны против рака” поддержали обширную рентгеновскую программу для борьбы с раком груди. В ходе нее 280 тыс. женщин подверглись известному безумию под названием маммография. Женщин с помощью приветливых улыбок и оптимистичных советов заманивали на алтарь технологий и убеждали регулярно подвергаться просвечиванию, хотя известно, что оно вызывает рак. Особый акцент делался на

облучении пациенток старше 50 лет, то есть, старшей возрастной группы, которая в наибольшей степени подвержена раку вследствие облучения!

Семинары Американского Онкологического Общества представляют собой весенний показ мод в среде раковых исследований. Там медицинские и научные корреспонденты узнают, куда направятся большие потоки денег, хотя на самом деле расходы почти всегда оказываются напрасными. Вновь и вновь объявляется о скором “прорыве”, и это всегда происходит тогда же, когда и официальные “пожертвования”, время которых случайно совпадает с научной конференцией.

Этот ежегодный спектакль ясно показывает, почему некоторые медицинские корреспонденты занимаются не столько своей профессиональной деятельностью, сколько рекламой, и таким образом увеличивают прибыль медицинского истеблишмента.

После конференции на людей обрушивается множество статей о прогрессе онкологических исследований. Эти материалы увеличивают их понимание того, что рак существует, и ослабляют сопротивление с помощью длинного перечня несуществующих надежд. А потом жертвования пускают в оборот, и на заявленную цель, которая находится “в осязаемой близости”, и состоит в дальнейших исследованиях во имя неизбежного триумфа, загребаются миллионы. Именно там, вблизи, она скрывается с 1913 года, когда возникло Американское онкологическое общество, создававшееся как “срочная, временная организация”.

Между тем, медицинские корреспонденты новостных СМИ, которые стоят на страже золотой кареты медицинского истеблишмента, умалчивают обо всех альтернативных способах лечения рака.

Диета Герзона стала логическим результатом работы многих специалистов в области онкологии, которые еще с 1764 года смело противостояли увещьям и боли хирургии. Лондонский врач тогда пришел к выводу, что оперативное вмешательство может усилить рост опухоли вместо того, чтобы пресечь его. Многие врачи еще до Герзона придерживались точки зрения, что рак – это болезнь всего организма, и помочь может правильное питание.

Примечательно, что в XIX веке многие врачи, занимавшиеся лечением рака, отошли от практики хирургии и одновременно признали эффективность правильного питания. Но так называемая официальная медицина настолько категорически отвергала эти идеи, что стремление повлиять на рак с помощью питания постепенно стало самым надежным способом получить клеймо шарлатана.

Макс Герзон неоднократно подвергался нападкам, в наибольшей степени со стороны своих же коллег, а его клиника в Нью-Йорке много лет вела борьбу за выживание. Герзон был для своих раковых пациентов последней надеждой. Но когда они излечивались от болезни – а это происходило во многих случаях – их прежние врачи иногда уничтожали истории болезни, где был написан диагноз “рак”.

В 1946 году американский Сенат пригласил Герзона на свои слушания по поводу закона, который должен был предоставлять средства на профилактику и лечение рака. Герзон привел пятерых своих пациентов, вылечившихся от рака, с их историями болезней, и все участники комитет были потрясены его успехами. Но 227-страничный доклад Комитета в поддержку врача – документ 89471 – пылится в архивах государственной типографии. Когда один корреспондент газеты спросил его, то получил ответ что “тираж закончился”. Через пять лет после слушаний Конгресса Герзона не допускали в качестве практикующего врача ни в одну нью-йоркскую больницу. Он стал жертвой сокрытия, практики, которая стала обыденной. Разработчик нового метода лечения оказывается полностью изолирован. Медицинские журналы не хотели печатать его труды. А если он публикует что-то в другом месте, его работу называют “ненаучной”.

Между тем могилы заполнялись искалеченными пациентами, которые попадали туда и операционных и кабинетов лучевой терапии. “Им больше никак нельзя было помочь”, – говорил медицинский истеблишмент. Все они прошли через обычные процедуры, внесли платежи, а теперь двигались по проторенной дороге, ведущей к страданиям и смерти.

Герон умер в 1959 году. Человек, который вылечил от туберкулеза жену Альберта Швейцера и который оказался полностью не признан официальной медициной, нашел в конце концов поддержку у Швейцера: “Мы, знавшие и ценившие его, уже сегодня скорбим о нем как о медицинском гении”».

После подробного и документированного сообщения о том, как медицинский истеблишмент подавляет эффективные способы лечения рака, Хьюстон и Налл продолжают:

«Это правда, что прогрессивные идеи в науке и раньше сталкивались с серьезными препятствиями. Но после Второй мировой войны эта борьба разгорелась с новой силой в связи с подъемом мощной нефтехимической индустрии».

Ассошиейтид Пресс и “Time” умалчивают новости

В 1960-е-1970-е годы СМИ радостно восхваляли химиотерапию как огромную новую надежду для раковых пациентов, но при этом практически не говорили об ужасных побочных эффектах этого способа лечения и том, что она сама может вызвать рак и привести к смерти.

В 1973 году доктор Дин Берк (Dean Burk), руководитель Цитохимического отделения Национального института рака, отправил открытое письмо тогдашнему директору института Франку Раушеру (Frank Rauscher) и указывал в нем, что практически все стандартные противораковые лекарства вызывают эту болезнь, согласно *собственным же* исследованиям Национального Онкологического института.

Новостные редакции информационного агентства Ассошиейтид Пресс (Associated Press) и журнала “Time” с воодушевлением приняли эту новость, но *их коллеги из научной и медицинской редакции не пропустили ее* (курсив Хьюстона и Налла). В последующих главах мы узнаем, почему телеграфные агентства, вроде “Time” и Ассошиейтид пресс пресекают такие сообщения.

Подавление свободомыслия

Подавление свободомыслия – это одна из причин, по которой многие медики стали робкими пешками в сверхмогучей системе. Сегодняшние врачи наибольшее значение из того, что им приходится делать, придают проверке. Они выполняют свой профессиональный долг в оборонительной манере и плохо. И из-за страха взглянуть на какие-либо новые теории их подход в самом благоприятном случае имеет ненаучный характер.

В Америке двумя квазипромышленными научными организациями являются Совет по сельскохозяйственной науке (Council for Agricultural Science and Technology, CAST) и технологии и Экспертная комиссия по безопасности продуктов и питания при Институте пищевой технологии (Institute of Food Technology, IFT). Обе эти организации – «некоммерческие». Все торговые общества, которые относятся к CAST, ежегодно платят взнос в размере 5000 долларов и выше, в зависимости от размера. В настоящее время взносы Dow Chemical, Monsanto, Hoffmann-La Roche и 94 других предприятий составляют половину дохода CAST.

Эти организации не только выработали у американцев сомнительные пищевые привычки, когда составляли «программы питания», руководствуясь интересами пищевой и химической индустрии; они также умалывают опасность канцерогенных пищевых добавок и таким образом вводят потребителей в заблуждение, толкая их на смерть от рака.

«Мы лучше всех»

Хьюстон и Налл указывают на то, что ранее никакие государственные СМИ не пытались разоблачить эти организации. Они пишут:

«Американское онкологическое общество поддерживает выдающегося научного корреспондента из “New York Times” Джейн Броди (Jane Brody). В 1977 году она в соавторстве с доктором Артуром Холлебом (Arthur Holleb), вице-президентом Американского Онкологического Общества, написала книгу “Ты можешь бороться с раком и победить” (You Can Fight Cancer and Win). В том же году Общество удостоило госпожу Броди премии за ее “выдающиеся доклады”, то есть, статью “Война медикаментов против рака” (The Drug War on Cancer), хвалебную песнь химиотерапии. Научный корреспондент Пэт Макгради младшая (Pat McGrady Jr.), президент Американского Общества журналистов и авторов (American Society of Journalists and Authors), написала привлекающую к себе внимание статью об успешном использовании витамина А и энзимотерапии при борьбе с раком; этот опыт имел место в немецкой клинике Янкер в Бонне. Материал, который многие отнесли к классике американской журналистики, появился в конце концов в “Esquire”, а до этого его *на протяжении пяти лет* отклоняли многие другие журналы. А почему? Потому что, как объяснила Пэт, в конце концов редакции одной из газет, куда попала та статья, пришлось в голову отправить запрос в Американский институт рака: что они думают об этой идее. И ответ был прост: как что-то хорошее может прийти так издали? У нас в стране все самое лучшее. Так что забудьте.

Отец автора Патрик Макгради (Patrick McGrady), вышедший в знак протеста из Американского онкологического общества, резюмировал это следующим образом: “В научном и медицинском отделе Американского Онкологического общества никто не способен по-настоящему заниматься наукой. Но они очень хорошо умеют собирать деньги. Они понятия не имеют, как можно предотвратить рак или вылечить пациента”».

Хьюстон и Налл делают вывод:

«В настоящий момент наши генералы оказались совершенно неспособны бороться с раком. Ибо оружия медико-нефтехимического комплекса направлены не в ту сторону – прямо на нас. Значит, нам надо отстаивать свое самое неоспоримое право – право на здоровье и жизнь».

Жить за счет рака

Сегодня имеется примерно одинаковое количество людей, которые зарабатывают на жизнь на онкологии и умирают от нее. Поэтому химико-медико-вивисекционный комбинат делает все возможное, чтобы сохранить статус кво.

С тех пор, как Американское онкологическое общество появилось в 1913 году в качестве «срочной, временной организации», оно превратилось в самоподдерживающуюся пропагандистскую денежную машину, работающую в согласии с химико-медико-вивисекционным комбинатом. Имея в 1978 году доход 140 миллионов долларов и капитал, достигающий 228 миллионов долларов, оно отпускает менее 30% своих доходов на исследовательские проекты, причем редко занимается ими самостоятельно, предпочитая финансировать внешние исследования. Или же просто заявляет об этом, потому что про такие исследования и их значение известно очень мало.

Согласно Хьюстону и Наллу, аж 56% бюджета Американского Онкологического Общества уходит на оплату труда и эксплуатационные расходы – некоторые руководящие работники ежегодно зарабатывают до 75 тыс. долларов. Около 200 миллионов долларов из сбережений Общества инвестируются, что делает его важным клиентом банка. В его президиум входят 18 человек, которые имеют тесные связи с банками, и в результате, например, в августе 1976 года 42% капитала Общества попало в те банки, с которыми они имели деловые отношения. Разумеется, империя Рокфеллеров тут в очередной раз всплывает на поверхность.

Таковыми же сомнительными оказались результаты проверки Американского Онкологического Общества, которую в 1976-1978 гг. провело National Information Bureau, признанная по всей стране независимая инспекция благотворительных организаций. Она пришла к следующему выводу:

«Возникли вопросы в связи с накоплением капитала в Американском Онкологическом Обществе, который выходит за пределы количества, необходимого для бюджета на следующий год. В прошлые годы Американское Онкологическое Общество неоднократно заявляло, что они бы назначали больше исследовательских грантов, если бы располагали большими капиталами, это утверждение не подтверждается фактами. В переводе для читателя это означает мошенничество».

До сих пор услышать голоса, критикующие реальное положение вещей удается редко: пресса истеблишмента не пропускает критиков, а книги – если их вообще удается напечатать – не попадают в продажу или ненадолго задерживаются на рынке.

Примером того служит книга “The Cancer Conspiracy” («Тайный заговор в онкологии») Роберта Е. Неттерберга и Роберта Т.Тейлора (Robert E. Netterberg, Robert T. Taylor, Pinnacle Books, Нью-Йорк, 1981). В ней говорится:

«Главенствующие методы исследования и другая деятельность Американского Онкологического Общества и Американского Института рака в высшей степени непродуктивны в борьбе с раком, невзирая на миллиарды выделяемых долларов. Онкологический истеблишмент закрыт для новых возможностей и идей, создавая таким образом систему, которая поддерживает саму себя и не имеет даже отдаленных целей».

Тем не менее, 5 июня 1978 года Франк Раушер (Frank Rauscher), вице-президент Американского Онкологического Общества, без стеснения заявил по радио: «Американское Онкологическое Общество – это организация, существующая во имя блага людей. Большая часть наших средств идет на лечение и реабилитацию онкологических пациентов».

Хьюстон и Налл раскрыли печальную правду, скрывающуюся за этими словами. Проверка бюджета Американского Онкологического Общества за 1978 год показала, что только 6,2 миллиона долларов, или 5% были выделены на лечение пациентов.

За много лет пропагандистская машина так наловчилась проводить кампании, что пожертвования на онкологические исследования, кажется, обрели некоторый блеск и оставили позади всю прочую благотворительность, например, поддержку стариков, беженцев, прокаженных, что уж говорить о кампаниях против опытов на животных.

Многие знаменитости соревнуются за то, чтобы использовать свое имя в борьбе с раком, и считают это за честь за себя, но не задаются вопросом, какие имеются успехи на этом поприще, как ведется борьба и кто от нее выигрывает. Повсюду можно прочитать сообщения, подобные нижеследующему, появившемуся в “International Herald Tribune” 13 марта 1981 года:

«Каролина, принцесса Монако, была в центре благотворительного собрания, проходившего в Парижской опере и посвященного онкологическим исследованиям в Институте Пастера (Pasteur Institute) и Институте Вайцмана (Weizmann Institute). Гала-вечер, на котором Рудольф Нуреев танцевал в своей собственной постановке “Дон Кихота”, собрал 200 тыс. долларов. Спонсорами были ювелир Жак Арпельс (Jacques Arpels), снявший оперный театр, и баронесса Гай де Ротшильд (Guy de Rothschild), которая устроила званый ужин на 250 человек в парижском доме Ротшильдов, гостинице Ламберт (Lambert)».

Стоит ли указывать, что работа Института Пастера и Института Вайцманна состоит главным образом в опытах на животных? И что оба эти учреждения лишь вносят неопределимый вклад в ложь, связанную с онкологическими исследованиями?

Заметка из журнала “Time” от 12 октября 1981 года сообщает: «65-летний Франк Синатра (Frank Sinatra) будет выступать с Лучано Паваротти (Luciano Pavarotti) на благотворительном представлении в пользу Онкологического центра Слоан-Кеттеринг» (Sloan-Kettering Cancer Center).

Когда умер Джимми Дюранте (Jimmy Durante), знаменитый шут, “Time” сообщила, что он «жил в скромном восьмикомнатном доме и неутомимо занимался сбором средств для Фонда онкологических исследований Дамона Руньона» (Damon Runyon Fund for Cancer Research).

Успешная модель Американского Онкологического общества с его пропагандистской машиной была точно скопирована во многих европейских странах. Итальянская пресса

как-то сообщила, что Энцо Феррари (Enzo Ferrari), производитель автомобилей, завещал все свое состояние крупнейшей итальянской вивисекционной лаборатории, известной под названием Институт фармакологических исследований Марио Негри (Institute for Pharmacological Research Mario Negri). Это учреждение за 15 лет своего существования выпустило сотни публикаций, но не сделало ни одного полезного открытия.

Энцо Феррари являет собой трагический пример. За много лет до описанных событий он потерял своего единственного сына Дино (Dino) – тот умер от дистрофии мышц. Очевидно, кто-то ему внушил, что его сын выздоровел бы, если бы больше денег вкладывалось в пытки животных. Никто не объяснил ему, что гораздо с большей степенью вероятности неизлечимая болезнь у его сына возникла вследствие медикаментов, которые ребенок получал в раннем возрасте или его мать во время беременности.

Другой патетический случай имел место в Италии. Как сообщили газеты за 8 мая 1979 года, Паоло Гьяндаи (Paolo Ghiandai), 10-летний мальчик из Пизы, умирая от рака, завещал свои сбережения Итальянской онкологической ассоциации. Разумеется, пресса воспользовалась случаем и привела точный адрес, по которому высылать пожертвования в честь Паоло.

Люди продолжают умирать, многие от рака, и продолжают завещать свои средства в пользу несуществующих «онкологических исследований», заведениям, которые очень во многих случаях и стали главной причиной их страданий и смерти. Такова сила ложной информации, специально внушаемой во всем мире, заговор, давно уже преодолевший границы Америки и оказавшийся столь же успешным в Европе.

Кто не лечится – тот дольше живет

Доктор Гардин Джоунс (Hardin Jones), профессор медицинской физики и физиологии Калифорнийского Университета (The University of California) в Беркли в течение 25 лет исследовал продолжительность жизни пациентов с онкологией. Он пришел к выводу, что пациенты, не получавшие лечения, не умирали раньше тех, кто прошел через стандартное оперирование-отравление-облучение, одобренное медицинским истеблишментом. А во многих случаях те, кто не лечились, жили дольше. И – об этом можно сказать с полной уверенностью – они страдали меньше.

В 1969 году по случаю семинара научных корреспондентов доктор Джоунс сообщил о результатах своего исследования в Американское Онкологическое общество. Там он подтвердил то, о чем говорил еще в 1955 году в своем классическом докладе на эту тему в “Transactions of the New York Academy of Sciences”.

После выхода этого материала доктор Джоунс получил много писем от врачей, которые хвалили его исследование, а впоследствии его результаты использовались в трех последующих докладах, как свидетельствует Индекс научной цитируемости. Однако на него обратили внимание только одна газета и один бюллетень по вопросам здоровья. Строгая цензура, которую осуществляет в сфере здравоохранения фармацевтический комбинат, – мы вернемся к этой проблеме в следующей главе – позаботился о том, чтобы скрыть от глаз людских такие сообщения.

Среди выводов доктора Джоунса: «Доказательства в пользу лечения рака имеют в своей основе систематические биометрические ошибки».

Пока что никто не смог это опровергнуть, и число выживших впоследствии также не возросло. Напротив. К примеру, доктор Джоунс выяснил, что женщина с раком груди живет в 4 раза дольше без стандартного лечения. «Пациенты, которые отказывались от лечения, жили в среднем еще 12,5 лет. Те, кто соглашался на операцию или другое

лечение, жили примерно 3 года. Нет ни малейших сомнений в том, что радикальные операции скорее вредят пациентам, чем помогают».

Ужас болезни в значительной части состоит в страшном лечении, которое нарушает целостность тела и причиняет пациентам сильнейшую боль и стресс.

Операция может способствовать распространению рака и росту смертельных метастазов. Как указывает исследование доктора Майкла Фельдмана (Michael Feldman) и его коллег, проведенное в 1978 году в Израиле, в Институте Вейцмана (Weizmann Institute), первичная опухоль препятствует образованию метастазов. Более того, крупное хирургическое вмешательство означает серьезный удар для организма как физический, так и психический, и еще больше разрушают иммунную систему организма, которая во многих случаях сама могла бы справиться с болезнью.

Облучение подавляет защитную систему еще сильнее, кроме того, как известно, оно само способно вызывать рак.

Химиотерапия способствует вырождению клеток и во многих случаях бывает такой сильной, что убивает пациента раньше, чем он умер бы от рака.

Согласно сообщению Рейтер из Каира, в июле 1980 после смерти бывшего шаха Ирана Резы Пехлеви (Reza Pahlavi) известный американский хирург-кардиолог и один из лечащих врачей шаха Майкл ДеБейки (Michael DeBakey) заявил в телеинтервью, что монарх умер не от рака, а от химиотерапии, которая была призвана вылечить его. Далее в сообщении говорится, что один врач, пожелавший остаться неизвестным, заявил, что смертельная инфекция возникла после того, как египетские специалисты решили увеличить дозу химиотерапевтического средства ("La Suisse", 29 июля 1980).

Действительно, у шаха оставалось мало надежды, когда осенью 1979 года его – больного человека, в течение шести лет проходившего химиотерапию якобы от рака – отправили на самолете из Мехико в Нью-Йорк, в руки американским «онкологам».

Сначала ему удалили желчный пузырь, а затем, как сообщает статья в газете от 26 октября 1979 года, порекомендовали «интенсивную противораковую терапию». Далее в статье говорится: «Группа патологов сделала доклад сегодня после изучения проб тканей. Диагноз – крупноклеточная лимфома».

Возможно, чтобы шах не передумал и не доверил свой истерзанный химикатами и хирургическими вмешательствами организм докторам другого медицинского направления, которые, вероятно, вылечили бы его – что стало бы катастрофой – врачи убеждали пациента в непревзойденности традиционной терапии рака. Об этом можно прочитать в конце статьи:

«Доктор Мортон Коулман (Morton Coleman), хирург, который возглавит группу медиков, проводящих химиотерапию, подчеркнул, что в последние годы лимфомы хорошо поддаются лечению. "Лимфома в высшей степени чувствительна к такой терапии, – он сказал. – Несомненно, мы можем предпринять меры против лимфомы"» ("International Herald Tribune", 27-28 октября 1979).

Если бы у кого-то было намерение вызвать у человека рак, ему следовало бы подвергнуть жертву следующему.

1. Серьезное хирургическое вмешательство
2. Интенсивное облучение.
3. Массивная химиотерапия.

Все эти три метода сегодня используются применительно к онкологическим пациентам, а те надеются вылечиться традиционными, официально признанными способами, которыми в свое время лечили шаха.

Лечение 1890 года за 25 тыс. долларов

Стандартным лечением рака груди в Америке и поныне является радикальное удаление груди, предложенное Хальстедом (Halsted). Его до сих пор рекомендует

Американское Онкологическое общество, хотя его критиковала Специальная комиссия Национального института рака под руководством доктора Бернарда Фишера (Bernard Fisher), профессора хирургии в Университете Питтсбурга (University of Pittsburgh). Она называла его живодерским методом, имеющим в основе заблуждение из XIX века. Радикальная ампутация груди, которая практикуется в Америке, не лучше и, возможно, гораздо опаснее при первой или второй локализованной стадии болезни, чем простая мастэктомия, практикующаяся в Британии. Действительно ли американская операция стоит того, чтобы за нее платить 25 тыс. долларов, или же система лицемерного институционального шарлатанства надувает людей?

В США еженедельно как минимум тысяче женщинам производят радикальное удаление груди, и во многих случаях пациентки думают, что им предстоит всего лишь биопсия. Но при радикальной мастэктомии удаляется вся грудь, мускулы, лежащие за ней, и находящиеся рядом лимфатические узлы, что причиняет гораздо больше боли, чем менее радикальная операция. Удаление лимфатических узлов – это ритуальное жертвоприношение, благодаря нему гонорар хирурга увеличивается. Оно не приносит пациентке никакой пользы: в 1890 году, когда эта операция появилась, еще не было известно, что рак может распространяться через кровяное русло точно так же, как через лимфатическую систему. Вот почему удаление лимфатических узлов не только излишне, но и вредно.

Диссидентов не поддерживать!

Американское Онкологическое Общество и Национальный Институт рака провели массовую программу рентгена, чтобы выявить у женщин рак груди, при этом особый акцент делался на обследовании женщин старше 50 лет – то есть, группы, которая наиболее подвержена раку вследствие облучения. Эта программа всю продолжалась, несмотря на статистическую вероятность того, что она «приведет к самой страшной ятрогенной (вызванной лекарствами – Г.Р.) эпидемии рака груди», как указал Ирвин Бросс (Irwin Bross), руководитель отдела биостатистики в Мемориальном Институте Розуэлл-Парк (Roswell Park Memorial Institute).

Доктор Бросс оскорбил всемогущую медицину еще более прямыми высказываниями, когда он, например, поднял щекотливый вопрос о финансовой мотивации онкологической индустрии, о том, что проблемы изменения питания и контроль за соприкосновением с вредными веществами из окружающей среды явно остаются в стороне. 10 августа 1978 года на слушаниях перед Комитетом здравоохранения в законодательном собрании штата Нью-Йорк он заявил следующее:

«Профилактика рака – это большая опасность, потому что она представляет альтернативу терапевтическому контролю за болезнью». Неприятные слова для онкологической индустрии. А когда доктор Бросс обнародовал результаты своего исследования, в котором он уже связан низкие дозы облучения с лейкемией, Национальный Онкологический Институт отказал ему в финансировании.

В слушаниях перед подкомиссией Fountain Конгресса доктор Бросс жаловался, что государственное финансирование онкологических исследований идет главным образом «к ученым, работающим в лабораториях, которые на самом деле не имеют интереса к человеческим онкологическим заболеваниям и ни в малейшей степени не заинтересованы в профилактике». Что касается попыток Национального Института рака создать вакцину, он назвал их так: «большая неудача, растрата времени сил и миллионов налоговых средств. Если бы лишь половину этих средств вложили в эффективную программу профилактики, мы бы в настоящий момент уже находились на пути к полной победе над раком».

Неудивительно, что американский Институт рака отказал ему в дальнейшем финансировании!

Работников Национального института рака публично обвиняли в безответственности и беспринципности – например, когда объектом общественного внимания стал тот факт, что работники этого заведения оформляли исследовательские контракты на себя или своих друзей.

В 1977 году некий доктор Вульф (Wolfe) заявил перед Комитетом Fountain следующее:

«Профилактические мероприятия снижают прибыль предприятий, которые сумели поднять стоимость рака, вызываемого ими же».

Среди критиков официальной «войны против рака» – лауреат Нобелевской премии доктор Джеймс Уотсон (James Watson), руководитель лабораторий Cold Spring Harbor. В 1975 году он заявил на симпозиуме Массачусетского Технологического Института (Massachusetts Technological Institute): «Американский народ надувают по поводу рака» (The American public is being sold a nasty bill of goods about cancer).

Общеизвестно, что в 85% случаев рак связан с воздействием окружающей среды, но Национальный Институт рака направляет на улучшение окружающих условий менее 10% своего бюджета. И хотя известно, что большинство экологических проблем связаны с питанием, на эту область Национальный институт рака тратит менее 1% своего бюджета. Более того, на эти малые выплаты институт вынужден был пойти из-за особого дополнения к Национальному Онкологическому акту (National Cancer Act) за 1974 год.

В 1976 году доктор Джо Гори (Gio Gori), заместитель директора в отделе причин и профилактики Национального института рака, подтвердил, что как минимум половина случаев рака в Америке связаны с питанием. За такую откровенность его уволили в 1978 году из института.

Иными словами, тех специалистов-медиков, которые обнаружением правды ставят под угрозу прибыль и мощи синдиката, терпят не больше, чем журналистов, развенчивающих махинации химико-медико-вивисекционного комбината – а последние, как известно, утрачивают надежду увидеть свои материалы в газетах “New York Times”, “Washington Post”, “Chicago Tribune”, в журнале “Time”, стоящих на страже интересов медикаментозной картели.

Есть ли вообще надежда? Может быть. В последнее время в стене молчания, которую возвели заинтересованные стороны, появляется все больше трещин. Так, известный колумнист Джек Андерсон (Jack Anderson) смог напечатать в своей рубрике “Washington Merry-Go-Round” («Вашингтонская карусель») статью под названием «Неблагодарительная благотворительность» (Uncharitable Charities) – медицинская цензура ее пропустила. Вот некоторые выдержки и нее:

«Благотворительные учреждения, которые просят деньги на борьбу с той или иной болезнью, начинают как совершенно бескорыстные предприятия, ставящие перед собой цель облегчить людям страдания. Но часто они упускают из виду первоначальную цель и выражают больше заинтересованности в том, чтобы стоять на страже собственной жизнедеятельности и увековечить свои структуры, которые выросли вокруг.

Одна из таких групп, страдающих бюрократическим астигматизмом, – Американское Онкологическое Общество. Оно с помощью своих широкомасштабных рекламных кампаний ежегодно получает 180 миллионов долларов на поиск лекарства от рака.

Значительную часть взносов Общество получает от корпораций. И это, как объяснили критики моему репортеру Монике Маккенне (Monica McKenna), служит причиной, по которой Американское Онкологическое Общество ограничивает свою общественную деятельность призывами дать денег, а также сбором средств на антитабачные кампании.

Как подозревают критики, Американское Онкологическое Общество не захочет рисковать взносами крупных корпораций, и указывать, что именно они наводняют окружающую среду канцерогенными веществами. Поэтому она не использует свое огромное влияние для того, чтобы разоблачить опасности вроде формальдегида, с которым ежедневно соприкасаются тысячи работников обувной промышленности и патологоанатомов» (Скрантон, Пенсильвания, “Tribune” 20 января 1982).

Вылечили до смерти

Крупнейшим американским газетам становится все сложнее утаивать правду, которая впервые была выведена на поверхность в «Убийстве невинных». В октябре 1981 года уважаемая «Washington Post» начала новую серию статей «Война против рака» (The War on Cancer), ее авторами были Тед Кап (Ted Cup) и Джонатан Нейманн (Jonathan Neumann) из редакции, и они приводили совершенно иные имена и случаи; но суть оставалась прежней. Первая статья начинается следующим образом:

«4 июля восьмилетнюю онкологическую больную Шери Бек (Sheri Beck) спешно доставили в методистскую больницу. Через три дня она там умерла.

Шери Бек убила не рак, а лечение, которому ее подвергли. Она умерла от сердечной недостаточности, возникшей из-за митоксантрона, экспериментального лекарства, которое делают из красителей для чернил. Она оказалась одной из сотен пациентов, получавших это экспериментальное лекарство, и попала во все более растущее число тех, у кого из-за медикамента наступила сердечная недостаточность.

Эпизод с митоксантроном – не единичный. 11-летнее исследование, проведенное газетой «Washington Post», задокументировало 620 случаев, когда смерть онкологических больных наступила из-за экспериментальных препаратов. Каждое из этих смертельных лекарств было утверждено врачами и одобрено правительственным протоколом об экспериментах. Вышеприведенное число – лишь небольшая часть от тысяч людей, которые за последние годы погибли или страшным образом пострадали в ходе онкологических экспериментов, проводимых в больницах нашей страны.

За последние десятилетия десятки тысяч онкологических пациентов с подачи Национального Института рака получили более 150 «экспериментальных» лекарств. Многие из этих лекарств происходят из списков высокотоксичных промышленных химикатов, таких как пестициды, гербициды и красители.

Как заявляет Роберт Янг (Robert Young) из Комиссии по контролю за медикаментами (Администрация по пищевым продуктам и лекарственным препаратам), «к жизни человека порой относятся небрежно. Одна больница в Бостоне испытывала на детях лекарство, предложенное Американским Институтом рака. За несколько дней их почки оказались полностью разрушены. Повседневное использование новых медикаментов от Национального Института рака, когда для безопасности пациентов не предпринимается никаких мер – отнюдь не исключительные случаи».

В течение последующих четырех дней «Washington Post» сообщила, среди прочего, о следующем:

- Все средства от рака могут стать причиной побочных эффектов, и «экспериментальные» препараты не только убили сотни пациентов, но также вызвали у них страшные побочные действия, такие как отказ сердца, печени и почек, удушье, разрушение спинного мозга, повреждение головного мозга, инсульты, кому и зрительные галлюцинации.
- Об этих химических веществах известно так мало, что врачи свидетельствуют о таких результатах, являющих собой пример иронии судьбы: в некоторых случаях экспериментальное лекарство усилило рост опухоли вместо того, чтобы подавлять его, а в других случаях врачи и исследователи выяснили, что «экспериментальные» продукты сами вызывают рак.

Опыты на собаках и обезьянах показали, что «экспериментальный» медикамент MeCCNU вызывает серьезное повреждение почек у животных. В 1974 году Национальный Институт рака опубликовал эту информацию и сообщил ее врачам, прежде чем испытывать продукт на людях.

В последующие четыре года это «экспериментальное» лекарство использовали в больнице Нью-Йоркского Университета (New York University) и в детской больнице Бостона. Как минимум у 20 детей наблюдались серьезные повреждения почек – в ряде случаев они оказывались необратимыми либо вели к смерти.

Кроме того, некоторые врачи сообщили еще об одном серьезном побочном эффекте MeCCNU: согласно протоколам Национального Института рака, он вызывает острую

лейкемию. В Бостоне ребенок, страдавший от повреждения почек, к тому же вследствие приема медикамента заболел лейкемией и умер от нее. Сейчас службы здравоохранения участвуют в сборе информации обо всех случаях лейкемии вследствие MeCCNU.

Тысячи пациентов в разных больницах получают MeCCNU, хотя известно, что данный препарат оказывает отрицательное действие на почки и вызывает другие серьезные нарушения, из-за которых в настоящий момент зафиксировано 24 смерти».

Из всего вышесказанного становится ясно, что руководители официальной медицины вообще не придают никакого значения опытам на животных: они испытывают на людях средства, которые, как уже четко доказано, причинили явный вред животным. Они нас упрямо убеждают, что какой-то агрессивный химический продукт вдруг окажется чудо-средством и избавит мир от губительной болезни, которая возникла главным образом из-за химии. Все «исследуется», и чем более жесткими методами, чем лучше, надеются слепые, которые бродят ощупью в темноте вот уже два десятилетия. Не исследуется только одно: радикальные профилактические меры, выражающиеся в *изъятии* известных канцерогенных субстанций из окружающей среды и из аптек. Но от этого польза будет только здоровью населению, а вот химико-медико-вивисекционный комбинат очень пострадает.

Между тем, канцерогенные химикаты наступают все больше. «В странах третьего мира обнаружены пестициды, которые входят в пищевую цепочку». Под таким заглавием 17 октября 1984 года вышла статья в “International Herald Tribune”. В ней, среди прочего, говорится:

«Синтетические химикаты, особенно средства для борьбы с вредителями, которые ежедневно используются в странах Третьего мира, начинают входить в пищевые цепочки, что порой ведет к катастрофическим последствиям. Например, действие химических веществ зафиксировано в Бразилии и других странах. Согласно ООН, ученые выявили следы ДДТ в материнском молоке в количестве, которое превышает предельно установленные нормы в 4 раза. В Африке следы ДДТ тоже обнаружили в пищевой цепочке: их нашли в злаковых, в мясе и в человеческой крови. **За последние 10 лет заболеваемость раком желудка и толстой кишки в некоторых случаях возросла на 500%, а причиной стали токсичные химические вещества и пестициды.** Например, как сообщил представитель ООН, это произошло в Южной Африке» (выделение автора).

Имперский фонд по исследованию рака

Британским эквивалентом Американского онкологического общества является Имперский фонд по исследованию рака (Imperial Cancer Research Fund). Из его документов следует, что это зарегистрированная благотворительная организация, а среди его покровителей – Ее величество Королева. Она же патронирует другую знаменитую организацию – Королевское общество защиты животных, которое, однако, невзирая на свое название, поддерживает страшнейшие пытки животных «во благо человечества».

Имперский фонд по исследованию рака следует британской традиции назначать на должность президента представителя аристократии. Им стал почтенный Ангус Огилви (Angus Ogilvy). Должность председателя президиума занимает профессор сэра Эрик Скювен (Eric Scowen). Его имя – опять же, в соответствии с британскими правилами хорошего тона – украшает длинный список красивых званий – доктор медицины, доктор наук, почетный доктор юридических наук, член Королевского общества врачей, член Королевского общества хирургов, член Эдинбургского Королевского общества врачей, член Королевского общества патологов...

Имперский фонд по исследованию рака был неприятно поражен, когда недавно получил письмо от молодой женщины с вопросом, почему в газетах вновь и вновь появляются объявления с просьбами о пожертвованиях, ведь, как она прочитала в «Убийстве невинных», средства на борьбу с раком имелись всегда, и в достаточном количестве – не хватало только мозгов. На самом деле, в Палате Общин однажды заверяли,

что, как только потребуются средства на *эффективные* онкологические исследования, они будут выделены. Согласно протоколу еще от 29 апреля 1952 года, мистер Мольсон (Molson) заявил: «В настоящее время у нас нет оснований предполагать, что большие взносы приведут к лучшим результатам». Время подтвердило его правоту, ибо с 1952 года размер пожертвований постоянно рос, а вместе с ним – и смертность от рака.

8 мая 1980 года Имперский фонд по исследованию рака направил вежливый ответ нескромному автору письма. Его подписал «руководитель отдела обращений» Г. К. Маклеод (G.K.McLeod), магистр связей с общественностью, и в нем говорится, среди прочего, следующее:

«Большинство наших сотрудников разделяют Вашу любовь к животным и сочли бы абсолютно неприемлемыми эксперименты, которые массово проводятся во всех коммерческих областях. Поэтому я очень рад сообщить Вам, что полностью разделяю Вашу точку зрения относительно животных, но имею удовольствие работать с очень талантливыми учеными, и они заинтересованы в решении проблемы, которая в одинаковой мере касается животных и людей; поэтому я не могу согласиться с Вами, что мы испытываем недостаток в мозгах, а не в деньгах».

В конце 1970-х в одной только Великобритании от рака умерло более 120 тыс. человек. В большинстве случаев, если не во всех, болезнь возникла из-за отрицательного воздействия окружающей среды или от медикаментов, поэтому ее можно было бы предотвратить. Это можно сделать и сегодня. Но для тех, кто собирает и использует пожертвования, угроза рака представляет собой надежное алиби.

Пока от болезни умирает все больше людей, «благотворительные онкологические организации» во главе с Имперским Фондом по исследованию рака и его ближайшим конкурентом, Кампанией по исследованию рака (Cancer Research Campaign), продолжают процветать. Их общие активы составляют 44 миллиона фунтов, а ежегодные расходы – свыше 13 миллионов. Тем не менее, на просветительскую работу в области онкологии и профилактики болезни выделяется меньше 2% средств.

Удачи же Вам, дорогой Гордон К.Маклеод и компания, с Вашими объявлениями в газетах! Как однажды сказал известный директор цирка, «каждую минуту на свет появляется дурак».

А что происходит в немецкоязычном мире?

Швейцарский научный корреспондент Кристиан Бахманн (Christian Bachmann) получил от немецкой редакции журнала “Penthouse” задание расширить американское исследование Хьюстона-Налла об онкологии и добавить в него результаты по своей стране. Собранные им многочисленные материалы в дальнейшем образовали научно-популярную книгу «Онкомафия» (Die Krebsmafia). Как и следовало ожидать, ее не приняли признанные издательства, а потом, в 1981 году, ее выпустило небольшое издательство Томек в Монте-Карло. Точно так же о появлении «неприятной» книги умалчивали крупнейшие СМИ, что вполне закономерно. Для них пойти против религии современной традиционной медицины было бы кощунством.

Бахманн выяснил, что в онкологических организациях немецкоязычных стран ситуация такая же, как и в США (и здесь же мы можем назвать все другие промышленные страны Европы, прежде всего Швейцарию, Францию и Италию). На «борьбу с раком» собираются огромные средства, происходит это с большой помпой, но никто, кроме самих организаций, не знает, куда идут эти деньги, а дешевой профилактикой в Европе пренебрегают точно так же, как в Америке.

Введение к «Онкомафии» написал доктор Фредерик Вестер (Frederic Vester), онколог: «Недавно 2495 ученых-онкологов сообщили в трехтомном собрании сочинений Немецкого исследовательского общества о состоянии их работы. Результаты последних десяти лет: множество лекарств для удержания болезни под контролем, все более сложное и дорогое

оборудование для облучения и диагностики и доказательства канцерогенности огромного числа химикатов и токсинов из окружающей среды. Здесь встает только один интересный вопрос: насколько меньше людей заболело раком, благодаря этой информации, и, соответственно, насколько больше народу выздоровело?

Статистика показывает, что в 1955 году от разных видов рака умерло около 95 тыс. граждан ФРГ, а в 1975 – уже около 150 тыс., хотя пропорционального роста численности населения не наблюдалось. Но рост заболеваемости продолжается. Принимая во внимание сказанное, невозможно уже отрицать, что за последние 20 лет исследование и лечение рака зашло в тупик. Тем не менее, серьезные альтернативные направления и инновации не получают поддержки, не изучаются всерьез, а порой их целенаправленно подавляют».

То был доктор Вестер. И в Европе среднестатистический гражданин, которому СМИ, представляющие интересы промышленности и врачей, промывают мозги, убежден, что каждый год приносит огромные «успехи» в борьбе с раком, а окончательная победа не за горами. Для этого надо только давать деньги сегодняшним «ученым».

Бахманн выяснил, что на момент сбора информации в ФРГ было потрачено примерно 120 миллионов дойчмарок на борьбу с раком, а в Швейцарии – свыше 5 миллионов франков. Эти суммы складываются прежде всего из средств налогоплательщиков и пожертвований. А стоимость лечения болезни выше еще во много раз. В ФРГ данная цифра достигала 3 миллиардов дойчмарок, в Швейцарии – 400 миллионов франков.

Но, кажется, Бахманну ни разу не пришло в голову, что это растущее банкротство уходит корнями в неверный метод исследования – в опыты на животных, которые практикуются уже более 200 лет, давая все более плачевные результаты, и которые, наряду с прочими факторами, виноваты в деструктивной ментальности официальной медицины, не знающей никаких методов лечения, кроме роковой троицы «нож-луч-яд».

Согласно “Medical Tribune”, дортмундский патологоанатом Герберт Отто (Herbert Otto) был вынужден признаться, что после срочных операций в связи с диагнозом «рак груди» он довольно часто видел ампутированные молочные железы без каких-либо следов опухолей. Их бывшие владелицы никогда не узнают, что грудь им удалили зря. Таким способом клиника улучшает статистику излечений. Каждая операция в связи с раком, который на самом деле не был раком, фиксировалась как несомненный успех (а согласно британскому медицинскому журналу “Lancet”, в США грудь удаляют уже 8-12-летним девочкам, и делают это только из-за подозрений на ассиметричный рост, хотя молочные железы у них совершенно нормальные).

Бахманн утверждает, что немецкая идея помощи онкологическим больным происходит не от Милдред Шил (Mildred Scheel), а от Американского Онкологического Общества. Он сообщает, что Герта Шнейдер (Herta Schneider), смелая домохозяйка из Нюрнберга, заявила в письме Милдред Шил, что помощь при раке должна заключаться в параллельном использовании разных биологических подходов к этой болезни. Милдред Шил ответила, что она как последовательный сторонник официальной медицины убеждена, что «успех в борьбе с раком может быть достигнут только через традиционную медицину». Другая мужественная домохозяйка из Феухта, что близ Нюрнберга, основала организацию под названием «Истинная помощь при раке». Милдред Шил обратилась в суд по этому поводу, и ее адвокат одержал легкую победу, основываясь на авторских правах.

Современная медицина не может справиться с раком традиционными методами, кроме того, она стремится пресечь какие-либо вмешательства извне и со стороны медиков-«диссидентов».

15 августа 1984 года в газете “Hamburger Abendblatt” появилось сообщение из Бонна под названием «Тревожные выводы: все больше людей умирают от рака» (Eine erschreckende Erkenntnis – Immer mehr sterben an Krebs):

«Министр науки Хайнц Ризенхубер (Heinz Riesenhuber) сообщил тревожную информацию по поводу рака: в ФРГ онкология все чаще становится причиной смерти.

Ежегодно от разных видов рака умирают 160 тыс. человек. Это примерно 25% от всех случаев смерти. Для сравнения: на онкологию приходилось только 15% смертей».

Обман с вакцинацией

Доказательств эффективности профилактической вакцинации не существует, потому что невозможно провести исследование, которое бы включало достаточное количество привитых и непривитых людей (контрольная группа) для обеспечения статистически верного анализа результатов. В любом случае действие вакцин как минимум сомнительно. Однако есть одно историческое доказательство: обуздать эпидемии, опустошавшие Европу в Средневековье и в более поздние времена, удалось не благодаря вакцинам, а благодаря гигиене. Эпидемии пошли на убыль еще за полвека до начала широкомасштабной вакцинации, и их угасание везде происходило бок о бок с введением гигиены. По этому поводу историки едины во мнении.

Поскольку эффективность вакцинации нельзя четко оценить, химико-медико-вивисекционная картель может внушать людям все, что им подходит, и их слова невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Но общественность воспринимает их как само собой разумеющееся, как доказанные факты – ведь они идут от медицинского истеблишмента, руководителей лабораторий, «служб здравоохранения».

В медицинской литературе часто встречаются яркие доказательства того, что, например, вакцинация не покончила с полиомиелитом, а наоборот, вызвала новые его вспышки всякий раз, когда проводилась в широком масштабе. Особенно серьезной ситуация оказалась в Бразилии – там вакцинация стала причиной самой сильной за всю историю эпидемии полиомиелита. Но официальная медицина намеренно не замечает этого, ведь вакцинация – это самый надежный финансовый источник для медико-химического истеблишмента, пожалуй, еще более надежный, чем мошенничество с раком.

В данном случае было бы достаточно отметить, что ВОЗ в Женеве опубликовало труд Сейбина, где он утверждает, что детский паралич ликвидирован якобы с помощью *его* и *только его* вакцины; а в работе Солка – то же самое притязание: детский паралич побежден, благодаря *его* вакцине.

Другим странам, например, Франции, неведома ни вакцина Сейбина, ни вакцина Солка, ведь Институт Пастера хочет денег в кассу. Только вот французская вакцина, разработанная Лепином, столь же опасна и бесполезна, как препарат Солка, Сейбина и т.д.

Опасность этих вакцин из животных тканей состоит в том, что они *происходят от животных*, и поэтому некоторые из них оказались потенциально канцерогенными. Данный факт побудил одного ученого предложить другую вакцину. Он использовал человеческие диплоидные культуры клеток, которые, в отличие от материалов животного происхождения, полностью свободны от канцерогенных веществ. Вместе с тем, они сохраняют опасности, общие для всех вакцин.

В «Убийстве невинных» мы подробно рассмотрели получение вакцин из человеческих диплоидных клеток; впервые это сделал доктор Леонард Хейфлик (Leonard Hayflick) из Университета Вистар (Wistar University) в Филадельфии и Стэнфордского Университета (Stanford University) в Калифорнии. Если бы вакцины из животных тканей с самого начала были законодательно запрещены, ученые разработали бы тот менее опасный препарат на много десятилетий раньше. Вдобавок к информации, содержащейся в «Убийстве невинных», внимательному читателю может быть интересно следующее.

Доктор Морис Р. Хильман (Maurice R. Hilleman), директор вирусологических и биологических исследований в американском Институте Мерк (Merck Institute), в “American Review of Respiratory Diseases” (90:683, 1964 г.) указывает: «Еще одно преимущество диплоидных клеток состоит в том, что их использование не приводит к заражению нежелательными вирусами, которые в норме присутствуют во многих

культурах животных клеток. Более того, если бы такие клетки были доступны раньше, вряд ли для изготовления вакцины от полиомиелита и более поздних вакцин стали бы использовать почечные клетки обезьян».

Доктор Хильман также утверждал, что диплоидные клетки дают возможность выращивать вирусы, которые в настоящее время не могут быть выращены в клетках животных, и добавил:

«Это могло бы положить начало разработке вакцин на основе как убитых, так и живых вирусов, особенно это касается риновирусов – основной причины обычной простуды, – для которых нет специальных методов контроля».

А в 1973 году автор навел справки у профессора Леонарда Хейфлика о том, можно было бы с самого начала избежать использования опасных вакцин Сейбина и Солка, если бы ученых сразу приучили к более толковой работе. В письме за 9 октября 1973 года профессор Хейфлик указывает, среди прочего, следующее:

«Если Ваш вопрос касается того, почему при первоначальном производстве вакцин Солка и Сейбина использовались ткани почек обезьяны, то я сам много лет безуспешно пытался разобраться в этом. Кажется, что выбор сделали, исходя из каприза. Оглядываясь назад, он оказался в высшей степени неудачным».

Самый важный факт, о котором химико-медико-вивисекционный комбинат всегда умалчивает, но который легко подтвердить, состоит в том, что во всех странах и регионах, где вакцинации не было, полиомиелит точно так же исчез, так и в регионах, практиковавших ее. Более того, в некоторых областях, где имела место массовая вакцинация, вспыхивали настоящие эпидемии. Например, так произошло в Бразилии и Новой Зеландии.

Из сказанного следует, что статистику служб здравоохранения об инфекционных заболеваниях и о том, как происходил их спад, можно сфальсифицировать. Например, когда американский медицинский синдикат собирался осчастливить народ вакциной Солка, а спустя несколько лет – «чуть менее опасной» вакциной Сейбина, то было произвольно решено, что симптомы паралича, наблюдающиеся в течение 24 часов, следует расценивать как полиомиелит. Кроме того, за полиомиелит выдавали многочисленные случаи вирусного и асептического менингита (воспаление мозговой оболочки). Ведь медицина – это не точная наука, а искусство интерпретации. Спустя много лет после введения вакцинации, когда встал вопрос о проверке ее эффективности, было принято опять же произвольное решение, что для диагностирования полиомиелита симптомы паралича должны наблюдаться у больного в течение 60 дней (!), а во всех сомнительных случаях регистрировать предполагаемый полиомиелит как вирусный или асептический менингит. А европейские кудесники от медицины обычно действуют по образцу американских первопроходцев.

* * *

Большинство американцев слышали о кампании по вакцинации от свиного гриппа, которая обернулась против президента Форда, когда обещанная эпидемия не состоялась, зато тысячи пострадавших от прививки и родственники погибших подали в суд на американское правительство и получили миллионы долларов.

Подобные прививочные мошенничества происходят везде, где позволено господствовать Всемогущей Медицине. Каждую осень европейские аптеки развешивают плакаты с надписью: «Грипп у ворот – пора сделать прививку».

Даже официальная медицина уже неоднократно соглашалась с тем, что вакцина от гриппа опасна и совсем не защищает от гриппа, тем не менее, каждую осень доверчивые потребители покупают миллионы доз вакцины.

Во время одного процесса, имевшего места во Франции 1 октября 1981 года, профессора Мерсье (Mercié), бывшего директора Института Пастера спросили, почему продолжается выпуск и продажа вакцины от гриппа, хотя ее неэффективность доказана.

Откровенный ответ профессора Мерсье: «Потому что это помогает нам финансировать наши исследования».

Скандал с БЦЖ

Наверное, нам придется ждать еще десятилетия, прежде чем новостные СМИ, стоящие на страже интересов фармацевтической картели, расскажут нам всю правду о вакцине от полиомиелита. А недавно зарубежная научная периодика сообщила еще об одном скандале с не менее известным продуктом – игнорировать правду уже стало невозможно. Речь идет о БЦЖ, вакцине от туберкулеза.

В 1950 году правительство Франции, невзирая на сопротивление группы французских врачей, которые указывали на неэффективность и опасность вакцины, предписало всем французским школам обязательную вакцинацию от БЦЖ. Конечно, это стало сверхвыгодным делом для Института Пастера, сотрудничавшего с французскими органами здравоохранения.

Подробности о том, каким образом французские власти оказывали давление на граждан и принуждали их к прибыльной вакцинации, можно прочитать в многочисленных книгах и журналах. Авторы этих материалов – главным образом французские медики.

Среди них наибольшее внимание обращает на себя доктор Марсель Ферру (Marcel Ferru), бывший педиатр и член Национальной Академии медицины. Ему на момент выхода этой книги (1981) было 88 лет. В 1977 году он ради просвещения населения выпустил за свой счет важную книгу «Провал БЦЖ» (La Faillite du BCG). В ней он рассказывает, как в молодости сам поддался пропаганде и сделал своим старшим детям прививку от БЦЖ, но отказался вакцинировать младших детей. Внуков он тоже не стал вакцинировать, исходя из опыта – своего собственного и коллег.

Далее автор рассказывает о периоде, когда он был кандидатом на пост директора Школы медицины в Университете Пуатье (Universite de Poitiers). Выставить свою кандидатуру его убедили коллеги, и шансы на победу были велики. Но как только кандидатуру Ферру обнародовали, с ним связался министр здравоохранения и прямо заявил ему, что министерство наложит вето на него, если он не снимет свою кандидатуру. Причина – в его отрицательном отношении к БЦЖ.

Наконец, 15 ноября 1979 года в британском журнале “New Scientist” – издании, находящемся под контролем Медицинской власти – появилась длинная статья, исполненная неуверенности и смущения: еще бы, ведь по требованию индийского правительства было проведено исследование, и его результаты оказалось уже невозможно скрывать от людей.

Автор той статьи – К.С. Яйараман (K.S.Jayaraman) из Нью-Дели, и она имеет заглавие «Вакцина от туберкулеза не прошла проверку в Индии» (TB Vaccine Fails Indian Trial). Начало ее такое:

«Крупнейшее в Южной Индии исследование, ставящее целью проверить эффективность вакцины от туберкулеза, привело к тревожному открытию, что эта вакцина “не обеспечивает защиты от бациллярных форм туберкулеза”. Это “в высшей степени точное и всеохватывающее” исследование было начато в 1968 году, его проводили Индийское министерство медицинских исследований при помощи Всемирной Организации Здравоохранения и Американского Центра по контролю за болезнями (Center for Disease Control, Атланта, Джорджия)».

В нижеследующем абзаце хорошо заметно смущение от этих открытий:

«Исследование БЦЖ закончилось в прошлом году, но его неожиданные результаты заставили индийское правительство отложить их публикацию до тех пор, пока их не проанализируют специалисты из Всемирной организации здравоохранения на нескольких встречах в Нью-Дели и Женеве».

И вот еще один интересный эпизод:

«Частота заболевания в группе вакцинированных была немного больше (статистически незначительно), чем в контрольной группе, и из данного открытия следует, что защитное действие БЦЖ равно нулю».

Минимализация «статистически незначительно» не может скрыть того факта, что при вакцинации БЦЖ среди привитых имеет место больше случаев заболевания, чем среди непривитых. Это свидетельствует о повторении давно известного феномена, скрываемого официальной медициной, что любая массовая прививочная кампания несет с собой новую вспышку инфекции, а в дальнейшем число заболеваний снижается лишь до уровня, существовавшего до «профилактического мероприятия».

Если опубликовать статистику, охватывающую больше лет и начинающуюся с года наибольшей заболеваемости, последующие годы будут неизбежно свидетельствовать об улучшении. Но никто не указывает на то, что непосредственно в период вакцинации заболеваемость уже была меньше. Это особенно бросается в глаза в случае с полиомиелитом, очень редким инфекционным заболеванием, которое уже начало угасать в Европе по причине завершения естественного цикла тогда, когда сначала Солк, а затем Сейбин представили вакцину на рынке. Тем не менее, во многих других странах, особенно с теплым климатом, детский паралич сегодня на подъеме, невзирая на прививки – а скорее, благодаря им.

Но комбинат не видит оснований признать свое поражение. Он всегда судья и исполнитель в одном лице. В конце января 1981 дельцы от ВОЗ нашли способ противостоять плохим новостям из Индии. Швейцарская пресса сообщила под заглавием «Объединенные нации» (Vereinte Nationen), что «две группы специалистов ВОЗ, проверившие результаты индийского исследования, пришли к выводу, что желательно продолжать вакцинацию БЦЖ».

(Одновременно та же самая газета сообщила, что 30 членов Президиума ВОЗ одобрили использование сухой молочной смеси вместо материнского молока).

И подопытные люди

Люди, которые имеют некоторое представление о фундаментальных законах медицины, принимают во внимание гуманистические соображения, отрицаемые современными «учеными» как «эмоциональные» и потому «ненаучные», и в одинаковой мере выступают против экспериментирования на людях и животных.

Подавляющее большинство сегодняшних экспериментов бессмысленны, во-первых, потому что условия сохранения человеческого здоровья давно известны, во-вторых, в рамках большинства опытов живых существ подвергают, часто насильственными способами, воздействию ненормальных условий. Вполне логично, что искусственно созданные нарушения или болезнь не могут быть идентичны натуральным, которые возникают в организме спонтанно.

Тем не менее, экспериментальные исследования проводятся повсеместно и все более широкомасштабно, потому что они несут с собой финансовую выгоду либо дают возможность вивисектору удовлетворить свое любопытство, хотя оно отвлекает от истинных медицинских целей и все больше отдаляет от познания фундаментальных условий здоровья.

Уже на протяжении многих десятилетий экспериментаторы и их пресс-секретари в своем стремлении оправдать бессмысленные опыты терроризируют общественность лозунгом «либо собаки, либо дети». Но на самом деле, если им дать волю, большинство из них станут использовать и собак, и детей. Именно те, кто знает, что животные не дадут им нужных результатов, предпочтут маленьких детишек. Сирот из детских домов, например. Или дряхлых стариков, у которых нет родственников. Или арестантов. Или любого беспомощного человека, на которого можно оказать психологическое и экономическое давление. Иногда могут обмануть ничего не подозревающих пациентов. С тех пор, как мы

подробно разобрали эту проблему в «Убийстве невинных», положение вещей значительно ухудшилось.

Сегодня опыты на арестантах разрешены как минимум в 25 штатах США. В одной только Пенсильвании они проводятся в тюрьмах округов Бакс, Ланкастер, Хольмесбург, Беркс, Нортгемптон, Делавэр, Лебанон. Практикуются они и в Филадельфийском исправительном доме (Philadelphia House of Correction), и в тюрьме Chester County Prison Farm.

В августе 1978 года в “National Enquirer” вышла статья под названием «Фармацевтические предприятия хитростью превращают пациентов в подопытных кроликов» (Drug Firms Trick Patients Into Becoming Human Guinea Pigs). В ней говорится:

«Как сообщает доктор Майкл Хенсли (Michael Hensley), сотрудник Отдела научных исследований Администрации по пищевым продуктам и лекарственным препаратам (Food and Drug Administration), в одном из этих случаев оказался замешан ученый, который говорил неправду беременным женщинам. Доктор Хенсли указывает, что исследователь уговаривал женщин попробовать анальгетик, но не говорил им, что он может вызвать у новорожденных детей проблемы с дыханием. На самом деле, по мнению доктора Хенсли, цель этого исследования заключалась в том, чтобы “вызвать у младенцев легкие затруднения дыхания”, а затем установить, можно ли их устранить с помощью другого средства».

«Вивисекция – это школа садизма, и поколение медиков, которое получило образование на основе этой практики, оправдывает самые серьезные опасения общественности».

Так писал французский врач доктор Лоре (G.R. Laurent) несколько десятилетий назад, и его слова оказались такими же пророческими, как и высказывание немца доктора Вольфганга Бона (Wolfgang Bohn), который еще в 1912 году заявил в “Ärztliche Mitteilung” (№7):

«Заявленная цель вивисекции не была достигнута ни в одном поле, и можно предсказать, что в будущем ее тоже не удастся достигнуть. Наоборот, вивисекция причинила огромный вред, убила тысячи людей. Через постоянный рост вивисекции удалось достигнуть одного: увеличения числа пыток ради науки и убийств людей. Мы имеем все основания ожидать, что этот рост продолжится, ибо он есть всего лишь логическое последствие вивисекции животных. Мы имеем огромное количество лекарств и терапевтических приемов, которые были усовершенствованы без пыток животных, но не используются и не распространяются должным образом, потому что наше поколение исследователей не знает никаких методов, кроме вивисекции».

Регулярно проводимые в лабораториях опыты на животных не только препятствуют пониманию проблем медицины – они точно так же притупляют чуткость. В медицинской литературе есть множество примеров тому, но они почти никогда не становятся достоянием общественности. Вот выдающееся исключение.

Газета “Sidney Shout”, (1 февраля 1979), Сидней, Австралия:

«Как заявили перед правительством, в Сиднее гиперактивным детям делают операцию на мозге, чтобы изменить их поведение.

Ребенку, который сильно бился головой об стену, прооперировали мозг, и эта операция могла сделать его наполовину идиотом, сообщил нашему изданию Лекс Вотсон (Lex Watson), координатор Совета гражданских свобод (Council for Civil Liberties) в Новом Южном Уэльсе.

Один из побочных эффектов этих операций – потеря зрения на 25%. Согласно доктору Вотсону, при таких операциях смертность гораздо выше, чем при обычных хирургических вмешательствах.

Совет гражданских свобод выяснил, что все эти операции проводит Нейропсихиатрический институт (Neuro Psychiatric Institute) в больнице Принца Генри (Prince Henry Hospital).

В ходе вмешательства оперируют лимбическую систему мозга. Оно отличается от прежней лоботомии тем, что оказывает влияние на память и мыслительные способности.

Как сообщают медицинские источники, эта операция нарушает основные инстинктивные импульсы.

В одном из исследованных случаев пациент после операции предпринял четыре попытки самоубийства».

В марте 1973 года доктор Петер Роджер Бреггин (Peter Roger Breggin) пишет в “Mental Hygiene”:

«Лоботомия и психирургия опять вернулись к нам! В Филадельфии негр умер от передозировки героина, и репортер заметил у него на голове необычные шрамы. В ходе одного из экспериментов ему выжгли часть мозга, пробуя таким образом излечить его наркоманию. Репортер выяснил, что это был за хирург, и последний признался, что опыты на обезьянах, которые он проводил до операции на человеке, не дали ему нужных выводов.

В Луисвилле женщина ослепла после префронтальной лоботомии. Свидетельства, полученные в ходе уголовного дела против ее хирурга, показывают, что этой 30-летней пациентке сделали операцию для снятия боли, имевшей психические истоки, но не пробовали использовать психотерапию.

В Джексоне, штат Миссисипи, нейрохирург калечил гиперактивных детей, которым было всего пять лет. Он описывает случай, когда мозг маленького пациента коагулировали электродами 5-6 раз. Теперь этим ребенком легче управлять, но у него наблюдается умственная отсталость. Нейрохирург отказывается ответить на вопросы о том, какой расы были его юные пациенты. Тем не менее, кто-то проник в палату и установил, что трое детей относились к негроидной расе.

В Бостоне женщине страдавшей депрессией, неоднократно имплантировали электроды в мозг и оставляли их там до тех пор, пока она не отказалась от дальнейших операций. Ее хирург говорил, что больше она не желала его видеть, и ее психиатр также приводил ее в ярость. Она покончила с собой, как только представилась возможность. Но в данном случае врачи говорят о “положительном” результате лечения: они считали, что пациентка шла на поправку, иначе бы у нее не хватило сил убить себя.

В том же самом Бостоне пациентам просверлили крышу черепа и имплантировали в мозг два электрода, каждый из которых содержал по 40 маленьких электродов. Они должны были стимулировать мозг и записывать мозговые волны. Эти электроды находились там целый год, чтобы была возможность с помощью дистанционного контроля проводить дальнейшие эксперименты, прежде чем их изъяли, разогрев для этого один из проводов.

В Университете Тулейна (Tulane University of Louisiana) гомосексуалистам во время просмотра порнофильмов стимулировали “центры удовольствия”, чтобы склонить их к гетеросексуальности. Психирург, который проводил этот эксперимент, стал своего рода неофициальным “рекордсменом” – одному из пациентов за одну операцию имплантировал 120 электродов...

Группа бостонских психирургов пишет в “Journal of the American Medical Association”, что восстания в гетто происходят не только из-за политических факторов, и что бунтари могут страдать от болезни мозга. Министерство юстиции США выделяет им финансы на разработку “способов контроля”, чтобы эти ученые выявили истоки человеческой склонности к насилию и разработали психирургические способы контроля за ним. В данном проекте участвовал и Конгресс. В тот год он выделил 500 тыс. долларов на эти цели, а на следующий – 1 миллион.

Эту работу делают не одиночки – нет. Ею занимается множество уважаемых нейрохирургов и психиатров, работающих в самых разных медицинских центрах Бостона, Хартфорда, Нью-Йорка, Филадельфии, Нового Орлеана, Луисвилла, Сан-Франциско, Санта-Моники и в национальных институтах здравоохранения».

Доктор Бреггин, который, согласно журналу, является руководителем руководителем проекта по исследованию психиатрической технологии в Университете Психиатрии (Вашингтон, Washington School Psychiatry) и там же занимается частной практикой, добавил следующую ссылку:

«Большая часть информации, которую я подробно документировал в своем исследовании, содержится в Протоколе Конгресса (Congressional Record) за 24 февраля 1972 года на страницах 1602-1612. Прочая информация получена из СМИ и из судов».

Из статьи «Хирургия в больнице» (Surgery in the Asylum), которая была напечатана в «Time» за 23 апреля 1979 года:

«Обвинения напоминали выдержки из сценария к фильму «Пролет над гнездом кукушки» (One Flew over the Cuckoo's Nest). Адвокат Патрик Мерфи (Patrick Murphy), который на прошлой неделе занимался этим делом в Чикаго, заявил, что в 1950-е-1960-е годы от 25 до 100 пациентов Медицинского центра психического здоровья Мантено (Manteno Mental Health Center, Иллинойс) стали объектами тайных хирургических экспериментов, не давая на них согласия. Врачи удалили им надпочечники, производящие кортизон и другие гормоны. Наблюдающий хирург: доктор Чарльз Б. Хаггинс (Charles Brenton Huggins), 77 лет, лауреат Нобелевской премии за свою новаторскую работу по лечению рака гормонами».

Как дальше говорится в статье, представитель Университета Чикаго (University of Chicago) с раздражением отрицал эти обвинения. Но дальше мы читаем:

«Мерфи (Murphy), инспектор округа Кук, отвечающий за нарушения закона в государственных лечебных учреждениях, в ответ выдвинул свои обвинения. Он, среди прочего, процитировал записки психиатра, где говорилось, что “по сути этот центр – вивисекционная лаборатория”».

Заметка из американской газеты за 27 января 1981 года:

«Подопытные люди: ослепший пациент получает 2,9 миллиона долларов (Human Guinea pig. Blind man gets \$2.9 million).

Нью-Йорк (Юнайтед Пресс интернешнл). 27-летний мужчина, ослепший вскоре после рождения из-за того, что врачи без согласия его родителей, но при финансовой поддержке правительства проводили на нем эксперимент, получит 2,9 миллиона долларов в качестве компенсации ущерба.

“Речь тут идет о подопытном человеке, и об этой истории умалчивали”, – сказал адвокат Даниэля Бертона (Daniel Burton) из Юнион-Сити (штат Нью-Йорк). В 1953 году его подзащитный родился недоношенным в больнице Нью-Йорка и в течение 28 дней лежал в инкубаторе.

Врачи уверяли Бертонов, уже потерявших одного ребенка, что с их мальчиком все в порядке. Но он ослеп.

Бертоны за 27 лет смирились с его беспомощностью. Но их позиция изменилась после того, как они прочитали в одном журнале статью об эксперименте, который проводился за федеральный счет, и в рамках которого врачи давали недоношенным детям большие дозы кислорода. Те младенцы родились в тот же год, что и Даниэль. И многие из них ослепли.

Верховный суд Манхэттена пришел к выводу, что Даниэль Бертон ослеп от кислорода, и в понедельник постановил выплатить ему 2,9 миллиона долларов США.

Прокурор Марк Вейзен (Mark Weisen) получил из больницы историю болезни Даниэля Бертона и подтвердил, что этого молодого человека включили в исследование, которое проводилось на недоношенных младенцах и финансировалось Департаментом здравоохранения США. С помощью того эксперимента врачи хотели выяснить, может ли чистый кислород помочь младенцам в первый месяц жизни.

Но, как заявил Вейзен, из-за высоких доз кислорода крохотные сосуды, снабжавшие кровью сетчатку Даниэля, сжались, и ребенок ослеп».

2 ноября 1981 года в “International Herald Tribune” вышла статья под названием «Во время войны США помогали Японии скрывать смертельные эксперименты» (US Said to Have Helped Japan Hide Wartime Death Experiments). Ее автор – Филипп Гилтц (Philip J. Hilts) из “Washington Post Service”, и мы ее приведем в сокращенном виде.

«Вашингтон. Во время Второй мировой войны японцы убили в одном из экспериментов по проверке биологического оружия около 3000 человек, и среди них были также американские военнопленные. Как указывает статья в последнем выпуске Бюллетеня ученых-ядерщиков, высокопоставленные японские военные заключили тайное соглашение с японцами не разглашать те опыты.

Как отмечает автор статьи, соглашение американцев включало в себя доказательства того, что офицеры получали неприкосновенность, и их не преследовали за военные

преступления, а США, в свою очередь, получали возможность использовать результаты экспериментов.

Жертв использовали как подопытных кроликов. Они погибали в экспериментах по проверке биологического оружия – их инфицировали чумой, сибирской язвой, ветряной оспой. Японцы убивали своих жертв и другими способами, например, облучали их, накачивали лошадиной кровью или резали их на куски.

Джон Пауэлл (John Powell), автор, цитирует полдюжины документов о тайном створе между ответственным японским и американским военным руководством. Он указывает, что по своему запросу в соответствии с Актом о свободе информации (Freedom of Information Act) получил многочисленные документы о сделке Департамента обороны (Defense Department).

Как следует из тех официальных сообщений, американцы, которые заключили соглашение, хорошо знали, что в экспериментах погибли и солдаты их страны. Поэтому перед ними встал неприятный вопрос о том, какую роль тогда “сыграли многочисленные американские служащие, находящиеся на высоких постах”.

Армия никак не прокомментировала это сообщение.

Конечно, вряд ли получится узнать, сколько американцев оказалось в роли подопытных кроликов, и их имена. Мистер Пауэлл предполагает, что военные не могли настаивать на таких вопросах – иначе возникала опасность того, что все это дело станет достоянием общественности.

Более ранние сообщения вновь и вновь подтверждали, что в Японии была очень сложная программа по биологическому ведению войны, и что в лагерях, где проводилась эта работа под руководством японского генерал-лейтенанта Исии Сиро (Ishii Shiro), многие умирали.

6 мая 1947 года генерал Исии в секретной телеграмме из Токио в Вашингтон предлагает предоставить всю информацию об опытах, а в обмен просит гарантию неприкосновенности для военных преступников.

Из документов, на которые ссылается мистер Пауэлл, следует, что информация, полученная от генерала Исии, была “бесценна” для Америки, и в США ее нельзя было бы получить иным способом “из-за сомнений по поводу экспериментирования на людях”. В этих документах также проходит идея, что информация стоила недорого. “Заплатить надо было минимум, по сравнению с реальной стоимостью”, в которую японцам обошлась эта работа.

В более позднем меморандуме двое американских служащих, доктор Эдвард Веттер (Edward Wetter) и Х.И. Стабблфилд (Stubblefield) указывают, что генерал Исии начал предоставлять желаемый материал, в том числе подборку из 8 тыс. срезов тканей, полученных при вскрытии людей и животных, на которых тестировали биологическое оружие.

Далее в тех документах говорилось: “Поскольку каждый процесс против военных преступников полностью раскроет информацию другим странам, представляется необходимым избежать огласки ради национальной безопасности Америки”.

Очевидно, большое количество разных экспериментов проводилось на арестантах. В некоторых случаях сначала жертву инфицировали, а затем болезни давали возможность развиваться в течение какого-то времени. После арестанта “приносили в жертву”, чтобы сделать вскрытие и оценить масштаб повреждений, вызванных биологическим оружием.

Сообщение доктора Эдвина В. Хилла (Edwin V. Hill), руководителя фундаментальных исследований в лагере Детрик (позже – форт Детрик, Fort Detrick), сделанное в декабре 1947 года, указывает на большую ценность полученных результатов. По поводу американцев в нем говорится следующее: “Хочется верить, что люди, которые добровольно помогли получить эту информацию, не будут иметь неприятностей, и что будет сделано все возможное для сокрытия этой информации от посторонних”.

Как указывает еще один меморандум из американской штаб-квартиры в Токио, выгода от наделения “японских военных преступников неприкосновенностью” заключается в использовании 20-летнего опыта работы генерала Исии, который, в свою очередь, может гарантировать безграничное сотрудничество своих бывших подчиненных».

В «Убийстве невинных» уже говорилось о случаях, когда американские и британские исследователи покупали в больницах только что абортированные зародыши для использования их в качестве экспериментального материала. Эта практика распространяется все больше, невзирая на официальное неодобрение. Выяснилось, что средства, которые были выделены американским правительством, шли на эксперименты с человеческими зародышами, купленными в финских больницах. Почему в финских? Потому что в Финляндии аборт разрешено делать еще на пятом месяце беременности, и в этом возрасте многие зародыши выживают в инкубаторе; их и продают ученым для использования в опытах.

Как всегда, об этом сообщили только немногие СМИ – те, которые стремятся обнажать, а не скрывать позорную правду. 19 августа 1980 года газета “Globe” в Гринвиче, штат Коннектикут, напечатала статью под названием «В абортированных зародышах поддерживают жизнь для экспериментов» (Aborted Babies Kept Alive for Grisly Experiments). Журналист Чарльз Лахман (Charles Lachman) пишет в ней:

«Больница в Финляндии проводила страшные опыты на живых человеческих плодах – при финансовой поддержке американского правительства.

Как выяснила “Globe”, в ходе этих жутких экспериментов нерожденным младенцам, среди прочего, отрезали головы и разрезали желудок – и все это делалось без анестезии.

Голландский журналист Ганс Перукель (Hans Perukel), который проводил расследование в больнице, сообщает, что в одной из больниц Хельсинки зародышей покупали за 12 тыс. долларов США, а средства на покупку были предоставлены американским правительством. Доктор Петер Адам (Peter Adam) из Кливленда, штат Огайо получил от Национального Института здравоохранения (National Institute of Health) грант в размере 600 тыс. долларов на работу с человеческими зародышами и уехал в Финляндию.

В прошлом месяце 44-летний доктор Адам умер от опухоли мозга. Его вдова, педиатр доктор Кэтрин Кинг (Katherine King) сообщила “Globe”, что ее муж давно уже прекратил все связи с финскими коллегами, а деньги американского правительства не использовались для его исследований. Далее она сказала, что и в своей лаборатории в Кливленде доктор Адам перестал работать с человеческими зародышами.

Зародышей в Хельсинки помещали в инкубатор и таким образом сохраняли им жизнь, а затем переправляли в портовый город Турку, где их и поджидала жестокая судьба.

Один из работников лаборатории в Турку рассказывал, что он присутствовал на эксперименте, который проводился под руководством финского исследователя доктора Мартти Кекомаки (Martti Kekomaki). На этой неделе газета “National Examiner”, выпускаемая тем же издательским домом, что и “Globe”, напечатала страшное свидетельство: “Они взяли зародыш и разрезали ему живот. Они сказали, что хотят взять его печень. Они вытащили ребенка из инкубатора, и он был все еще жив. Это был мальчик. Он имел уже полностью сформированное тело с ручками, ножками, ртом и ушами. У него даже происходило мочеиспускание”.

Когда врачи разрезали ребенку живот, обезболивания ему не делали.

Когда доктора Кекомаки попросили объяснить этот ужас, он ответил: “Абортированный ребенок – это всего лишь отбросы. В любом случае, у них было мало шансов выжить. Почему бы не использовать их во благо общества?” »

Таким образом, доктор Кекомаки для оправдания причиняемой им боли использовал тот же «гуманистический» аргумент, что и все вивисекторы. Газета “Globe” пишет:

«Доктор Кекомаки утверждает, что благодаря этим новым методам он спас жизнь уже многим людям. Цель его экспериментов заключалась в том, чтобы найти способ давать недоношенным детям раствор мозга. Поэтому он отрезал зародышам головы – чтобы изолировать мозг и переработать его в пищу или питательные вещества. “Если мы хотим помочь недоношенным детям, нам нужны головной мозг и печень абортированных зародышей”. А на возражения о жестокости его экспериментов он неизменно пожимал плечами».

Статья в “Globe” приводит еще следующую информацию. Уже упоминавшийся американский врач доктор Адам, который ставил опыты на живых человеческих

зародышах, был профессором педиатрии в Западном Резервном Университете Кейза (Case Western Reserve University) и руководил отделением детского метаболизма в Центральной больнице Кливленда (Cleveland Metropolitan General Hospital). Эти же два заведения дали возможность доктору Роберту Байту (Robert White) проводить сумасшедшие эксперименты с пересадкой голов обезьянам. Очевидно, знания, добытые нейрохирургом Байтом, не смогли спасти доктора Адама, который умер от опухоли мозга всего лишь в 44 года.

Эксплуатация бедняков

Беднейшие страны стали самыми желанными территориями для медикаментозной картели, объектом их борьбы. Синдикат переполняет их полчищами тщательно проинструктированных агентов в обличье миссионеров здоровья, подкупает или обманывает правительства – и таким образом готовит почву для сбывания в странах третьего мира в том числе тех продуктов, которые уже давно изъяты с других рынков. А если у всемогущего траста не получается поступить по-своему, он прибегает к вымогательству и даже силе.

Хорошим примером служит Чили. В 1972 году медицинская комиссия, которую назначил президент страны Сальвадор Альенде (кстати, врач), пришла к выводу, что несомненную терапевтическую ценность представляют не более нескольких десятков лекарств – их всегда носит с собой каждый врач – и что международные списки лекарственных препаратов надо сократить соответствующим образом. Большинство немногих врачей, которые хотели реализовать идеи президента на практике, были убиты в течение недели после того, как 11 сентября 1973 года при поддержке ЦРУ (Вашингтон это признал) к власти пришла хунта.

В результате к власти пришла гораздо более жесткая диктатура, которая широко распахнула чилийский рынок для американской торговли, для продуктов химической и – прежде всего – фармацевтической индустрии.

Разумеется, никто никогда не опубликовал разносторонних свидетельств того, что ЦРУ приложило руку к убийству чилийских врачей, которые были против наводнения страны американскими лекарствами. С другой стороны, еще никто не объяснил, почему в ходе чилийской революции было убито так много врачей, и почему погибли именно те, кто выступал за сокращение количества лекарств. Тут еще стоит отметить, что, по всеобщему мнению, убийство – это типичнейший метод работы ЦРУ. Его аббревиатуру (CIA – Central Intelligence Agency), иногда расшифровывают как Center of International Assassination – Центр международного убийства.

Вот показательный эпизод и статьи Энтони Льюиса «Цена секретности» (Anthony Lewis, “The Price of Secrets”), которая вышла 22 августа 1980 года в “New York Times” и “International Herald Tribune”:

«Несомненно, надменность слов Киссинджера (Kissinger), появившихся в печати, была неприятна ему самому. Но то, что он заявил на заседании 40 комитетов (комитет по экономическим вопросам при Президенте США) – это более чем личное дело. Его слова отразили то, что на протяжении многих лет было преобладающей установкой ЦРУ и Белого дома: тайно вмешиваться в дела других стран, имея при себе деньги и оружие и совершая убийства» (выделение добавлено).

*

Трагедия, произошедшая в Чили, отнюдь не единична. Когда в 1978 году социалистическое правительства Шри-Ланка собиралось в соответствии с рекомендациями медицинской комиссии радикально сократить количество импортируемых лекарств, американское посольство угрожало в случае такого шага прекратить обеспечение продовольственной помощи.

В 1979 году репортеры Би-Би-Си Ричи Коган (Ritchie Cogan), Шарон Банофф (Sharon Banoff) и Билл Брекон (Bill Breckon) собрали новый материал, который имел в своей основе отзывы международных служб здравоохранения и предназначался для британской телепередачи «В болезни и во здравии» (In Sickness and in Wealth). Британцы могли видеть из своих уютных домов, как происходил вынос сора из избы у «этичной» транснациональной промышленности. Им показывали страдальческие лица умирающих людей в бедных странах. Миллиард из них не имел возможности получать медицинскую помощь – и тут к ним прорвалась щедрая «интернациональная помощь» и принесла с собой сонм торговых агентов.

На острове Шри-Ланка (Цейлон) в период, когда у власти находилось социалистическое правительство под руководством госпожи Бандаранаике (Bandaranaike), профессор Сенека Бибилет (Seneca Bibilet), известный фармаколог, с помощью правительства смог сократить количество медикаментов от тысяч до нескольких сотен. Считалось, что для борьбы с самыми серьезными болезнями достаточно 34 лекарств, и бедная страна планировала производить их самостоятельно, из импортированного сырья, чтобы они стоили дешевле. Но против этого сразу начала возражать американская фирма «Пфайзер» (Pfizer), которая имела дочернюю компанию на Шри-Ланке. Во время эпидемии холеры «Пфайзер» начала производить тетрациклин, который, как считается, помогает при этой болезни, и правительство грозило национализировать «Пфайзер». И тут американское посольство выступило с предупреждением: в случае совершения такого шага Америка прекратит поставку необходимого продовольствия. Шри-Ланка должна была отказаться и от программы Бибилет по производству 34 жизненно необходимых лекарств.

Позже социалисты оказались вытеснены капиталистическим правительством. И в журнале “Family Doctor” (главный медицинский журнал на Шри-Ланке) сразу же появилась реклама фармацевтического предприятия «Стерлинг Винтроп» (Sterling Winthrop, из империи Рокфеллера): «Брендовые лекарства возвращаются. Предстоящая здоровая конкуренция, несомненно, пойдет пациентам во благо...» (именно так!)

Один врач со Шри-Ланки с горечью с горечью рассказывал телезрителям про фармацевтических агентов. Один из них возжелал, чтобы они продвигали винстрол, анаболический стероид в жидкой форме для детей. Этот препарат предположительно «способствует росту», и на нем не было указано никаких предупреждений о побочных действиях. Но он может вызвать нарушение полового развития у детей. На Шри-Ланке его производила дочерняя компания, принадлежащая «Стерлинг Винтроп», и уровень продаж был высоким. Но если его влияние на гормональный баланс столь велико, что возможно нарушение полового развития, то следовало бы задаться вопросом: а какие еще сбои в организме могут возникнуть из-за этого медикамента при длительном приеме? Причем данный медикамент призван способствовать росту, следовательно, рассчитан на длительное применение. Руководство «Винтропа» в Америке отказалось от интервью.

Британская фармацевтическая индустрия ежемесячно выпускает руководство под названием “Mims”, и в нем указываются побочные эффекты известных лекарств и противопоказания к их использованию. В выпуске “Mims” для Африки речь идет и о тех медикаментах, которые были изъяты из продажи в Европе и США, а в других случаях дозировка превышает предельно допустимый уровень. Ведь вряд ли пострадавшие бедняки из стран третьего мира подадут на транснациональные корпорации в суд.

В Танзании уровень продажи лекарств невероятно высок. Там на лекарства уходит столько средств, что все профилактические меры оказываются заблокированы. Больницы закрываются из-за недостатка финансирования. На рекламу прибыльных медикаментов, вызывающих болезни, тратятся аховые суммы, но в то же время ничего не делается для решения главных проблем страны – плохого питания, грязной воды, антисанитарии. Ведь на профилактике денег не сделаешь.

Бангладеш, считающийся беднейшим государством, обладает плодородными почвами, где растут свежие овощи. Тем не менее, четвертая часть расходов страны идет на производство синтетических витаминов, которые в долгосрочной перспективе могут обернуться смертным приговором для детей. Аптекари после визитов западных торговых агентов продают медикаменты всем, кто только может их позволить себе. Разумеется, об их опасностях – ни слова.

Британские и американские фармацевтические предприятия рекомендуют при любой болезни, даже при порезах, комбинированный антибиотик (стрептомицин/пенициллин). Но он в высшей степени токсичен (для ушей и для почек) и очень опасен для людей, имеющих предрасположенность к туберкулезу. Его производит на месте фирма «Пфайзер» – в Америке он уже 10 лет запрещен.

Сейчас вся надежда на защиту от этой эксплуатации состоит в маленьких революционных группах мужчин и женщин, которые объединились и желают образовать службу здравоохранения на добровольческой основе. Опытные парафармацевты пробуют, следуя примеру китайских «босоногих врачей» отвоевать сельские области и отвести от них иго фармацевтической индустрии. Но там надо преодолеть мракобесие необразованного населения – ведь оно точно так же загипнотизировано, как европейцы с американцами, и фанатично верит в чудеса современно медицины, преклоняется пред ее служителями – врачами, владеющими всеми истинами о телесном и душевном здоровье.

В то время как западный мир очень медленно, но все же начинает отходить от пресыщенности лекарствами и понимать их вред, лавина конкурирующих друг с другом пилюль и микстур перетекает в страны третьего мира, где чудо-препараты менее всего по карману людям. Местное необразованное население при поддержке несведущего или продажного правительства там еще больше открыто для эксплуатации.

Слово – “Mother Jones”

Американский журнал “Mother Jones” представляет большой интерес для всех, кто хочет знать правду вообще и о преступных действиях международной химической и фармацевтической картели в частности. Именно поэтому это издание имеет ограниченное распространение – для него закрыто большинство рынков сбыта национального и международного значения.

Для примера возьмем выпуск за ноябрь 1979 года под названием «Корпоративное преступление века» (The Corporate Crime of the Century). Там читатель найдет информацию, которая никогда не встречалась в “New York Times”, “Time”, Reader’s Digest” и т.д. Издание посвящено прежде всего позорным делам нашей картели. В нем рассказывается, как в неразвитых странах работники индустрии сбывают необразованному населению бесчисленные химические продукты по бросовым ценам, при этом речь идет о товарах, которые либо уже давно запрещены в странах-производителях, либо выпускаются без предупреждения о побочных эффектах и противопоказаниях.

Несколько лет назад доктор Мильтон Сильверман (Milton Silverman), доцент фармакологии Медицинского центра (Университет Калифорнии в Сан-Франциско) нашел разоблачающие доказательства в пользу сказанного, но они, к сожалению, не оказали большого влияния. Он и двое его коллег сравнили, как происходит реклама важных лекарств, отпускаемых по рецепту, в среде врачей США, с одной стороны и с другой – в среде врачей Латинской Америки, которая является излюбленным плацдармом медикаментозной картели. Вот примеры из оригинального исследования.

Тетрациклин, антибиотик, назначаемый при разных инфекционных заболеваниях, производства «Ледерле» (Lederle Laboratories). Возможные побочные эффекты в США: рвота, понос, головокружение, нарушения пищеварения, кожная сыпь, повреждения почек, возможно внутриутробное повреждение плода. Возможные побочные эффекты в Центральной Америке и Аргентине: отсутствуют.

Противозачаточное средство овулен, производитель – G.D. Searle Co. Возможные побочные эффекты в США: головокружение, выпадение волос, нервозность, желтуха, повышенное давление. Возможные побочные эффекты в Бразилии и Аргентине: отсутствуют.

Имипрамин, антидепрессант, производитель – «Сибя-Гейги». Возможные побочные эффекты в США: повышенное давление, инсульт, спотыкание, галлюцинации, бессонница, онемение конечностей, нарушения зрения, запор, кожный зуд, головокружение, рвота, потеря аппетита, понос, обильное потение. Возможные побочные эффекты в Центральной Америке, Бразилии и Аргентине: отсутствуют.

Эта информация, наряду со многими другими данными, взята из “The Physician’s Desk Reference” – стандартного руководства для американских врачей. В нем можно ознакомиться со сведениями фармацевтических компаний об их продуктах и с информацией для аналогичных зарубежных руководств.

Итак, полным ходом идет геноцид развивающихся стран, а у его руля стоит фармацевтическая индустрия.

А в 1983 году сообщения о «Сделках с бедностью», которые заключаются в странах третьего мира, появились и в немецкоязычных странах. Чем большую значимость имеет газета или издатель, тем тише голос. 14 января 1983 года в “Badische Zeitung” появилось следующее сообщение Информационного агентства ФРГ (Deutsche Presse-Agentur) из Бонна:

«Во Франкфурте “Medico International”, местная организация, занимающаяся помощью странам третьего мира, выдвинула серьезные обвинения против ведущих немецких и швейцарских фармацевтических концернов. В четверг она представила исследование “Сделка с бедностью – фармацевтические концерны в странах третьего мира” (Geschäfte mit der Armut – Pharma-Konzerne in der Dritten Welt), подготовленное швейцарским автором Марселем Бюлером (Marcel Bühler). Оно призвано доказать, что концерны препятствуют “недорогому производству медикаментов, которое призвано удовлетворять потребности людей”.

Фармацевтические транснациональные корпорации “пользовались экономической и технологической несамостоятельностью развивающихся стран, не имеющих своей собственной конкурентоспособной фармацевтической индустрии”, заявил Бюлер. В своей публикации он ссылается более чем на 80 исследований. Медикаменты, которые импортируются в страны третьего мира, не способны победить “болезни бедности”, информации врачам и потребителям предоставляется недостаточно, а цены завышены.

Кроме того, там сбывают препараты, которые были изъяты с рынков развитых стран вследствие отрицательных побочных эффектов. Многие лекарства, которые активно рекламируются в странах третьего мира, на самом деле излишни.

Например, в Индонезии, где более трети населения страдают от недоедания, рекламируют витаминные препараты для возбуждения аппетита. Вместе с тем, по оценкам Всемирной организации здравоохранения, для обеспечения медицинской помощи необходимы всего лишь 244 препарата».

Послание от Папы римского Иоанна Павла Второго

Во время визита в Африку в мае 1980 года Папа Римский, обращаясь к дипломатам и студентам в Киншасе, столице Заира, призвал своих слушателей быть «честными гражданами» и одновременно дал бортовой залп невидимым силам, которые господствуют над всем Третьим миром.

«Эта часть света страдает как от внутренней, так и от внешней поддержки, потому что подчиняется определенным условиям» (“Corriere della Sera”, 5 мая 1980).

Человек уровня Папы Римского, должен быть дипломатичным и не может называть вещи своими именами, ведь каждое его слово рассматривают под лупой, интерпретируют и разносят по всему миру. Это неизвестные и независимые люди, например, покойный Моррис Билл и Ваш покорный слуга, могут не церемониться. Кто вообще в мире может

быть той таинственной силой, которая «обеспечивает поддержку лишь при выполнении определенных условий?» Очевидно, Папа Римский Иоанн Павел Второй имел в виду всемогущую фармацевтическую картель, которая управляет американской политикой из Центра Рокфеллера и свергает зарубежные демократические правительства при их отказе открыть границы для потока дорогих американских «целебных средств». Зато она удерживает у власти дружественных диктаторов.

Часть 4

Сила

«История лекарств»

В 1930-е годы Моррис Билл (Morris A. Bealle), бывший редактор “Washington Times” и “Herald”, издавал в штате Мэриленд местную газету, и в ней каждую неделю местная энергетическая компания покупала четверть страницы для рекламы. Благодаря этому крупному клиенту, снималось множество финансовых проблем.

Но в один прекрасный день газета встала на сторону читателей, которые не были довольны работой энергетической компании. С момента выхода номера прошло всего несколько часов, когда зазвонил телефон, и Моррис Билл получил нагоняй от рекламного агентства, работавшего с той организацией. Ему угрожали, что в случае, если он еще хоть раз отклонится от курса, с ним тут же расторгнут контракт не только энергетическая, но еще и газовая, и телефонная компании. Это открыло Биллу глаза на «свободную прессу», и он решил уйти из газетного бизнеса. Моррис продал свою газету по максимально возможной цене – естественно, с убытками.

Он мог себе это позволить, потому что принадлежал к зажиточным слоям общества, но так везет не всем редакторам газет. Билл использовал свой профессиональный опыт, полученный «в стране свободы и на родине смелости» (строка из американского гимна), для того, чтобы исследовать ситуацию со свободой прессы. Результатом его работы стали блистательная книга «История лекарств» (The Drug Story). Поскольку никакое издательство не желало публиковать их, он в 1949 году основал свое собственное издательство, Columbia Publishing Company. Хотя «История лекарств» стала одним из величайших расследований, когда-либо производившихся в Америке, крупные книжные магазины ее не брали, не писали о ней и в газетах, благодаря которым и образуются списки бестселлеров. И все же к моменту написания книги она выдержала 33 переиздания (потом ее стало публиковать другое издательство, Bivorld Publishers, в Ореме, штат Юта).

Большинство способов рекламы книги оказались закрыты для Билла, и, чтобы продавать ее, Моррису пришлось обращаться к прямой почтовой рассылке. Нижеследующие выдержки из книги ясно показывают, почему открытия Билла вызвали и до сих пор вызывают враждебность со стороны самозваной власти:

«30 лет назад на компанию Standard Oil произвели сильное впечатление фабрики по переработке свинины, которые использовали все части животных и продавали все, за исключением разве что поросычьего визга. Маркетологи этой фирмы обратились к 1860-м годам, когда “старина Билл” Рокфеллер, переезжающий с места на место папочка Джона Д.Рокфеллера (первого) и фокусник со специализацией на патентовании лекарств навязал неграмотным людям бутылки с сырой нефтью в качестве средства от рака.

“Старина Билл” дал той расфасованной нефти название ньюойл (Nujol, что означает “новое масло”) и стал продавать ее больным с онкологией и тем, кому он смог внушить страх перед возможным раком. Маркетологам Standard Oil это понравилось. В аптеке бутылка Nujol стоила примерно 21 цент, а нефть Standard Oil – 1/5 цента. Потребители же говорили, что это средства от запора – не от рака.

А врачи установили, что ньюоил вреден, уже вскоре после того, как «препарат» появился на рынке. Он выводил из организма жирорастворимые витамины и в результате вызывал серьезный авитаминоз. Standard Oil в ответ на падение продаж стала добавлять в ньюоил каротин и заверяла, что его недостаток ликвидирован. Но у врачей было иное мнение на этот счет.

Сенатор Ройял С. Коупленд (Royal S. Copeland) из Нью-Йорка в течение нескольких лет, незадолго до своей смерти установил в своей сенатской канцелярии радиомикрофон за счет налогоплательщиков и рекламировал этот продукт – примерно за 75 тыс. долларов в год. Сегодня ньюоиль производится компанией Stanco Inc., а справочник Мууди приводит ее как одно из дочерних предприятий “Standard Oil”.

Колоссальная прибыль от ньюооля неизбежно привела к тому, что крупнейший и жесточайший комбинат в Америке, империя Рокфеллеров, вскоре занялся и производством лекарств. Но медикаментозная картель была образована только в 1939 году и с того времени ее кривая прибыли стала расти такими темпами, что на сегодняшний момент (в 1948 году – Г.Р.) ее годовой оборот составляет 10 тыс. миллионов долларов.

А то, каким образом американская медикаментозная картель объединялась со своими коллегами в Германии, – это целая история. Когда Гитлер планировал свой Третий Рейх, немецкие власти еще не подозревали, что американские политики намеревались решить проблемы с безработицей, спасти жизнь Англии и нефть Рокфеллера через втягивание нас во Вторую мировую войну. Но они не воспользовались возможностью.

В Германии химическая картель, производители красок, обладали монополией на все химические продукты немецкого производства. В результате, немецкое акционерное общество объединилось с американской Standard Oil, чтобы вместе контролировать важные патенты.

Но в 1939 году становилось все более ясно, что в США Германию скоро любить перестанут, и Standard Oil помогла гитлеровскому Третьему рейху закамуфлировать свои американские вклады в фармацевтическую и химическую промышленность. Было основано американское акционерное общество, и Standard Oil получила 15% акционерного капитала немецко-американской химической картели. Среди руководителей этого маскировочного общества оказались Вальтер Тигл (Walter Teagle, президент “Standard Oil”), Поль Варбург (Paul Warburg, подставное лицо Рузвельта и Рокфеллера) и Эдсель Форд (Elsel Ford). В ходе более позднего расследования, которое проводила Комиссия по ценным бумагам и биржевым операциям, Тигл отрицал, что ему принадлежат 500 тыс. акций нового общества, и заверял, что он всего лишь выполнял роль подставного лица. Когда ему задали вопрос во время слушаний в Сенате, кто же такой этот “другой”, он “под присягой” говорил, что не знает. Правда, все, кроме него, знали, что он либо из рокфеллеровской клики, либо из самой Standard Oil.

Вскоре после атаки на Перл-Харбор американское акционерное общество Farben решило с помощью Standard Oil закамуфлировать свое немецкое происхождение и симпатии к Германии. После покупки неизвестного числа акций крупных американских компаний, среди которых были Schering & Co., Monsanto Chemical, Dow Chemical, Standard Oil New Jersey, Standard Oil Indiana, Standard Oil California и duPont, оно стало называться General Aniline & Film Corporation. Эта же компания взяла контроль и над находившейся в частной собственности Hoffman-La Roche.

Когда американские пехотинцы вошли в Германию и добрались до промышленного города Франкфурта, то были очень удивлены: почти все здания немецкого акционерного общества Farben остались целы. Вместе с тем, американские летчики производили точечную бомбардировку всех прочих промышленных объектов Франкфурта и разрушили их подчистую.

Американские бомбардировщики, которые сделали все возможное, чтобы их удары миновали крупнейший стратегический объект во Франкфурте, вряд ли приняли слабоватое оправдание штаб-квартиры: его надо сохранить, потому что американским разведывательным войскам по прибытии туда “потребуется офисное здание”.

Все это надо продать

И опять смотрим Морриса Билла:

«Предприятие, которое дает 6% инвестированного капитала, считается очень солидным и рентабельным.

Sterling Drug Inc., крупнейший холдинг среди 68 дочерних предприятий, входящих в фармацевтическую империю Рокфеллера, в 1961 году имел прибыль 23463719 долларов после вычета налогов, при этом его чистые активы составляли 43108106 долларов. То есть, доход составил 54%. А Squibb, которая также находилась под контролем Рокфеллера, в 1945 году достигла показателя не 6, а 576 процентов.

Это произошло в райское время войны, когда Главное управление военной хирургии (Army Surgeon General's Office) и Военно-морское бюро медицины и хирургии (Navy Bureau of Medicine and Surgery) не только увеличивали прибыль фармацевтической картели, но и непосредственно, с помощью 200 миллионов уколов, вводили свои яды в кровотоки нашим солдатам и морякам.

Так что неудивительно, что Рокфеллеры и их подставные лица оказались союзниками Администрации по пищевым продуктам и лекарственным препаратам (Food and Drug Administration), Службы здравоохранения (Public Health Service), Федеральной Комиссии по торговле (Federal Trade Commission), Бюро по улучшению деловой практики (Better Business Bureau), Медицинской пехотной службы армии США (Army Medical Corps), Медицинского бюро военно-морского флота (Navy Bureau of Medicine) и тысяч работников органов здравоохранения по всей стране и скрывают все методы лечения, которые могли бы снизить потребление лекарств.

В последнем годовом отчете Рокфеллеров приведены выплаты университетам и государственным учреждениям; их сумма за прошедшие 44 года составила полмиллиарда долларов. Разумеется, в этих учебных заведениях студентам рассказывают о фармакологии то, что хотят фармацевтические предприятия Рокфеллера. Иначе они не получают больше денег – как те 30 американских учебных заведений, которые не пропагандируют лекарства.

Верный традициям Гарвардский университет и его престижный медицинский факультет получили от той картели 8.764.433 доллара; Йельский университет получил 7.927.800 долларов, Стэнфорд – 947.505 долларов; Вашингтонский университет в Сент-Луисе – 2.842.132 долларов; Университет Колумбия в Нью-Йорке – 5424.371 долларов; Корнельский университет – 1.709.072 доллара и т.д.»

В то время как Рокфеллер «даровал» эти огромные суммы университетам, чтобы они рекламировали его лекарства, интересы его гигантского концерна разрастались и образовывали всемирную сеть, которую стало невозможно обозреть. Всего через 30 лет она достигла таких масштабов, что Билл писал про нее следующее:

«Интересы Рокфеллера уже давно образовали неведомую доселе по своему охвату промышленную империю. Конечно, ее фундаментом является Standard Oil, на которой стоят все другие предприятия. История промышленного грабителя старины Джона всем хорошо известна.

Основой этой гигантской империи служит Национальный банк Чейз (Chase National Bank), имеющий 27 отделений в Нью-Йорке и 21 за границей (сейчас его переименовали в Чейз Манхеттен – Chase Manhattan Bank, и он имеет более 200 отделений в Америке и за границей – Г.Р.). И не последняя часть ее капитала вложена в фармацевтическую отрасль.

Рокфеллеры владеют крупнейшим в мире производством фармацевтических препаратов и используют все свои другие капиталовложения, чтобы увеличить продажи лекарств. Следовательно, их совершенно не заботит вред для здоровья большинства имеющихся в обороте лекарств».

Поэтому вовсе не удивляет тот факт, что империя засылает своих «делегатов» во все государственные учреждения, так или иначе связанные со здравоохранением. По этой же причине во всех государственных учреждениях практикуется только медикаментозная терапия. Тот факт, что миллионы людей предпочли бы обратиться к натуропатам, мануальным терапевтам и остеопатам, не принимается во внимания – например, когда молодого человека призывают на военную службу. Еще бы – когда врачи не выписывают

лекарства, пациенты их не покупают. Но ведь есть тысячи химических препаратов, которые срочно надо продавать.

Билл пишет:

«Учитывая необходимость продавать так много товаров, вполне понятно – таковы человеческая натура и человеческая алчность – почему империя Рокфеллеров превратилась в инструмент фармакологического просвещения студентов – чтобы они способствовали избыточному потреблению лекарств.

Фонд Рокфеллера возник в 1904 году и получил название Фонд общего просвещения (General Education Fund). Организация под названием Rockefeller Foundation, которая якобы должна была дополнить фонд, появилась в 1910 году и разрешение на него пытались получить в конгрессе.

Вместе с тем, сенатор Нельсон (Nelson) из Колорадо понял, в чем дело, потому что у жителей Колорадо еще свежо было воспоминание о том, как Рокфеллер грабил шахты. Когда он сообщил, что планируемый фонд имеет более 100 миллионов долларов на пропаганду, президент Тафт (Tuft) не допустил выдачи конгрессом разрешения.

В течение трех лет лоббисты Рокфеллера осаждали наше законодательное собрание, чтобы добиться официального признания фонда, но конгресс вновь и вновь не соглашался.

Наконец, они утратили надежду и сделали первое, что им пришло в голову. 14 мая 1913 года они заставили законодательную власть Нью-Йорка признать этот фонд: тогда им добрую службу сослужил нью-йоркский сенатор Роберт Вагнер (Robert F. Wagner, в дальнейшем, благодаря деньгам и политическому влиянию Рокфеллера этот идеолог, родившийся в Германии, стал сенатором США)».

Так была подготовлена почва для «воспитания» американской общественности с перспективой превратить их в нацию зависимых от лекарств, работу планировалось проводить как в детской среде, с привлечением школы, так и среди взрослых через прямую рекламу и СМИ, которые, в свою очередь, зависели от доходов с рекламы.

Журнал “Advertising Age” показывает, что еще в 1948 году крупные предприятия потратили на рекламу в газетах и на радио 1.104.224.374 доллара (то были времена, когда доллар был гораздо большей суммой, чем в наши дни). 80% этой невероятной суммы контролировали тесно переплетенные интересы империи Рокфеллеров-Морганов (после смерти Моргана она полностью перешла к Рокфеллерам). Они использовали их для того, чтобы манипулировать информированием о здоровье и лекарствах.

Всякий, кто пытается опубликовать в СМИ новости, которые противоречат интересам фармацевтической картели, рано или поздно наткнется на глухую стену. Так происходило, например, с многочисленными историями об излечении рака, как уже упоминалось в предыдущей главе. Мы еще поговорим о других подобных случаях, которые имели место в разных частях мира. Сообщения Морисса Билла о том, как это происходит, могут служить примером подобного развертывания событий в других странах.

Крупным компаниям, имеющим большой рекламный оборот, не составляет труда пропускать в СМИ только те новости, которые им выгодно распространять, и отклонять нежелательные. Когда в 1978 году Columbia Journalism Review проводило обзор прессы, им не удалось обнаружить выпусках за последние 7 лет ни одну статью о вреде курения в газетах, где печаталась реклама сигарет. Вот вам ответ на вопрос, почему в авторитетных американских и европейских изданиях не появляются материалы о научной необоснованности вивисекции.

Цензура фармацевтических концернов

Даже самая независимая газета зависит от информационных агентств в том, что касается новостей страны, и у новостного редактора нет никаких оснований полагать, что в вопросах здоровья сообщения Associated Press, United Press и International News Service подвергаются цензуре.

Вместе с тем, это происходит постоянно. В конце 1940-х годов, когда книга Билла впервые увидела свет, в президиум Ассошиейтид Пресс входил один из руководителей фармацевтического концерна. Этот глава фонда Рокфеллера был в информагентстве не менее важной фигурой, чем Артур Гейс Зельцбергер (Arthur Hays Sulzberger), издатель New York Times, одно из самых влиятельных лиц.

В результате рокфеллеровской картели было совсем просто склонить редакцию к такой политике, при которой ни одна новость не пропусклась бы без ее, картели, одобрения, и, разумеется, цензура не пропускала ничего такого, что так или иначе могло бы ограничить продажу лекарств.

Еще 20 января 1940 года “Journal of the American Medical Association” (JAMA), орган медицинского синдиката США гордо объявил, что убедил United Press проверять все статьи о здоровье и методах лечения в нью-йоркской редакции JAMA. По иронии судьбы, эти так называемые научные редакторы считали специалистом по медицинским вопросам Морриса Фишбеина, диктатора из Американской медицинской ассоциации (American Medical Association) и издателя JAMA. Только вот наш «эксперт» ни дня в своей жизни не занимался практической медициной и завалил экзамен по анатомии.

А теперь давайте обратимся еще к одному слагаемому «большой тройки», выпускающей американские новости – International News Service, и ее бывшему хозяину, покойному Вильяму Рэндольфу Херсту (William Randolph Hearst).

Прежде Херст был непримиримо независимым издателем, и такое положение вещей сохранялось до 1932 года, когда грянула Великая Депрессия, и его газетная империя оказалась на грани банкротства. Рокфеллеровский Chase National Bank тогда взял на себя многие его долги, в том числе 25 миллионов долларов, которые Херст задолжал у International Power and Paper и не мог вернуть в срок.

Благодаря известности, Херста назначили главным издателем с годовой зарплатой 100 тыс. долларов (вместо прежних 5 миллионов) и предоставили ему свободу в определении политики газеты *до тех пор, пока это не вступало в противоречие с интересами Рокфеллера*.

Херсту сделали одну поблажку, чтобы потешить его самолюбие и его знаменитую подругу, кинозвезду Марион Дэвис (Marion Davis): раз в год ему позволялось вопить против вивисекции – но не против ее бессмысленности и тем более не против вреда вакцин, сывороток и других «официальных» методов.

Так все три главных информационных агентства Америки оказались под контролем рокфеллеровской фармацевтической картели, и этим фактом можно объяснить появление многочисленных лживых сообщений о сыворотках, методах лечения и о приближающемся прорыве в онкологических исследованиях – всего того, что беспрепятственно рассылается по американским и иностранным СМИ.

Доктор Эммануэль М. Джозефсон (Emanuel M. Josephson), которого фармацевтическая картель так и не смогла утихомирить, указывает, что редакторов Национальной ассоциации научных корреспондентов (National Association of Science Writers) «убедили» принять следующее положение в Кодекс этики:

«Научные редакторы неспособны судить о фактах, связанных с медицинскими явлениями и открытиями. Поэтому они могут сообщать только о тех явлениях и методах, которые были одобрены профессионалами в сфере медицины».

Это обязательство выглядит особенно смешным, если вспомнить политика от медицины Морриса Фишбеина (Morris Fishbein), который не знал местоположение большинства костей, органов, нервов и тканей в человеческом организме, и которого вместе с тем назначили главным экспертом.

Газеты продолжают воспевать оды медикаментам, невзирая на то, что мужественные врачи вновь и вновь указывают на неэффективность и/или вред большинства препаратов, и невзирая на то, только за 1978 год в США 1,5 миллионов человек попали в больницу из-за побочных эффектов лекарств.

Цензура заворачивает всю правду о безмедикаментозном лечении или искажает ее так, чтобы это было выгодно картели. Если речь идет о методах, которыми пользуются хиропрактики, натуропаты, остеопаты, знахари или просто думающие врачи, то крупные и влиятельные газеты никогда не пишут о них ничего хорошего.

Для успешного проповедования идеологии фармацевтической картели надо внушить людям, что, создавая человеческий организм, природа не ведала, что творит. Вместе с тем, статистика Детского бюро Федеральной службы безопасности (Children's Bureau of the Federal Security Agency) указывает, что с тех пор, как фармацевтическая картель начала атаковать человеческий организм медикаментами, вакцинами и сыворотками, здоровье американцев, особенно детей, серьезно ухудшилось. Сегодня им делают прививку от того и сего, хотя единственная известная науке защита заключается в здоровом кровотоке, а его может дать только чистый воздух и правильное питание. То есть, простые средства, *которые не стоят больших денег*. А против последнего обстоятельства фармацевтическая картель возражает больше всего.

Синдикат наш не забывает и о вузах и всячески старается производить роботов, которые, чтобы к моменту запуска они уже прошли промывание мозгов в школе батюшки Рокфеллера. В 1959 году, когда Билл выпустил очередной доклад, Генри М. Ристон (Henry M. Wriston) был подставным президентом Совета по международным отношениям (Council of Foreign Relations) и настоящим ректором Университета Браун (Brown University); Роберт Спраул (Robert G. Sproul) был ректором Университета Калифорнии (University of California); Томас Паркинсон (Thomas I. Parkinson) возглавлял сразу два вуза – Университет Колумбии (Columbia University) и Пенсильвании (University of Pennsylvania); Хэрولد Стассен (Harold Stassen) в прошлом находился во главе Университета Пенсильвании; Фредерик В. Экер (Frederick W. Ecker) был попечителем Корнельского Университета (Cornell University); Артур Зельцбергер (Arthur Sulzberger, издатель рокфеллеровской “Times”) – попечителем Университета Колумбии, Перси Эбботт (Percy J. Ebbott) – Колледжа Оберлина (Oberlin College), Джордж Берпи (George W. Burpee) – Колледжа Боудена (Bowdoin College). Джон Д. Рокфеллер третий был руководителем Университета Принстон (Princeton University), а его брат Дэвид Рокфеллер (до 1981 года директор банка «Чейз Манхеттен») – управляющим Гарварда и Университета Чикаго. Среди других членов совета наблюдателей в Гарварде были такие друзья Рокфеллера как Артур А. Хоутон (Arthur A. Houghton), Кларенс Диллон (Clarence Dillon), Артур В. Пейдж (Arthur W. Page) и Томас С. Ламонт (Thomas S. Lamont). Это лишь несколько примеров. Все они, а также их современные преемники, взяли на себя обязательство поддерживать нелепую доктрину Клода Бернара об опытах на животных, доктрину, которая в XIX веке преподносилась как путь к единственно возможному и окончательному решению всех медицинских «проблем». Но вследствие подобных псевдоисследований проблемы только разрастались и усугублялись, что обеспечивает фармацевтической картели надежный рост прибыли.

Кто-то, может быть, скажет: нельзя осуждать ректора вуза за то, что он принимает деньги на образовательные цели. Но, с другой стороны, умные или честные ректоры были бы в состоянии увидеть изнанку даров какого-нибудь Джона Рокфеллера, ведь он известен тем, что не даст и цента, если потом из этого вложения нельзя будет извлечь прибыль. Они выяснили бы, что фонд Рокфеллера не дает ни цента вузам, где нет фармацевтического факультета, хотя их выпускники каждый день действительно излечивают пациентов – среднестатистическая медицина считает такое невозможным...

Если бы ректоры университетов видели истоки явлений, они бы поняли, что фонд Рокфеллера, прикрываясь филантропией, продвигает неумеренное использование медикаментов, и что Институт Рокфеллера в Нью-Йорке, который еще в 1948 году обладал капиталом, превышающим 50 миллионов долларов – а сейчас, разумеется, гораздо большим – принадлежит фармацевтической картели, и его фантастическая прибыль растет

параллельно со стоимостью активно продвигаемых «товаров для здоровья». Точно так же раздувается и экономический дефицит страны.

Но даже если бы ректоры поняли это, они бы назвали виноватых не более четко, чем Папа Римский – только так они бы смогли удержаться на работе и остаться в живых...

Американская медицинская ассоциация и Администрация по пищевым продуктам и лекарственным препаратам

Когда много лет назад вступил в силу полезный закон для защиты американских потребителей от испорченных продуктов питания и вредных медикаментов, фармацевтическая картель, не теряя ни секунды, закинула удочку в правительственное учреждение, которое провело этот закон.

Это учреждение, сегодня называемое Администрация по пищевым продуктам и лекарственным препаратам, иногда добивается суда над несерьезными преступниками, заслуживающими наказания, но главным образом, согласно Моррису Биллу, занимается «фальсификацией права, свержая все то, что ставит под угрозу процветание фармацевтической картели».

Очевидно, Администрация по пищевым продуктам и лекарственным препаратам, с одной стороны, закрывает глаза на нарушения закона со стороны фармацевтической картели (например, когда речь шла о смерти множества людей из-за приема экстракта имбиря и в случае с сульфатазолом), с другой – всячески старается вытеснить всех конкурентов фармацевтической картели, например, тех, кто продает товары для естественного лечения. Еще бы, ведь они улучшают здоровье населения и тем самым уменьшают прибыль синдиката.

Очень сходным образом обстоят дела в моей Швейцарии, где крупным производителям лекарств гораздо легче пустить в продажу новый химический яд, чем производителям безопасных и недорогих натуральных продуктов получить разрешение на новый бренд. И ситуация идентична во всех других странах, ориентированных на прибыль, особенно в Британии, Франции и Германии.

А когда Администрация по пищевым продуктам и лекарственным препаратам (чьи работники, разумеется, должны быть угодны рокфеллеровской империи, иначе их не примут на столь ответственную работу) нужно убрать независимого предпринимателя, она решительно следует инструкциям. Разумеется, это идет не напрямую от “Standard Oil” или фармацевтического концерна. Как указывает Моррис Билл, Американская медицинская ассоциация, стоящая во главе фармацевтического концерна, находит врачей-шарлатанов, и те утверждают, что продукт, о котором чаще всего им ничего неизвестно, по их мнению, не имеет фармацевтической ценности.

Билл пишет:

«Фармацевтический траст при поддержке налогоплательщиков делает все возможное для уничтожения своих жертв. А если речь идет о мелком предпринимателе, он разоряется на одних только судебных тратах».

Билл приводит целый ряд примеров. В одном случае пред судом предстал доктор Адольф Хоэнси (Adolphus Hohensee) из Скрантона (штат Пенсильвания) за свои продукты. Он утверждал, что витамины (а он предлагал только природные витамины) абсолютно необходимы для хорошего здоровья. Американская медицинская ассоциация тут же обеспечила десять медиков, все они изложили выдуманные теории и заявили, что «человеческому организму витамины не требуются». А когда им указали на правительственные бюллетени, свидетельствующие о противоположном, они выкрутились, заявив, что те стандартные публикации устарели!

Политика

Как же могло так все сложиться?

Рокфеллеровская империя профинансировала первое вхождение в политику Франклина Делано Рузвельта, вот почему ее влияние на его политический курс по самым важным позициям стало неизбежным и после того, как он стал хозяином Белого дома. Следовательно, не удивляет тот факт, что первое профилактическое мероприятие рузвельтовской администрации было связано с американским и немецким производством краски (Rockefeller-I.G. Farben).

Слово Биллу:

«Точности ради нам следует добавить, что незадолго до того, как Великая депрессия помогла Рузвельту стать президентом, администрация республиканцев защищала фармацевтический концерн, виновный в смерти более 5000 человек, которые принимали неправильно маркированный экстракт ямайского имбиря. То есть, рокфеллеровская (рузвельтовская) администрация всего лишь продолжила практику меллоновской (гуверовской) администрации. Тем не менее, в эпоху Рузвельта с полдюжины служб отошло под контроль Рокфеллера, теперь он мог распоряжаться ими по своему усмотрению. Среди них оказалась Администрация по пищевым продуктам и лекарственным препаратам».

Далее Билл приводит другие правительственные службы, которые имели отношение к «здоровью» в том смысле, в каком его понимают фармацевтические предприятия: Министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения (U.S. Public Health Service), Ведомство по делам ветеранов (U.S. Veterans Administration), Федеральная Комиссия по торговле (Federal Trade Commission), Медицинская служба военно-воздушных сил (Surgeon General of the Air Force), Военно-морская служба медицины и хирургии (Army Surgeon General's Office), Национальный институт исследования здоровья (National Health Research Institute), Национальный научно-исследовательский совет (National Research Council), Национальная академия наук (National Academy of Sciences).

Национальная Академия наук в Вашингтоне считается всезнающей, особенно когда речь идет о вопросах здоровья, и последнее слово всегда за ней; загипнотизированная общественность же покорно ей внимает. На ответственную должность руководителя этой правительственной службы фармацевтическая картель назначает своих людей. Например, Альфреда Н. Ричардса (Alfred N. Richards), директора и одного из главных акционеров фармацевтической фирмы Merck & Co. – очень прибыльной компании.

Когда книга Билла показала эту зависимость, мистер Ричардс ушел в отставку, а Рокфеллеры назначили на его должность Детлева В. Бронка (Detlev W. Bronk), президента их собственной организации.

*

Билл писал об этом много лет назад. А как сегодня обстоят дела с Американской медицинской ассоциацией и Администрацией по пищевым продуктам и лекарственным препаратам? Послушаем, что говорит по этому поводу смелый практикующий врач, доктор Кит Алан Ласко (Keith Alan Lasko), в своей книге «Многомиллиардный медицинский обман» (The Great Billion Dollar Medical Swindle, Bobbs-Merrill Co., Индианаполис, Нью-Йорк).

Про Американскую медицинскую ассоциацию:

«Кажется, что Американская медицинская ассоциация представляет медицинскую профессию очень поверхностно. По сути дела, представления пациентов о ней соответствуют реальности: в прошлом она была не более чем профсоюзом, ныне же она стала лоббистской организацией и выполняет роль оплота против социализации медицины. ВАСПы (White, Anglosaxon, Protestant = белые, англосаксы, протестанты – обозначение коренных ультраконсервативных американцев. Г.Р.), которые возглавляют

это общество медиков, нанесли большой вред имиджу врачей. Их борьба против страхования здоровья престарелых в 1950-е-1960-е годы сорвала с них маски и показала, что (1) они безразличны к благополучию людей; (2) они делают все возможное для сохранения завышенной зарплаты врачей».

Про Администрацию по пищевым продуктам и лекарственным препаратам:

«Почему FDA столь активно и немедленно начала бороться с цикламентом и сахарином – веществами, никоим образом не ведущими к онкологии у людей? Почему FDA ничего не предпринимает против курения, которое ежегодно убивает 100 тыс. американцев? Причина лежит на поверхности. Табачная индустрия – это гигант с многомиллиардным бюджетом. А сахарин и цикламент производили маленькие компании.

До чего же легко правительству растоптать кого-то небольшого, и как трудно защитить людей, если в игре участвуют крупные финансовые интересы – например, лобби производителей сахара или табачная промышленность. Вопрос: почему в большинстве аптек, во всех крупных медицинских центрах, во многих больницах и клиниках стоят автоматы, продающие сигареты пациентам?»

Американская медико-фармацевтическая картель

Доктор Ходж (J.W. Hodge), врач из “Niagara Falls” в Нью-Йорке, охарактеризовал американскую медико-фармацевтическую картель следующими словами:

«Медицинская картель, носящая эвфемистическое название Американская медицинская ассоциация, это не только подлейшая монополия в истории, но и самая дерзкая, опасная и деспотичная организация, которая мелочно опекает людей. Ее надменные работники умаляют и выдают за «мошенничество и обман» все способы лечения, предусматривающие невредные, простые и естественные средства. А если какой-то врач не заявляет о своей солидарности с медицинской костью, ее корыстолюбивые участники тут же ставят на нем клеймо «опасного шарлатана» или мошенника. Эти медицинские тираны и фанатики тотчас же растаптывают, дискредитируют и подвергают гонениям любого медика, который пробует лечить больных природными средствами, без скальпеля, токсичных, порой смертельных субстанций, опасных сывороток и т.д.»

Билл и доктор Ходж – не единственные, кто отзывался об АМА и фармацевтическом синдикате подобным образом. В «Убийстве невинных» мы приводили слова доктора Ричарда Куннеса (Richard Kunnnes), который заявил, что аббревиатура АМА означает Американская ассоциация убийц (American Murder Association), сжег свой членский билет на общем собрании Ассоциации и выпустил о ней проспект под названием «Твои деньги или твоя жизнь» (Your Money or Your Life, издательство Dodd Mead, Нью-Йорк, 1974). Но сколько врачей согласны во имя истины ставить под угрозу свою хорошо оплачиваемую работу?

Минимальный курс обучения в Колледже хиропрактики им. Линкольна (Lincoln Chiropractic College) в Индианаполисе требует как минимум 4496 часов, Институт хиропрактики им. Палмера (Palmer Institute of Chiropractic) в Давенпорте – не менее 4000 60-минутных аудиторных занятий, Университет искусства природного лучения (University of Natural Healing Arts) в Денвере – 5 лет учебы по 1000 часов в год, лишь после этого можно получить степень, Национальный колледж напратии (National College of Naprapathy), то есть, массажной терапии в Чикаго – 4326 занятий. Но медико-фармацевтическая картель продолжает распространять ложь, что люди, занимающиеся этими тремя еретическими науками, не имеют образования либо же оно очень некачественное. Истинная причина их враждебности, естественно, заключается в том, что они излечивают пациентов без химии. В 1958 году один из таких «плохо образованных» врачей, Николас П. Гримальди (Nicholas P. Grimaldi), сразу после окончания Колледжа хиропрактики им. Линкольна сдал экзамен Государственной комиссии Коннектикута (Connecticut State Board) по основам теории, и его результат (91,6 баллов) оказался наилучшим за всю историю этого экзамена.

В связи со сказанным Билл дает следующую информацию
«Когда АМА одобряет какой-то продукт, а затем, в случае, если дистрибьютор этого продукта отказывается рекламировать его должным образом в JAMA, журнале Американской медицинской ассоциации, гриф “одобрено” отклоняется, а продукт начинают ругать. Это можно назвать только вымогательством, а лица, совершающие подобные действия, попали бы в тюрьму, если бы работали не в сфере официальной медицины, а где угодно еще».

Если принять во внимание те факты, что диктатор под названием АМА дает гриф «одобрено» крупной фабрике по производству масла, которую, однако, федеральное правительство и штат Пенсильвания неоднократно обвиняли в продаже испорченной продукции; что этот гриф изобретен был лишь для усыпления людской бдительности по поводу безопасности товара, что, невзирая на обвинения, компании-производителю масла, ценному рекламодателю, по-прежнему разрушают использовать обманный гриф, то шантаж со стороны работников Американской медицинской ассоциации становится слишком очевидным, и отрицать его не представляется более возможным.

После того, как Моррис Фишбейн (Morris Fishbein) в качестве главного редактора всемирно известного журнала JAMA фактически стал диктатором АМА, подобные случаи происходили неоднократно, и Моррис Билл приводит пример за примером, указывая имена, даты, письма и статьи.

Он также цитирует доктора Чарльза Лимана Лоффлера (Charles Lyman Loffler), выдающегося врача. Медицинская империя преследовала Чарльза, как и многих других медиков, за то, что он раскрывал мошенничество, связанное с традиционным лечением рака. Лоффлер пишет:

«С тех пор, как регламентацией медицины занялись шарлатаны и бандиты, контролирующая Американскую медицинскую ассоциацию, она стала одним из самых отвратительных мошенников в мире».

К сожалению, сейчас нет ни малейших признаков улучшения ситуации, описанной Биллом, Лоффлером и некоторыми другими специалистами – напротив. У наших жуликов появились ученики в других странах.

Правоверие завтрашнего дня

Несколько десятилетий назад медицинский истеблишмент осудил вышеупомянутого доктора Чарльза Лимана Лоффлера как еретика. Но сегодня число подобных отщепенцев возросло настолько, что перерастание их из меньшинства в большинство кажется лишь вопросом времени, притом весьма близкого. И сегодняшняя ересь завтра станет истинной наукой.

Одним из изменников стал доктор Роберт Мендельсон (Robert Mendelsohn), чикагский педиатр. Медицинский истеблишмент окрестил его мошенником, идиотом, фанатиком и чудиком, невзирая на его заслуги: более 25 лет Мендельсон практиковал как врач и преподавал медицину, был национальным директором Медицинской Консультационной Службы Project Head Start's, возглавлял Медицинский отдел лицензий штата Иллинойс (Medical Licensing Board for the State of Illinois), стал лауреатом многочисленных премий за достижения в медицине и в преподавании медицины.

Гнев вышестоящих лиц был вызван выходом его книги «Исповедь еретика от медицины» (Confessions of a Medical Heretic), опубликованной в 1978 году (Cosmopolitan Books, Чикаго). Затем ее напечатало издательство Warner в мягкой обложке. Эта книга разоблачает все, что медико-фармацевтический синдикат предпочел бы удержать в тайне. Например, наряду со многим другим, нижеследующие факты:

В целом врачам можно верить не больше, чем продавцам подержанных автомобилей.

В золотых россыпях под названием медосмотры нет никакой необходимости. Они приводят лишь к тому, что человек вследствие диагнозов, поставленных на основе очень

неточных анализов, начинает чувствовать себя ужасно и накачивает себя лекарствами, которые скорее навредят ему, чем помогут.

Мендельсон предупреждает и о ежегодных плановых рентгенографиях, которые опасны и неточны. При интерпретации одного и того же снимка считывания рентгенологов расходятся кардинальным образом, и 31% из них противоречат сами себе, когда видят во второй раз один и тот же снимок, но не знают об этом.

Доктор утверждает, что если Вы не проститутка и не меняете партнеров, как перчатки, то нет нужды делать и ежегодные мазки ПАП.

Он подтверждает мысль, что неоднократно высказывалась нами в «Убийстве невинных»: современная медицина – это не искусство, не наука, а «идолопоклонническая религия, которая убивает больше, чем спасает».

По мнению Мендельсона, простые исследования, вроде анализа крови и мочи, реакции Манту и просвечивания грудной клетки, настолько противоречивы и сложны для интерпретации, что польза их вызывает большие сомнения. И, что еще хуже, из-за них приходится лишний раз соприкоснуться с больницами и врачами, то есть, самыми надежными источниками опасных болезней.

«В больницах есть бактерии, которые где-либо в городе подцепить невозможно», – говорит доктор Мендельсон. – «А самые худшие переносчики болезней – врачи». Он продолжает:

«Должен признаться, что прежде я верил в облучение миндалин, лимфатических узлов и вилочковой железы. Я верил своим профессорам, когда они говорили, мол, наши дозы абсолютно безопасны. Тем не менее, спустя 10-20 лет “абсолютно безопасное облучение” привело к “урожаю” опухолей вилочковой железы.

Больше я не верю в современную медицину. Я считаю, что наибольшая опасность для нашего здоровья исходит от врача, практикующего современную медицину...

Не верьте своему врачу. Когда он выписывает Вам лекарства, исходите из предпосылки, что оно опасно. Безопасных лекарств не существует...

Современная медицина заставила нас поверить, что медицинское обслуживание равнозначно здоровью. Это уравнивание способно разрушить наш организм, наши семьи, наше общество и наш мир.

Если вы беременны, врач обращается с Вами, как с немощной. Вынашивание ребенка – это болезнь длиной в девять месяцев, и ее следует лечить. Вам будут ставить капельницы, наблюдать за плодом через видеоконтрольное устройство, давать тонны лекарств. Сюда же относится совершенно ненужное хирургическое расширение влагалища либо – как венец этого конвейера – кесарево сечение.

Остерегайтесь акушеров, которые при малейших проблемах делают кесарево сечение. В некоторых больницах так рождается более 50% детей, хотя статистика материнской смертности свидетельствует о том, что при кесаревом сечении у женщины риск умереть повышен в 26 раз, по сравнению с естественными родами.

Если у Вас хватит глупости обращаться к врачу по поводу насморка или гриппа, то он наверняка выпишет Вам антибиотики, которые не только совершенно неэффективны в Вашем случае, но и повышают опасность слечь с гораздо более серьезным заболеванием.

Если Ваш ребенок настолько активный, что учитель не может с ним справиться, не забудьте отвести его к врачу, и тот сделает его зависимым от лекарств.

До сих пор гинекологи нередко настаивают на рентгене, невзирая на точно установленную связь между облучением во время беременности и лейкемией у детей.

Ежегодно сотни тысяч женщин отстаивают очереди на маммографию, хотя статистика свидетельствует, что сама по себе маммография вызывает больше случаев рака, чем помогает предотвратить.

Если Вы заболели, то разузнайте побольше о своей болезни – сделать это нетрудно. Вы можете найти те же книги, что и Ваш врач – только вот он, может быть, уже забыл, о чем они... Вполне вероятно, Вы поймете, что можете обойтись без врача.

Я убежден, что 90% современной медицины – врачей, больниц, медикаментов, аппаратуры – могло бы исчезнуть с лица Земли, и на здоровье наше это повлияло бы самым положительным образом».

Самое невероятное заключается в том, что последнее заявление доктора Мендельсона отнюдь не ново! Более ста лет назад доктор Оливер Уэнделл Холмс (Oliver Wendell Holmes), известный профессор медицины в Гарварде и отец не менее известного судьи Верховного суда сказал совершенно то же самое:

«Я убежден, что вся фармакология могла бы уйти ко дну моря. Это было бы гораздо лучше для человека, только вот для рыб хуже».

Возникает вопрос: почему же большинство людей не слышало и не слышит голоса Холмса и других честных врачей? Потому что их заглушают коллективные вопли медицинской картели. В наши дни их тиранию укрепляет еще и химический синдикат, единственная цель которого состоит в том, чтобы склонить послушных людей к дорогому лечению и опасным лекарствам – ведь все это дает возможность комбинату сколотить состояние.

В пятой главе книги мы рассмотрим более подробно некоторые методы и средства, с помощью которых достигается эта цель.

Благотворительность во имя самой себя

Основу невидимого правительства Америки составляет сеть так называемых благотворительных организаций, которые не только влияют на общественное мнение и определяют курс «образовательной» политики, но также фактически правят страной.

Как пишет профессор Фердинанд Ландберг в книге «60 семейств Америки» (America's Sixty Families), многие из этих якобы «друзей человечества» – которые снискали такую славу за финансирование фондов – на самом деле никогда не проявляли любви к конкретным людям. Например, даже если покойный Генри Форд I (Henry Ford I) и проявлял когда-то склонность к благотворительности, никто из его биографов не обратил на это внимания – они предпочитали рассказывать о диаметрально противоположных устремлениях могущественного финансиста.

По словам Ландберга, у Форда альтруизма было не больше, чем у любого среднестатистического человека, но он создал крупнейший фонд из когда-либо существовавших. Позднее его затмили деловые партнеры по имени Рокфеллеры, которые создали настолько разветвленную сеть фондов, что их количество не удается установить даже при самом тщательном подсчете.

В начале XX века и Форд, и Рокфеллер для подавления восстаний на своих заводах прибегали к помощи «профессиональных бандитов» (определение Ландберга), которые расстреливали бунтарей из пулеметов. Но больше в этом нет необходимости. Почему? Они крепко держат власть в руках.

10 апреля 1938 года Альберт Эйнштейн писал из Принстона своему румынскому другу: «Каждой эпохой правит мода, но большинство людей не видят тиранов, которые заправляют ею».

Прежде чем ближе знакомиться с методами, при помощи которых эти диктаторы властвуют над народом, давайте попробуем объяснить принцип работы некоторых из этих фондов. Благодаря ему, лицам или группам лиц с очень высокими доходами оказывается гораздо выгоднее «давать», чем «получать».

В соответствии с законодательством 1965 года, американец, который имеет налогооблагаемый доход 1 миллион долларов, то он должен был уплачивать 660980 долларов налога, или почти 70%. Но он может сделать благотворительный взнос объемом до 300 тыс. долларов, и сумма эта не подлежит налогообложению. В этом случае он должен уплатить 459980 долларов налога, что означает экономию в размере 210 тыс. долларов. При «пожертвовании» 300 тыс. долларов «на благотворительные цели» создается видимость того, что он потратил на 90 тыс. больше, чем если бы выплачивал налог в полном объеме.

Но Рокфеллеры дарят такие суммы отнюдь не иждивенцам, которые могут с ними делать, что угодно. В таком случае речь шла бы об *истинной* благотворительности, и она ничего не дает. Рокфеллеры «дарят» деньги только своим собственным организациям, которые находятся под их постоянным контролем, либо напрямую, либо через подставных лиц. А потом инвестируют «подаренный» капитал в акции своего собственного предприятия, и, таким образом, получают прибыль. Доход от тех 300 тыс. (примерно 15 тыс. в год) теперь не облагается налогом, что заметно увеличивает их прибыльность. Таким образом, 90 тыс. окупаются максимум за 6 лет, а потом обеспечивают доход, не облагаемый налогом. В результате, у них в распоряжении оказывается еще больше денег на «благотворительные» цели.

А кому же этот фонд покровительствует? Крупнейшей их организацией всегда было Министерство общего образования, приучающее американцев к неумемному потреблению лекарственных средств, которые преподносятся как надежные и безопасные после опытов на животных. В результате, ежегодно в больницы попадают 1,5 миллиона человек, и там им дают дополнительные лекарства, причиняющие еще больше вреда.

В 1901 году Рокфеллер основал Рокфеллеровский институт медицинских исследований (Rockefeller Institute of Medical Research) в Нью-Йорке, и когда штат Нью-Йорк, наконец, признал его благотворительной организацией, то он получил широкие привилегии, и среди них – «поддерживать такие образовательные проекты в рамках корпоративных задач, которые будут сочтены целесообразными».

Таким образом, законодательство оказалось полностью подвластно капризам нескольких человек. Рокфеллеры всегда блюли диктатуру на всех своих предприятиях, а особенно это касалось так называемых «благотворительных» организаций.

Так, после того, как Джон Д. Рокфеллер одновременно выплатил субсидию Университету Чикаго (University of Chicago) в размере 35 миллионов долларов, нью-йоркскому Институту медицинских исследований и Совету общего образования (General Education Board) в размере 300 миллионов долларов (и это во времена, когда доллар стоил в 6 раз больше, чем сейчас!), он, не имея никакого образования, кроме курсов бухгалтерии, взялся за выполнение многотрудной задачи по просвещению американского народа. Это все равно как если бы Казанове позволили купить школу благородных девиц и установить там абсолютную власть. На самом деле, наш герой уже неоднократно предстал перед судом за установление цен и другие нарушения закона.

Профессор Ландберг пишет: «Непонятно, было ли это сделано специально или случайно, но Фонд Рокфеллера способствовал тому, чтобы империя Standard Oil, которая в 1911 году должна была быть распущена по решению Верховного Суда, удержалась наплаву и попала под контроль семейства».

Вот пример того, до чего искусно рокфеллеровская система умудряется переплести благотворительность с бизнесом: в 1947 году в рамках «эксперимента по международному сотрудничеству» возникли две организации. Одной из них стал Международная корпорация базовой экономики (International Basic Economy Corporation – IBEC) со стартовым капиталом 2 миллиона долларов, вскоре возросшим до 10824000 миллионов. Он преследовал цель «поднять уровень жизни в странах участницах – главным образом в Латинской Америке – и, по возможности, отдавать прибыль инвесторам».

Одновременно возникла Американская Интернациональная Ассоциация экономического и социального развития (American International Association for Economic and Social Development, AIA).

Президентом обоих институтов был Нельсон Рокфеллер (Nelson Rockefeller).

А теперь взглянем на поистине макиавеллевскую изощренность, с которой, согласно профессору Ландбергу, была объявлена цель работы этих заведений:

«Поскольку IBEC начнет работу в бедных и примитивных регионах, AIA позаботится об обеспечении охраны здоровья (при помощи рокфеллеровских лекарств – Г.Р.), просвещении (просвещении о необходимости принимать большие количества лекарств – Г.Р.), исследованиях (вивисекции – Г.Р.) и смягчении условий кредитования (процентах –

Г.Р.). АИА является некоммерческой организацией. Она начала свою работу в Бразилии и Венесуэле и распространила ее на другие страны».

АИА использовала капиталы Рокфеллера, но, в соответствии с рокфеллеровской политикой применительно ко всем «благотворительным» организациям, она объявила, что убедила других присоединиться к этой добровольческой миссии и тоже делать взносы. Сначала «добровольцами» стали разные венесуэльские нефтяные компании (находящиеся под контролем Рокфеллера), а потом, среди прочих – корпорация «Пфайзер» (рокфеллеровская фармацевтическая компания).

После возникновения медицинских вузов и Министерства общего образования в Америке начался быстрый рост вивисекции, а параллельно с ним – рост потребления лекарств. Произошло замыкание круга: опыты на животных ведут к опытам на людях, те, в свою очередь – к производству новых лекарств, вызывающих уже новые болезни, в результате, создается повод для новых опытов на животных, а из них опять вытекают опыты на человеке, снова открывается дорога для использования новых лекарств, призванных ликвидировать вред от прежних медикаментов. Причем все эти «методы лечения» не являются таковыми: они всего лишь подавляют симптомы, что ведет к дальнейшим новым заболеваниям.

А тот факт, что все почтенное семейство Рокфеллеров, от мала до велика лечилось только у гомеопатов и до глубокой старости сохраняло здоровье благодаря избеганию синтетических препаратов, которые они навязывали ничего не подозревающим людям, используя всю мыслимую и немыслимую рекламу, разбивает в пух и прах предположение об их благих намерениях при проталкивании неправомерного метода исследования, то есть, идею о честном заблуждении относительно добра во имя человечества.

В книге «Рокфеллеры – американская династия» (The Rockefellers – an American Dynasty) Петера Кольера (Peter Collier) и Дэвида Хоровица (David Horowitz) мы находим лишь намеки на такое положение дел. После того, как авторы преподнесли в виде доказанных фактов мифы о рокфеллеровских медицинских благодеяниях, рассказали об их «работе по борьбе с детским параличом и воспалением легких» и упомянули даже несуществующую вакцину от желтой лихорадки, они добавляют следующее: Дж. Д. Р. «продолжает удивлять людей тем, что его врачом является доктор Х.Ф. Биггар (H.F. Biggar), гомеопат. Тем самым Рокфеллер высказывает недоверие к современной медицине, на продвижение которой тратит миллионы».

Сначала «благотворительность» обходилась Рокфеллерам в немалые суммы денег, но в конце концов все это возвращалось к ним в кассу с большими процентами.

Общие расходы Совета общего образования за период с 1902 года (год основания) по 1964 год (год прекращения деятельности), составили, согласно его же собственному отчету (Review and Final Report), опубликованному после прекращения деятельности, 324.632.958 долларов. Из них 129.209.167 долларов были изначально «даром» Дж.Д.Р., почти столько же, 128.848.570 долларов составил доход от инвестиций, 50.703.024 пришлось на прибыль с вложенного капитала, а еще 15.872.197 долларов – доход от основного капитала и поступлений. И все это не облагалось налогом.

Колонизация

Многочисленные рокфеллеровские «просветительские» программы с самого начала оказались такими прибыльными, что сын главы семьи, Дж. Д. Рокфеллер младший, в 1927 году создал свою благотворительную организацию – Международный просветительский совет (International Educational Board). Стартовый капитал составил 21 млн. долларов, и его поделили между зарубежными университетами и политиками, на обычных условиях. Совет принялся насаждать за границей образ Рокфеллера-благодетеля человечества и, соответственно, его принципы ведения дел. Разумеется, никто не объяснял благодетельствованным счастливицам, что те деньги, которые, Рокфеллер, как казалось,

разбрасывал из окна, возвращались к нему в открытую дверь, притом с большими процентами.

Рокфеллер всегда интересовался востоком, от Японии до Индии, но особенно – Китаем, где Standard Oil была единственным поставщиком керосина. Туда он охотно выделял деньги на учреждение Китайского медицинского совета (China Medical Board) и основание Пекинского Союзного медицинского университета (Peking Union Medical College). Так наш герой играл роль доброго дяди, который пришел для того, чтобы поделиться своими знаниями с темными подопечными. До 1952 года фонд потратил 45 миллиона долларов на «вестернизацию» китайской медицины, науки и образования.

Но перед китайскими медицинскими университетами поставили условие: если они желают получить для себя какие-то блага от щедрого дядюшки Рокфеллера, то они должны убедить 500 миллионов китайцев, чтобы те отказались от испытанных, но дешевых трав, предлагаемых босоногими врачами, и стали покупать вместо них дорогие, канцерогенные и тератогенные «чудо-средства», сделанные в США и постоянно заменяемые на новые (когда скрывать их отрицательные побочные эффекты оказывается уже невозможно). А если с помощью опытов на животных не удастся доказать эффективность традиционных лечебных практик, вроде акупунктуры, то их «научная ценность», разумеется, не будет признана. А на многовековой опыт восточной медицины западные кудесники не обращали внимания, ведь он не обоснован обширными исследованиями на животных.

Но когда в Китае к власти пришли коммунисты, и продавать товары там стало невозможно, Рокфеллеры внезапно потеряли интерес к здоровью китайцев и устремили взоры на Японию, Индию и Латинскую Америку.

Невидимое правительство

«Властелинами (именно так – Г.Р.) правительства США являются американские капиталисты и производители. Из всех протоколов заседаний Конгресса и из всей истории конференций в Белом доме следует, что в США инициативы относительно экономической политики исходят лишь из нескольких источников, а не из многих. Великодушные стражи и добросердечные поверенные, которые сняли с нас ношу правления, теперь настолько хорошо известны всем, что почти каждый человек может написать список их имен.... Крупные банкиры, промышленники, коммерсанты, руководители железнодорожных корпораций... В настоящее время американское правительство – это приемный ребенок промышленных интересов».

Кто мог написать такие слова? Анархист со взрывчаткой в руках? Или хотя бы коммунист с партийным билетом? Вовсе нет. Они принадлежат расчетливому участнику истеблишмента, а именно, Вудро Вильсону (Woodrow Wilson, 28-й президент США – прим. переводчика), и изрек он их во время своей первой президентской избирательной кампании в 1912 году (The New Freedom, 1913, Doubleday & Co., Нью-Йорк, с. 57-58). Он тогда обещал, что в случае избрания ликвидирует эти нарушения.

Но спустя всего лишь несколько лет именно те «властелины правительства», о которых говорил Вильсон, приказали ему ввязаться в Первую мировую войну.

В этой связи историк Фердинанд Ландберг пишет в книге «Богатые и сверхбогатые» (The Rich and the Super-Rich, Lyle Stuart Inc. 1968) следующее:

«Что касается роли американских и зарубежных промышленных магнатов в 1914-1918 гг., они не только были далеки от желания спасти мир, но и представляли собой движущую силу, которая, согласно многочисленным исследованиям, вызвала войну. Опять же, именно крупные американские предприниматели втянули США в войну под невероятным предлогом того, что она принесет свободу морей, покончит с милитаризмом и подарит миру демократию. Почти каждая крупная проблема, с которой людям приходится бороться в наши дни, идет корнями к руководству крупных держав в 1914-1918 гг., в том числе к правителям США, и к ведущим собственникам, стоявшим за

ними. Естественным результатом этой ситуации стал, среди прочего, тоталитарный коммунистический режим».

В 1930 году Джеймс В. Джерард (James W. Gerard), бывший посол Америки в Германии, составил список из 64 правителей, которые «верховодили» Соединенными Штатами. Возглавляет его Джон Д. Рокфеллер первый, за ним следуют банкиры Эндрю Меллон (Andrew W. Mellon) из Питтсбурга и Дж. П. Морган (J.P. Morgan) из Нью-Йорка – эти три имени всплывают всегда, когда речь идет о людях, втянувших президента Вильсона в Первую мировую войну. Примечательно, что Герберт Гувер (Herbert C. Hoover), который был президентом США в то время, даже не фигурирует среди 64 правителей страны.

Профессор Ландберг в примечаниях к четвертой главе своей книги подтверждает доказательствами эту зависимость, которая, несомненно, невероятна для среднестатистического гражданина. Там он пишет, что администрация Вудро Вильсона была не более чем придатком Дж. П. Моргана и компании, чьи представители ввиду войны в Европе без труда заставили его отказаться от политики нейтралитета и взять курс на войну».

Слова Вудро Вильсона сегодня столь же правильны, как и во времена его избирательной компании, когда он и сделал это заявление. Президенты Америки, если они не хотят завершить свой земной путь так же, как Джон Ф. Кеннеди, правят своей страной не больше, чем официальные правительства других так называемых демократических стран, ведь эту тяжелую ношу уже давно взвалили на себя промышленники и финансисты.

*

«Господство крупных концернов стало доминирующей силой в нашем обществе... Все попытки обуздать растущую мощь корпораций потерпели поражение.

Давайте посмотрим на два важнейших инструмента, которые были придуманы прогрессивными силами страны, чтобы пресечь победное шествие монополий: это система регулирования и антимонопольная программа...

От системы надзора осталась куча обломков, и концерны, которые следует контролировать во благо общества, ныне доминируют над контролирующими органами. Злоупотребление доверием людей цветет пышным цветом. Антимонопольные законы представляют собой мертвый набор букв. Последние разоблачения показали, что антимонопольный отдел министерства юстиции совершенно имобилизован из-за кулуарных договоренностей в Белом доме и других коридорах власти...»

(Из статьи Морриса Рубина (Morris H. Rubin), издателя "The Progressive", ежемесячного журнала, основанного в январе 1977 года; его основатель – покойный сенатор Лафоллет (LaFollette)).

«Врачи и руководители больниц дышать в спину нефтяному лобби – самому, пожалуй, могущественному в мире» (президент Картер в "AMA News", 8 июня 1979).

P.S. В 1980 году крупнейшей американской корпорацией стал Еххон. Прежде таковой считался General Motors, один из его многочисленных союзников и партнеров по бизнесу. Но что есть на самом деле Ехтон? Всего лишь новое название старой рокфеллеровской картели, Standard Oil, которая в 1911 году была распущена по решению суда.

Часть 5

Большое промывание мозгов

Дороги к власти: СМИ

«При объективном взгляде на его карьеру можно прийти только к одному выводу: он стал жертвой самой, наверное, порочной страсти – страсти к деньгам, страсти, которая превратилась в самоцель.

Картина получается безрадостная: одержимый с невероятным упорством изобретает планы, как бы разбогатеть еще больше...

Он превратил торговлю из мирной деятельности в войну, пропитал ее жестокостью и развратом, а соревнование с его подачи из почетного занятия превратилось в перегрызание глоток. А тот, кто целенаправленно занимается чем-то в данной сфере, называет свою организацию благотворительной и указывает, что о его честности свидетельствуют его посещения церкви в выходные. Но порядочный человек не станет делать ни того, ни другого. Вот она, высшая степень порочности, замаскированная под личиной набожности. Имя ей только одно – лицемерие».

Так описала Джона Д. Рокфеллера Ида Тарбелл (Ida Tarbell) в своей «Истории компании Standard Oil» (History of the Standard Oil Company), и материал тот вышел в виде цикла публикаций в “McClure’s Magazine” в 1905 году. На тот момент репутация дядюшки Рокфеллера еще не упала ниже плинтуса. Сенатор Роберт Лафоллет (Robert LaFollette) еще не назвал его «преступником века», американская пресса еще не окрестила его «самым ненавистным человеком в мире» и не печатала карикатур на него, где он одной рукой дает детям мелкие монетки, а другой крадет мешки с золотом.

Но после Второй мировой войны как в Америке, так и за рубежом стало очень трудно найти какие-либо нелестные отзывы о Джоне Д. Рокфеллере первом, о его единственном сыне, Джоне Д. Рокфеллере младшем, который, разумеется, пошел по стопам отца, и о четверых сыновьях продолжателя династии, которые не нарушали семейную традицию.

Сегодня во всех энциклопедиях можно прочитать только хвалебные оды семейству Рокфеллеров, например:

«К 1911 году Джон Д. Рокфеллер отошел от бизнеса и занялся раздачей большей части своего имущества. Он основал благотворительные институты, где работают его поверенные и управляют служащие, которые постоянно ищут новые возможности помощи общественности. Согласно подсчетам, сумма его пожертвований достигла 600 миллионов долларов» (Encyclopedia Britannica, международное издание 1972, собственность Рокфеллера).

А о его сыне, Джоне Д. Рокфеллере младшем (1874-1960) там написано следующее:

«Он работал со своим отцом на торговых и благотворительных предприятиях их семьи. Его жизнь была посвящена главным образом благотворительности... Его пожертвования с января 1917 по 31 декабря 1955 достигли примерно 400 миллионов долларов».

Разумеется, ни слова не сказано о жестокостях, на которых выросла семейная империя, о политических интригах, когда Рокфеллер совместно с Морганом (Morgan) и Меллоном (Mellon) втянули страну в войну, и 50 тысяч мальчишек нашли свою преждевременную смерть в Европе.

Почему же критические голоса, такие как, например, цикл публикаций в журнале McClure в начале XX века, постепенно заглохли, а на смену им пришли оды о «добродетели» семейства?

В 1911 году, когда Джон Д. Рокфеллер, согласно “Encyclopedia Britannica”, «отошел от бизнеса», один из американских судов признал его виновным в незаконных действиях и постановил распустить картель Standard Oil, включавшую в себя 40 корпораций (из них 14 находились в единоличной собственности нашего героя).

Но именно ликвидация компании по решению суда наделила ее такой силой, какую не мог ожидать и сам основатель. До тех пор жизнь рокфеллеровской картели протекала на виду у всех и была хорошей мишенью. После приговора суда она ушла в подполье, и ее мощь оказалась спрятана за завесой секретности. Невозможно стрелять в невидимого тирана. По сути, Рокфеллер только сделал вид, что распустил свою империю в соответствии с решением суда. А на самом деле он разделил ее на множество предприятий и продолжал контролировать их через подставных лиц, среди которых был и его сын.

Тем не менее, только после определенных событий в 1913-1914 гг. ДДР полностью осознал, что в наш век коммуникаций рычагом всех событий служит общественное мнение. Прежде он относился к нему с пренебрежением, хотя враждебность к нему проявлялась в печатных СМИ, которые до наступления эпохи радио и телевидения отражали мнение людей, а не формировали его, как в наши дни.

Но одно событие настолько накалило всеобщее недовольство, что даже толстокожий Рокфеллер решил поискать какое-то противодействие. То была резня в Лудлоу. А решительные контрмеры ДДР оказались такими успешными, что его американский комбинат превратился во всемирную империю.

Общественный имидж

Профсоюз горняков – организация, благодаря которой Джон Л. Льюис (John L. Lewis) впоследствии прославится – потребовал повышения зарплаты и улучшения условий жизни для горняков, работавших в Colorado Fuel and Iron Company, одной из многочисленных организаций, находившихся во владении Рокфеллера. Рабочие, в основном иммигранты из беднейших стран Европы, жили в хибарах, которые предприятие им сдавало по очень высокой цене. Они получали свою мизерную зарплату – 1,68 доллара в день – в виде чеков, которые можно было обменять только в магазинах, принадлежавших этой компании, а товары там продавались по завышенной цене. В церкви горняки должны были молиться только тем святым, поклонение которым желательно для картели. Дети шахтеров учились в школах, находившихся под контролем компании, и в их библиотеках нельзя было найти книг, которые, по мнению яростных христиан Рокфеллеров, оказывают растлевающее воздействие, например, дарвиновского «Происхождения видов». Компания ежегодно тратила более 20 тыс. долларов на целую армию детективов, сторожей шахт и шпионов, обязанность которых заключалась в том, чтобы не допустить образования профсоюза.

ДДР младший, в то время наемник своего отца и официальный руководитель Colorado Fuel and Iron Company, и Фредерик Т. Гейтс (Frederick T. Gates), баптистский священник, один из первых лиц в компании, отказались даже от переговоров с рабочими. Они выселяли их из предоставляемого жилья, наняли тысячу штрейкбрехеров в детективном агентстве Болдуин-Фельтс (Baldwin-Felts detective agency) и «убедили» губернатора Аммонза (Ammons) использовать при подавлении забастовки Национальную гвардию.

В результате началась откровенная война. Сторожей, горняков, их жен и детей, которые после выдворения поселялись в палатках, безжалостно убивали, и в конце концов перепуганный губернатор попросил президента Вильсона ввести войска – они и подавили восстание.

“New York Times”, которую уже тогда нельзя было обвинить в недоброжелательном отношении к Рокфеллеру, хотя в то время она еще не находилась под его всецелым контролем, писала 21 апреля 1914 года следующее:

«Сегодня в округе Лудлоу произошел 14-часовой бой между бастующими горняками и колорадской Национальной гвардией и увенчался тем, что погиб Луис Тикас (Louis Tikas), предводитель бастующих греков, а палаточный городок в Лудлоу был уничтожен огнем».

На следующий день та же самая газета пишет:

«45 погибших, среди них 32 женщины и ребенка, большое количество пропавших без вести и множество раненых – таков результат 14-часового сражения, которое произошло на территории Colorado Fuel and Iron Company, рокфеллеровской организации. Сейчас от палаточного лагеря в Лудлоу остались лишь дымящиеся развалины, и под ними оказалась погребено страшное событие, не имеющее аналогов в истории войн. В ямах, которые были вырыты для защиты от ружейно-пулеметного огня, погибли женщины и дети,

попавшие в ловушки, подобно крысам, когда их объяло пламя. Сегодня после обеда раскопали одну из могил, и в ней обнаружили трупы десяти детей и двух женщин».

Возмущение по всей стране достигло таких масштабов, что ДДР решил нанять самого талантливого в Америке представителя по связям с общественностью, Айви Ли (Ivy Lee), дабы тот занялся решением очень деликатной задачи и реабилитировал имидж магната.

Когда Ли узнал, что вновь основанный фонд Рокфеллера располагает суммой в более 100 миллионов долларов и не знает, как ей распорядиться, он предложил раздать крупные суммы – не меньше, чем по миллиону – известным университетам, больницам, церквям и благотворительным организациям. Клиент принял этот план. А заведения – свои миллионы. И во всем мире появились крупные заголовки – ведь во всех газетах действует принцип, что миллион долларов означает сенсацию.

Таким было начало лживых, искусно составленных сообщений, которые рождаются в информационных агентствах по сей день. А равнодушное большинство очень скоро позабыло бойню иммигрантов или, по меньшей мере, простило ее ввиду того, что под фанфары прессы Рокфеллер «раздавал» свое растущее состояние разным «достойным» заведениям.

В последующие годы Рокфеллер не только «оказывал финансовую помощь» журналистам, но и покупал, финансировал либо даже основывал целые газеты. Так, журнал “Time” был основан в 1923 году Генри Льюисом (Henry Luce) и перешел к Дж. П. Моргану (J.P.Morgan), когда начались финансовые проблемы. После смерти Моргана и разрушения его финансовой империи рокфеллеровский дом, не теряя ни минуты, ухватился за этот сочный плод, а также за его осиротевших сестер, “Fortune” и “Life”, и построил для них 14-этажное здание в рокфеллеровском центре – здание Time & Life. Он же стал совладельцем «конкурента» “Time” – издания “Newsweek”, которое было основано на его же деньги в первые годы «Нового курса».

Поскольку миллионы имели границы даже у Рокфеллера, Айви Ли предложил еще одну блестящую идею, как постоянно поддерживать имидж щедрого благодетеля: каждый день раздавать новые сияющие десятицентовые монетки всем детям, которые подходят на улице к нашему доброму дядюшке. С пустыми руками не должен был оставаться никто, и вскоре его охранникам пришлось носить за ним мешки с монетами.

Интеллектуалы: выгодная покупка

Даже сам ДДР при своем врожденном цинизме был удивлен тем, до чего же просто купить так называемых интеллектуалов. Да, они оказались среди лучших инвестиций.

Рокфеллер после основания образовательных фондов в Америке и за границей обрел контроль не только над правительствами и политиками, но и над работниками интеллектуального труда и наукой, и произошло это прежде всего в сфере медицины, готовящей служителей новой религии, современных врачей. Враг рокфеллеровской системы ни разу не получал престижную награду, вроде Нобелевки или Пулитцеровской премии, которая означает деньги и почет.

Эта система, изобретенная основателем династии, остается сегодня неизменной, а последователи ее основоположника укрепляют ее все больше. «Меценат», который ежегодно раздает деньги из вечных фондов, подталкивает возможных получателей – руководство и профессоров университетов, ученых, исследователей, издателей, журналистов и т.д. – к тому, чтобы они сидели вокруг него, как собаки, ждущие лакомого кусочка и виляющие хвостами. Претенденты на выплаты и премии вряд ли станут высказывать неудобные социально-экономические идеи и таким образом уменьшать свои шансы.

Давайте посмотрим на случай всемирно известного французского микробиолога Рене Дюбо (René Dubos), лауреата Пулитцеровской премии и профессора Рокфеллеровского

института медицинских исследований (Rockefeller Institute of Medical Research) в Нью-Йорке. Он неоднократно выражал скептическое отношение к опытам на животных, но делал это очень осторожно, ведь он пользовался «щедростью» Рокфеллера и работал в институте, ежегодно использующем сотни тысяч животных.

И даже Генри Киссинджер (Henry Kissinger) в 1978 году вынужден был официально признать, что однажды, будучи министром иностранных дел, он получил от Нельсона Рокфеллера 50 тыс. долларов на цели, которые не назывались – так общественности впервые стало известно то, о чем уже давно знали все профессионалы: Киссинджер, как и все другие главные участники политического обезьянника в США, представлял собой продукт рокфеллеровской фабрики.

Генри Льюис (Henry Luce), официальный основатель и издатель еженедельного журнала “Time”, тоже попал в зависимость от объявлений рокфеллеровской империи и поэтому лыстил своим спонсорам.

ДДР младший оказался среди тех, на ком лежала ответственность за побоище в Лудлоу, он же был послушным партнером, принимавшим участие во многих сомнительных делах своего отца. Но в 1956 году Генри Льюис напечатал его фотографию на титульном листе “Time”, а в передовице номера стала статья с простым названием «Хороший человек» (The Good Man). В ней можно прочитать, например, следующее:

«Жизнь Джона Д. Рокфеллера младшего посвящена социальной благотворительности, поэтому его можно безоговорочно причислить к истинным национальным героям, как любого генерала, под командованием которого американская армия одержала победу, или государственного деятеля, обеспечившего триумф американской дипломатии».

Разумеется, у редакции “Time” не было возможности изменить позицию даже после смерти младшего Рокфеллера и Генри Льюиса, ведь она зависела от рекламы Дома. Например, на его сыне Нельсоне Рокфеллере лежала ответственность за войну во Вьетнаме и все другие вооруженные вмешательства со стороны США, за убийство арестантов и заложников в тюрьме Аттике; тем не менее, когда в 1979 году он умер, “Time” писала в его некрологе:

«Он был одержим своей миссией служить Отчизне, способствовать ее прогрессу и возносить ее до новых высот».

Биографы

Айви Ли успешно провел вверенную ему пиар-акцию, а у младшего Рокфеллера созрел план заказать написание такой биографии о своем отце, которую можно было бы считать образцовым учебником, и которая смогла бы уничтожить последние враждебные отзвуки, вроде сообщений Иды Тарбелл.

Прежде всего перед Айви Ли стояла задача сломить сопротивление упрямого пожилого господина, который отказывался сотрудничать. Ему удалось это сделать, когда он предложил в качестве биографа Уильяма О. Инглиса (William O. Inglis), корреспондента “New York World” и выдающегося игрока в гольф. На самом деле, Ли искал не столько журналиста, сколько игрока в гольф. За бесконечными партиями на частной площадке для гольфа следовали беседы, в которых старик рассказывал бывшее своему Нестору-летописцу. Так между ними завязалась связь, длившаяся с 1915 по 1925, пока Инглис не положил перед ним готовую рукопись.

Характерно, что и старший Рокфеллер, и младший оказались не в состоянии оценить ее, поэтому рукопись передали «компетентным» интеллектуалам фонда, чтобы те высказали свое мнение.

Очевидно, 8 тыс. долларов ежегодно, которые Инглис получал за свои труды – изрядная сумма во времена 5-центовых сигарет – настолько убили у него всякую способность к критике, что интеллектуальный центр вынес вердикт: слишком лестной вышла биография, ею невозможно будет никого обмануть. Инглис впал в немилость

царского двора, и его вычеркнули из зарплатных ведомостей. Айви Ли решил выписать из Германии Эмиля Людвига (Emil Ludwig), автора биографий-бестселлеров. Он тогда только что опубликовал биографию Наполеона.

Возможно, были и другие интеллектуалы, которые отказались от предложения Рокфеллера, но Эмиль Людвиг оказался единственным человеком, про которого это точно известно. Он позволил Айви оплатить ему билет в Америку, но, лично познакомившись с ДДР и узнав, что последний ждет от него, Эмиль потерял интерес к проекту и вернулся домой. А Ли пришлось вновь ломать голову.

Незадолго до этого славу на литературном поприще снискал Уинстон Черчилль (Winston Churchill) как биограф своего предка герцога Мальборо (Duke of Marlborough). Итак, Ли отправился в Великобританию, чтобы узнать, сколько денег Черчилль запросит за унижение стать биографом ДДР. Когда Ли сообщил, что Черчилль требует аванс в размере 20 тыс. английских фунтов – четверть миллиона долларов в годы Великой Депрессии – Рокфеллер вдруг вспомнил, что мнение общественности его не так уж и заботит и отказался. В результате в 1930 году, когда ДДР умер, его сын еще не решил проблему нахождения для него достойного биографа.

Но в Американской литературной академии было достаточно интеллектуалов, выстроившихся в очередь за деньгами и славой. Выбор рокфеллеровского мозгового центра пал на Аллана Невинса (Allan Nevins), профессора из Университета Колумбии (Columbia University), основанного Рокфеллером. Написанная им незадолго до того биография президента Гровера Кливленда (Grover Cleveland) получила премию Пулицера.

Манера письма Невинса недотягивала до пламенного слога Черчилля и Людвига, но он был невольником истеблишмента, и поэтому надежным человеком. Название его биографии – «Джон Д. Рокфеллер: героический век американского предпринимательства» (John D. Rockefeller: The Heroic Age Of American Enterprise) – свидетельствует о том, что задача выполнена. В его биографии – ровно столько критики, сколько требуется для лучшего восприятия похвал, и в этом Невинс превзошел всех конкурентов. Он безо всякого стеснения заявлял, что Рокфеллер «никогда не смешивал интересы бизнеса с благотворительной деятельностью» и сравнивает его аж с Сесилем Родсом (Cecil Rhodes), Ришелье (Richelieu) и Бисмарком (Bismarck).

*

К тому времени, когда в книжные магазины хлынул поток новых биографий святого семейства, опубликованных в самых известных нью-йоркских издательствах, начало происходить кое-что любопытное, но заметное только при наличии критического мышления. Становилось все менее опасно говорить о не очень красивых сторонах личности почившего основателя и его нелегальных действиях – до тех пор, пока оставался безупречным имидж его живых потомков, а финансовые интересы компании не подвергались угрозе.

Вышли даже некоторые обличающие отрывки из материала Иды Тарбелл (Ida Tarbell). Они были напечатаны, например, в критическом труде профессора Ландберга «Богатые и сверхбогатые» (The Rich and the Super-Rich, 1968) и в книге Петера Кольера (Peter Collier) и Дэвида Хоровица (David Horowitz) «Рокфеллеры» (The Rockefellers, 1976). Историк Ландберг, закончивший Университет Колумбии, работавший в Университете Нью-Йорка и принадлежавший к рокфеллеровскому истеблишменту, мог рассказать о многих нечестных делах святого семейства в прошлом. То же самое касается Кольера и Хоровица: они даже смогли сказать, что рокфеллеровская «благотворительность» чаще всего представляла собой хитрые манипуляции, позволяющие уйти от налогов, и давала возможность «меценатам» получить больше, чем отдать. Но во всех этих «смелых и безжалостных разоблачениях» от известных издательств упускалось кое-что важное.

Что же это было?

Все авторы упоминали многочисленные индустриальные и коммерческие интересы рокфеллеровского комбината – кроме одного. Они много писали о нефти и ее производных, об угле, природном газе, электричестве, железных дорогах, автомобилях, стали, резине, недвижимости, искусстве, издательствах и СМИ. Но нигде не упоминалось одна-единственная, самая прибыльная отрасль. О ней не говорили даже в тех книгах, где Рокфеллеры вроде бы подвергались самой разгромной критике. Именно она стала сердцем империи еще с тех пор, как праотец империи, «старина Билл», ходил по деревням и всучивал крестьянам сырую нефть в бутылочках, выдавая ее за целебное средство от рака и других серьезных болезней. Имя той отрасли – фармацевтическая промышленность.

Если бы кто-то заикнулся об участии Рокфеллеров в 200 фармацевтических компаниях, то стало бы понятно, почему они создали сначала Совет общего образования, а затем другие подобные «благотворительные организации», причем во всем мире: то были всего лишь инструменты для повышения прибыльности и мощи Империи. И беспомощному населению навязали новую религию, догматическую веру в чудеса медицины. Религия эта требует все большего использования вредных медикаментов, а они, в свою очередь, обуславливают необходимость нового, пусть и опасного, но высокоприбыльного лечения.

Если бы в биографиях появилось такое разоблачение, они бы, скорее всего, не вышли в свет. Или бы не удержались в продаже надолго.

Министерство пропаганды и обмана

1967

В 1960-е годы американские антививисекционисты разошлись не на шутку и перестали устраивать медико-химический комбинат. Проводились даже слушания в Сенате. И тогда всемогущие власти решили, что вновь пришла пора напечатать большую статью в самой авторитетной газете страны, газете, которая обычно задает курс событиям, и на которую равняются прочие серьезные издания.

Уже упоминавшееся Национальное общество медицинских исследований (National Society for Medical Research) поручило написать эту статью некоему Лоренсу Гальтону (Lawrence Galton), при этом его представили как «свободного журналиста, специализирующегося на научной тематике». Чтобы придать статье блеск и правдоподобие, “New York Times” напечатала ее в своем воскресном приложении, “Magazin”. А когда Национальное общество медицинских исследований потом издало ее в виде крупноформатной брошюры на глянцева бумаге и с иллюстрациями, то оно смогло написать на титульном листе: «Перепечатка из “New York Times Magazine” от 26 февраля 1967 года».

Выбранный издателем метод не был нов в то время. Его цель заключалась в убеждении читателя, что лабораторные животные не только не страдают, но и умирают куда более легкой смертью, чем большинство животных. В статье говорится:

«Разрезание, необходимое для исследований, происходит под глубокой анестезией. По завершении наблюдений животных усыпляют, пока они находятся под наркозом. Если животное после хирургического вмешательства должно остаться в живых, методы лечения сходны с теми, которые применяются при оперировании людей: стерильность во время операции, максимальное облегчение болей и тщательное наблюдение за выздоровлением в послеоперационный период».

И о чем тогда твякают эти антививисекционисты? Наверное, было бы невежливо спросить, почему автор статьи, который, согласно его собственному признанию, посещал лаборатории по всей Америке с 21-летнего возраста, никогда не слышал о нейрофизиологических экспериментах, проводящихся главным образом на приматах, предусматривающих нанесение ударов током и заканчивающихся разрушением всего

организма и безумием из-за боли. Неужели он никогда не видел экспериментов (или хотя бы не слышал о них), которые проводились уже в 1967 году во многих медицинских вузах якобы «для изучения половой жизни кошек», и среди которых были смертельные опыты, предусматривающие оперативное обнажение пенисного нерва котом (разрезание скальпелем) и непрерывные удары током до гибели животного.

После введения читателям успокоительного средства Гальтон переходит к следующему излюбленному клише истеблишмента. На ком лежит основная ответственность за жестокое обращение с животными? Разумеется, на зоозащитных организациях – это знает каждый. Гальтон пишет:

«Сообщается, что в Массачусетсе, где в прошлом году все медицинские университеты и исследовательские клиники использовали менее 10 тыс. собак, гуманные общества убили 35 тыс. собак».

Обратите внимание на небольшое различие, а именно, слово «использовали» применительно к опытам на животных и «убили» применительно к большим, бездомным или ненужным животным, для избавления их от дальнейших страданий.

А в конце статьи, после полного введения читателей в заблуждения автор наносит им нокаут:

«Болезнь – это жестокость. Миллионы людей обязаны своим здоровьем – а то и жизнью – опытам на животных. Это можно сказать про жертв страшных ожогов, травм, шока; сюда же относятся и все те, кому когда-либо приходилось делать какую-либо операцию, кого вакцинировали от предотвратимой болезни, все те, кто должен принимать лекарства от сахарного диабета, повышенного давления и других хронических болезней, а еще более 10 тыс. человек, имеющих в груди электростимулятор сердца для нормализации сердечного ритма».

Гальтон забыл еще про трансплантации. Любой знающий человек сможет убедительно опровергнуть его голословные заявления. Например, у животных кожа реагирует на ожоги совсем иначе, нежели у человека; в первом случае образуются отеки, во втором – ожоговые пузыри. В случае ожога более трети кожи люди умирают в наши дни точно так же, как и тысячу лет назад. А в октябре 1980 года профессор Луиджи Спровьери (Luigi Sprovieri), один из отцов экстракорпорального кровообращения и многолетний партнер парижского профессора Дюбо, заявил на медицинском конгрессе в Сорренто перед сотнями своих коллег из разных стран следующее:

«Для биомедицинских исследований более не требуются животные – в работу надо вводить компьютеры. Следование традиционным путям бессмысленно и даже опасно, ибо различие между человеком и животным столь велико, что часто приводит к ошибкам. Например. Сердечный клапан и электростимулятор сердца сначала были испробованы на человеке, и только потом выяснилось, что у животных они функционируют так же» (“La Nazione”, Флоренция, 5 октября 1980).

Длинный ряд известных хирургов, от Лоусона Тейта (Lawson Tait), разработавшего в конце XIX века большинство приемов оперирования, которые до сих пор используются, и до практикующего британского врача, профессора Р. Бельчера (R.J. Belcher), назвали бы рассуждения Гальтона о хирургии ложью. То же самое касается и прочих его заявлений. Но “New York Times” не стала печатать опровержения, которые посыпались в редакцию со всех сторон.

1978

27 марта 1978 года американский новостной журнал “Newsweek” напечатал статью «Животные в лаборатории» (Animals in the Labs), его авторами были Петер Гвинн (Peter Gwynne) и Шарон Бегли (Sharon Begley). Оба журналиста постарались придумать новые оправдания бессмысленной практике. Вот пример:

«Для большинства ученых использование животных – часть естественного порядка вещей. Это связано с иудейско-христианской традицией, которая заключается в том, что

Бог дал людям владычество над животными”, – говорит доктор Турман Графтон (Thurman Grafton) из Национального Общества медицинских исследований.

Исследователи из сферы биологии и медицины отрицают жестокое обращение с животными. “Половина нью-йоркских кошек и не мечтают о той любви, с которой мы относимся к нашим”, – говорит Брус Эвалд (Bruce Ewald) с медицинского колледжа Корнельского Университета. (Cornell University Medical College).

Большинство опытов на животных необходимы, и выполняются они с большой осторожностью.

Благодаря строгому контролю, боль в ходе экспериментов сходит на нет.

Под воздействием трех факторов – растущих затрат, требований закона (несуществующего или невыполнимого – Г.Р.) и постоянной критики – ученые всячески стремятся к эффективности и этичности своих исследований».

1980

До 1978 года Министерство пропаганды и обмана использовало для достижения своих целей СМИ, которые формируют общественное мнение и заставляют людей верить в то, что опыты на животных необходимы для благополучия людей, а используемые животные не испытывают практически никакого дискомфорта, ведь гуманизм экспериментаторов полностью их защищает. Когда книга «Убийство невинных» привела неопровержимые и шокирующие доказательства обратного, могущественные заведения смогли за короткое время ее запретить. Но у антививисекционистского сообщества в дополнение к известным этическим аргументам появилась, наконец, твердая научная опора, которая стала точкой отсчета в борьбе и объектом борьбы.

Национальное общество медицинских исследований опять заказало большую газетную статью. Чтобы прогнать призрак отмены опытов на животных, стратегию рассуждений о необходимости вивисекции пришлось несколько изменить.

Статья та авторства некоей Патриции Куртис (Patricia Curtis) появилась опять в приложении к “New York Times” 31 декабря 1978 года. Уже ее заголовок должен был показать, что истеблишмент с 1967 года начал идти на попятную. На сей раз она называлась «Дело против экспериментов на животных» (The Case Against Animal Experimentation). Но осталось настоящее «дело» преимущественно в заглавии, об этом редакция Национального общества медицинских исследований тщательно позаботилось. Именно ученые сменили тон с целью вставить палки в колеса антививисекционному движению. «Причина роста обеспокоенности у многих ученых состоит в открытиях, сделанных самой наукой», – вот одно из потрясающих заявлений госпожи Куртис.

Поэтому совсем не удивительно, что дальше мы читаем строчки, типа: «Безусловно, многие медицинские открытия, начиная с вакцины от полиомиелита и кончая физиологией реакции на стресс, были сделаны через эксперименты на животных».

Введя это клише, неправильность которого раскрыли медицинские авторитеты (многих из них мы процитировали в «Убийстве невинных»), Куртис без какого-либо неодобрения пишет:

«В наши дни распространение получили физиологические эксперименты, такие как “приобретенная беспомощность”. Животным в клетках наносят удары до тех пор, пока они не научатся разным новым способам избежать их. Под конец животные просто лежат и пассивно получают удар за ударом. Ученые пытались найти параллели между этой “приобретенной беспомощностью” у животных и депрессиями у человека».

Стиль этого сухого сообщения с научным звучанием похоже на манеру письма самих экспериментаторов.

Далее Патриция Куртис пишет следующее:

«Существуют организации, которые решительно выступают против какого-либо ограничения опытов на животных, и среди них – Национальное общество медицинских

исследований. Оно глубоко убеждено, что всякое сокращение экспериментов на животных поставит под угрозу здоровье населения и научный прогресс».

«Здоровье населения»? «Научный прогресс»? Патриция Куртис ничего не говорит миллионам своих читателей о том, что Национальное общество медицинских исследований состоит не из самоотверженных ученых и альтруистичных медиков – как можно подумать по высокопарному названию этой организации – а всего лишь из лоббистов в лице разводчиков лабораторных животных, и какое-либо ограничение вивисекции подвергло бы опасности их *прибыль*. Много лет назад это самое Национальное общество возникло с подачи Лабораторий Чарльз Ривер (Charles River Laboratories), и цель преследовалась одна-единственная: продвигать использование лабораторных животных. Складывалось все более чем успешно, в том числе и благодаря помощи нерадивых журналистов, вроде Патриции Куртис: сегодня «Чарльз Ривер» является транснациональной корпорацией и имеет отделения в Италии, Великобритании, Франции и Германии (чтобы ей легче было вводить в заблуждение читателей, Патриция Куртис, как и многие коллеги ее, сперва снискала репутацию защитника животных и для этого без устали писала милые «истории о братьях наших меньших»).

Как обычно, в статье ни слова не сказано о заинтересованности фармацевтических картелей в опытах на животных и тем более – о том, что опыты на животных неизбежно ведут к опытам на людях, главным образом на сиротах и нищих стариках из государственных больниц, имеющих связи с рокфеллеровской картелью.

Потом статью из “New York Times” перепечатал другой участник рокфеллеровского дома, “Reader’s Digest”. Это издание имеет ежемесячный тираж 20 миллионов экземпляров и аудиторию 100 миллионов читателей во всем мире. Если внимательно посмотреть мартовский выпуск международного издания (в Америке – февральский), то можно узнать много интересного.

До начала текста целых шесть страниц посвящены рекламе лекарств и косметики, при этом самая эффективная в рекламном отношении первая страница отдана «лекарству от насморка» комтрексу производства Bristol-Myers, рокфеллеровской фармацевтической компании. На седьмой странице размещена реклама сиккатива, и только потом следует статья – две страницы под заглавием (ни за что не поверите) «Новости медицины». А восхваляет она гильдию исследователей с их «новыми» медикаментами и способами лечения.

Большую часть рекламы в том выпуске составляют дополнительные 27 страниц, посвященные главным образом товарам химической промышленности (среди них некоторые продукты нефтехимии и агрохимии, но преимущественно медикаменты и косметика). Немногочисленные и небольшие рекламы продуктов, не имеющих отношения к химии, ютились в конце журнала.

А другая страница в начале журнала оказалась зарезервирована для другого рупора Министерства пропаганды и обмана. Имя ему – “Encyclopaedia Britannica”. С тех пор, как это издание вошло в рокфеллеровский дом, все его статьи на медицинскую тематику подверглись тщательному пересмотру. Например, в нем утверждается, что «синтетические витамины равноценны натуральным».

Покупка общественного мнения

В наших так называемых демократических странах журналистская пропаганда через систематическое и тщательно спланированное преподнесение неверной информации либо ее умалчивание – явление, ускользающее от большинства людей – представляет собой нечто гораздо более печальное, чем отсутствие требований на свободу у СМИ в авторитарных государствах. Там люди воспринимают как данность тот факт, что ко всем

внутренним и зарубежным новостям надо относиться скептически. Вместе с тем, в «странах демократии» граждане считают, что, если несколько разных дают одну и ту же информацию, значит, она правдива. Но на самом деле это серьезное заблуждение.

В большинстве стран ситуация такая же, как и в Америке, где “New York Times”, “Reader’s Digest” и другие влиятельные издания отказываются публиковать опровержения ложным заявлениям.

В “Cape Times” за 28 июня 1977 Кристиан Барнард (Christiaan Barnard) бросает вызов противникам вивисекции и предлагает им рассказать, как медицинская наука прошлого развивалась бы без опытов на животных и каковы были бы ее перспективы на будущее. Южноафриканская антививисекционная лига, Южноафриканская Ассоциация за запрет болезненных экспериментов на животных (South African Association for Abolition of Painful Experiments on Animals) приняла вызов и ответила на вопрос, но “Cape Times”, которая, разумеется, не подвергала цензуре Барнарда, прошла ножницами по ключевым пунктам ответа (хотя его требовал сам Барнард). Это было столь же ожидаемо, как и беспрепятственное пропускание искомого материала.

Такой политики придерживаются все европейские газеты, принадлежащие истеблишменту. 29 июля 1977 года парижская ежедневная газета “Le Figaro” напечатала статью, в названии которой уже передавалась тенденция «Либо морская свинка, либо человек». Этот опус за авторством некоего профессора Кашеры (J.P.Cachera) являет собой подлинную оду опытам на животных и включает в себя все давно уже развенчанные клише вивисекторов. А самые трагические провалы современной медицины выставлены в ней как колоссальные успехи.

В результате на редакцию обрушился шквал писем протеста, но свет увидели только два, и оба в сильно сокращенном виде. В одном случае автором был Жан-Дюрантон де Магни (Jean Duranton de Magny), президент Французской антививисекционной лиги, в другом – Ваш покорный слуга. Я всячески старался сделать свой ответ кратким и четким, чтобы не допустить правки, но самые важные моменты, опять же, оказались вымараны; особенно тут характерно предложение бесплатно выслать всем желающим читателям “Le Figaro” технический отчет CIVIS. В нем, наряду с прочей важной информацией, можно было прочитать высказывания 150 авторитетов от медицины со всего мира, которые считали вивисекцию научной ошибкой.

В настоящее время ведущие газеты других европейских стран следуют по тому же курсу, что и в Америке. Но негласный союз между правительством и химико-медико-вивисекционным комбинатом наиболее очевиден в странах, где телевидение, самое мощное средство пропаганды, монополизировано государством, как в Швейцарии, Франции и Германии либо находится под значительным государственным контролем, как в Италии. При псевдодebатах на тему вивисекции происходили откровенные искажения аргументов – где уж тут быть уравновешенности.

Во Франции в 1981 году состоялось ток-шоу, которое получило широкое освещение в рекламе. Организаторы сделали все, чтобы не пустить на него тех немногих людей, которые могли бы оспорить аргументы присутствующих «ученых». В нем участвовали такие «специалисты» как Брижит Бардо, корреспондент, кинематографист и врач-гомеопат, который даже не знал ничего – или не хотел знать – о трагедии с талидомидом и большую часть времени молчал, давая возможность вивисекторам врать всеми возможными способами перед 16-миллионной аудиторией.

Часть 6

Калейдоскоп

Еще в XIX веке доктор Анна Кингсфорд (Anna Kinbgsford), первая в Британии женщина-врач, писала следующее:

«Одной только нравственной болезни в душе вивисектора достаточно для того, чтобы счесть его неспособным к получению высших и лучших знаний. Ему легче распространять болезнь, чем открыть секрет здоровья. В поисках источников жизни он изобретает только новые методы смерти».

*

«Наука, которая обещала избавить человечество от суеверий, сама превратилась в самое мрачное и кровавое суеверие за всю историю. Вполне возможно, это выльется в трагедию современной цивилизации. Наука, некогда представлявшая собой высшую форму человеческого разума, переродилась в некое божество. Как простым людям (мирянам), так и ученым (жрецам) делается внушение свыше, что наука утверждает и требует то-то и то-то. Она стала механическим богом... Другие боги требовали от служителей кастрации. Но нынешняя наука повелевает, чтобы ее жрецы ампутировали себе всякое человеческое сострадание» (Брижит Брофи (Brigit Brophy) в "The Listener", 1969).

*

«Максимальная продолжительность жизни совсем не изменилась. Пожилые люди становятся все более подвержены болезням. Невзирая на то, какие лекарства они принимают, и как за ними ухаживают, средняя продолжительность жизни, составляющая 65 лет, за последнее столетие практически не изменилась. Медицина мало что может поделать со старческими болезнями, а еще меньше – с самим старением. Она не способна вылечить сердечно-сосудистые заболевания, большинство видов рака, артрит, цирроз в запущенной стадии и даже обычную простуду. Действительно, иногда можно уменьшить боль, от которой страдают пожилые люди. Но, к сожалению, в большинстве случаев лечение пожилых пациентов требует такого профессионального вмешательства, которое не только усиливает, но и, в случае успеха, продлевает боль» (Иван Иллич (Ivan Illich) в "Medical Nemesis", Calder&Boyers, Лондон, 1975 г., с. 45).

*

Вот знаменитый пример поразительной логики президента Гувера (Hoover): «Когда большое число трудящихся теряют работу, возникает безработица». Это умозаключение имеет место в научных протоколах: «Если живой организм не получает пищи, наступает голодная смерть. Мы это научно доказали на статистически значимом количестве собак, кошек, обезьян, ослов, свиней и других животных и готовы доказывать дальше при условии, что получим средства».

Трагическая месть животных

Как сообщает Всемирная организация здравоохранения, в 1980 году число психически больных и умственно неполноценных людей в мире поднялось до 450 миллионов человек, то есть, на их долю приходилось тогда около 10% населения Земли, и из них 136 миллионов были моложе 15 лет. Четкое указание на то, что ситуация ухудшается, и все больше людей молодого возраста волей-неволей соприкасаются с господствующей медицинской системой, которую им навязал Международный просветительский совет (International Education Board), и которая выражается, например, в медицинском обслуживании матери еще во время беременности, затем в вакцинации, облучениях, даче ребенку синтетических витаминов сразу после рождения. Исследование ВОЗ показало, что в Европе умственной отсталостью страдают 11 миллионов человек, в Северной Америке – 6 миллионов, в Латинской Америке – 13 миллионов, в Африке – 18 миллионов, в Азии – 88 миллионов.

*

«Назначение и прием психотропных средств приобрело такие масштабы, что криминальные методы уже невозможно игнорировать. Юрист Эмиль Комо (Emil Komo) в своей книге «Прописанная интоксикация – к уголовно-правовому контролю за нарушениями, возникшими вследствие приема психотропных средств» (Die verordnete Intoxikation – Zur strafrechtlichen Kontrolle von Psychopharmakaschäden, Штутгарт, 1978) приходит к выводу, что реально существующее медленное отравление широких кругов населения психотропными веществами должно рассматриваться как преступное причинение вреда здоровью, так как здоровье людей представляет собой “общественный интерес, закрепленный Конституцией”».

Это лишь одно из многих неблагоприятных для фармацевтической индустрии сообщений, приведенных в книге «Болезнь по рецепту» (“Krankheit auf Rezept”), автор – Петер Сихровски (Peter Sichrovsky), издательство – Kiepenheer & Witsch, Кельн, 1984). В ответ на это власти решили действовать не против фармацевтической индустрии, а против автора и издателя.

*

Крупные швейцарские СМИ обычно очень серьезно относятся к Межкантональной инспекции контроля лекарств (Interkantonale Kontrollstelle für Heilmittel) – фармацевтической полиции, базирующейся в Берне. Но менее значимое издание, цюрихская газета “Der Falke”, которая не зависит от рекламы химических товаров, 3 февраля 1984 года напечатало неприятный отчет об этом самом пункте, озаглавив его «Межкантональная инспекция контроля лекарств: некомпетентность или продажность?» (Unfähige oder korrupte IKS?)

«В нашем государстве Межкантональная инспекция контроля лекарств стала своего рода раковой опухолью. Не проходит и недели, чтобы она не попадала в газетные заголовки в связи с чем-то отрицательным. Его руководителя, доктора Петера Фишера (Peter Fischer) публично разоблачили в должностных правонарушениях. Несмотря на то, что нарушение им служебной тайны было доказано, он продолжает находиться на своей должности и позорить страну. Его начальники, которые входят в состав правления, это политики либо еще какие-то высокопоставленные дилетанты, которые ничего не понимают в фармакологии и медицине. При любых обстоятельствах они полагаются на своих “квазиподчиненных”, неизвестных членов Экспертного совета Межкантональной инспекции. А члены эти – опять же чаще всего работники базельской химической промышленности либо зависящие от нее аптекари и медики.

Поскольку Межкантональная инспекция находится под властью базельской химиндустрии, именно последняя решает, какую продукцию конкурентов подвергать экспертизе и допускать до использования. Известно достаточно случаев, когда она выслеживала чужой препарат, копировала его либо торпедировала, то есть, нарушала служебную тайну. В газетах все время появляется информация о том, как лекарство не изымалось с рынка даже после гибели от него тысяч пациентов. “11000 человек умерли от побочных эффектов бутазолидина и тандерила, противоревматических средств производства Сибя-Гейги” (11000 Menschen an Nebenwirkungen von Butazolidin und Tanderil von Rheumamittel der Ciba-Geigy gestorben), – гласит заголовок (NZZ №5, 7-8 января 1984). Причина тут очень проста. Базельские эксперты из Инспекции не вредят своим благодетелям. Здесь имеет место быть публичное отречение. Клеймо позора ставится на иностранных врачах, которые устраивают козни своим пациентам. Те материалы, которые, согласно закону и предписаниям, должны быть опубликованы, получают гриф “секретно”, чтобы общественность ничего о них не узнала. А если продажные методы все же всплывают на поверхность, то их просто называют “нелегальными”.

Если у кого-то есть противоревматическое средство собственного производства, то он, разумеется, пробует преуменьшить достоинства конкурентов. Руководитель

здравоохранения кантона Цюрих, правительственный совет и Федеральный суд изымают препарат торговой марки Less, которую Швейцарская служба федеральной собственности внесла в реестр рыночных товаров. Под этим названием, означающим по-немецки “меньше”, выпускается популярное и безопасное во всех отношениях противоревматическое средство. А теперь слушайте внимательно и удивляйтесь. Лишь по той причине, что давно известная мазь от ревматизма Less не имеет никаких отрицательных побочных эффектов, а слово “less” по-немецки означает “меньше”, марка эта стала бельмом на глазу у инспекции контроля лекарств, руководителя здравоохранения и Федерального суда. Зато с их благословения пациентам по-прежнему можно было всучивать бутазолидин и тандерил, смертельно опасные конкурирующие препараты...

Следует задаться вопросом, для чего Инспекция контроля лекарств идет на такие значительные расходы, которые должны вертеться вокруг лекарств, ведь на самом деле она является удлинённой рукой базельской химической промышленности и увлечением политиков....»

*

Показательный эпизод, приведенный британским доктором Робертом Шарпом (Robert Sharpe), на основе информации из журнала «Клиническая фармакология и терапия» (“Clinical Pharmacology & Therapeutics”), авторы – Т. Коппани (Т.Корпаны) и М.А. Авери (М.А.Аvery), том 7, 1966 год, с. 250-270. Данный пример есть очередное доказательство правильности информации из «Убийства невинных»:

«Флеминг (Fleming) боялся, что пенициллин, открытый им случайно (без экспериментов на животных – Г.Р.), будет деактивироваться кровью, и, когда он ввел его кроликам, его худшие опасения, казалось, подтвердились. Этот результат настолько обескуражил ученого, что он постепенно потерял к препарату интерес и применял пенициллин только для лечения поверхностных инфекций.

Позднее оксфордские ученые Флори (Florey) и Чейн (Chain) возобновили исследование пенициллина и обнаружили, что он лечит инфицированных мышей. Но эта программа не убедила нас в том, что выбор вида был лишь очередным счастливым случаем. Если бы для теста использовались обычные морские свинки (ко времени начала экспериментов все морские свинки в лаборатории Флори и Чейна уже погибли – Г.Р.), он пенициллина, возможно, отказались бы навсегда, потому что даже самые маленькие дозы этого вещества приводят к гибели представителей данного вида животных (и хомяков, кстати, тоже), широко используемых в лабораторных тестах.

Но на этом везенье не закончилось. Чтобы спасти серьезно больного пациента, Флеминг хотел ввести пенициллин в его позвоночник, но он не знал, к чему приведет эта инъекция. Флори провел опыт с кошкой, однако, надо было дать пациенту шанс, и, поэтому ждать результата не было времени. Пациент Флеминга после инъекции выздоровел, а кошка Флори умерла. Но выводы так и не были сделаны».

*

23 апреля 1981 года 23 известных личности Британии – врачи, ученые, писатели, деятели искусства – подписали письмо к Маргарет Тэтчер (Margaret Thatcher), в котором просили направлять часть бюджета, выделяемого ежегодно на науку, для определенных целей, а именно – на разработку методов, заменяющих использование животных.

Как и раньше при всяком удобном случае, 14 мая 1981 года в письме с Даунинг Стрит (Downing Street) Маргарет Тэтчер ответила решительным отказом, наполненным презрения:

«Я боюсь, что правительство не может предоставить выплат на разработку альтернатив, заменяющих живых животных в биомедицинских исследованиях. Совет по медицинским исследованиям придерживается мнения, что специфические исследовательские проекты по альтернативным методам оптимальным образом разрабатываются в процессе его собственных исследовательских программ».

Нужно ли подчеркивать, что Совет по медицинским исследованиям (Medical Research Council) состоит из экспериментаторов? А по поводу Маргарет Тэтчер, которая имеет «научное» образование и часто выражала поддержку опытам на животных, есть все основания подозревать ее в том, что когда-то она сама, возможно, замарала свои руки кровью подопытных животных. По большому счету, когда человек положительно относится к подобным исследованиям, у него нет оснований отказываться от участия в них.

*

Аналогичным образом отреагировала министр здравоохранения ФРГ Антье Губер (Antje Huber), когда 25 июня 1981 года на слушаниях в боннском бундестаге она распиналась, что от опытов на животных отказаться нельзя, и речь не идет даже о частичной их отмене, например, при проверке косметики или в случае с жестоким и ненадежным тестом ЛД-50. (Тем временем ее коллега Мильдред Шил (Mildred Scheel) сгробала миллионы дойчмарок на свою «онкологическую программу», которая была столь же прибыльна, как и подобные попрошайнические акции в Америке, Англии, Франции и Италии; такой же была и ее «эффективность» с медицинской точки зрения.)

Антые Губер, сославшись на другие дела, через 20 минут покинула зал заседаний, и ее место заняла одна из ее министерских замов. Та заявила, что снижения числа опытов животных трудно добиться хотя бы потому, что министерству не известно точные масштабы опытов на животных. «Например, мы не знаем, что происходит в наших университетах», – сказала она. А когда ее спросили, почему министерство не запрещает совершенно бессмысленный тест ЛД-50, то последовал ответ: «Потому что в этом случае государство не сможет экспортировать лекарства».

Сия дама, несомненно, имела в виду устаревшую поправку Деланея (Delaney Amendment) в американский закон, требовавшую обязательного проведения этого теста и потому виновную в большинстве фармацевтических трагедий во всем мире. Своим заявлением она продемонстрировала, насколько Тэтчер, Губер и другие политики индустриальных стран зависят от интересов фармацевтической картели.

*

Из статьи в “Globe”, малоформатной газеты от издательского дома Rouses Point, Нью-Йорк, 27 мая 1980:

«Один психолог, который участвовал в химических и лазерных военных исследованиях, которые проводились американскими военно-воздушными силами, рассказал “Globe”, что в них макак резус ослепляли и безжалостно истязали с помощью смертельных лазерных лучей и генераторов ударов. В ходе этих экспериментов на военно-воздушной базе Брукс (Brooks Air Force Base) в Сан-Антонио, штат Техас животные оказывались настолько травмированы, что начинали есть самих себя и таким образом совершали самоубийство. По сообщению психолога Дональда Барнеса (Donald Barnes) в эксклюзивном интервью для “Globe”, они заходили настолько далеко, что выгрызали куски мяса из верхних конечностей.

Барнес, который получил ученую степень в Университете Огайо (Ohio State University), в течение 16 лет занимался научно-исследовательской работой на военно-воздушной базе Брукс и имеет безупречную репутацию, заявил, что в январе его уволили, это произошло после того, как он угрожал обнародовать информацию о пытках обезьян.

Сальваторе Джиааммо (Salvatore Giammo), представитель военно-воздушных сил, заявил, что 15 марта 1979 года инспектор Американской Ассоциации по контролю за лабораторными животными (American Association for the Accreditation of Laboratory Animals) произвел у них проверку помещения и не нашел никаких нарушений.

Тем не менее, Барнес сообщает, что три обезьяны задохнулись насмерть, так как на них были надеты слишком тесные металлические ошейники. “Я также видел обезьян,

которые отчаянно пытались вылезти из металлических оков, находившихся у них на груди и удерживающих их на сиденье. Животные терлись о металл так сильно, что он впивался им в брюшную полость”.

Барнес говорит: “Поскольку платформа, удерживающая их, качалась и опрокидывалась, мы научили обезьян следить за контролирующим рычагом и таким образом уравнивать платформу. Чтобы научить их, мы зафиксировали у них на подошвах лап металлические пластинки и наносили животным удар током, если они действовали слишком медленно или неправильно. Внезапным ударом током наказывали и тех, кто учился недостаточно быстро. Поэтому животные получали удары непрерывно, иногда сотни раз в день. А эксперименты, которые мы проводили, были в значительной мере совершенно бессмысленны. Все это уже делалось раньше”».

*

Из статьи в лондонской ежедневной газете “Star” за 24 сентября 1979:

«Сотни обезьян, предназначенных для исследовательского центра, так сильно кричали в агонии, что у них разбухло горло и не давало им дышать. Из 625 обезьян, отправленных из Индонезии, перелет в Швецию пережили только 140».

Комментарии Дика ван Хорна (Dick van Hoorn), который наблюдал за отправкой в амстердамском аэропорту:

«8 сентября в аэропорту Амстердама на несколько часов остановили многосотенную партию обезьян из Джакарты (Индонезия), которых транзитом перевозили в Швецию, в Стокгольм. Контролер велел открыть две клетки. В одной из них находились 15 макак, и почти у всех были травмы, а в другой из 11 животных 7 оказались мертвы. Очевидно, обезьяны умерли от недостатка свежего воздуха, их глаза вылезли из орбит, и они откусили себе языки. Контролер проинспектировал другие клетки с помощью лампы и обнаружил, что в них мертвых и травмированных обезьян еще больше...»

*

Из всегда надежных сообщений доктора Шерли Макгрилл (Shirley McGreal), руководителя Международной лиги защиты приматов (International Primate Protection League) в Саммервилле, Северная Каролина, США.

В 1977 году Индия запретила экспорт обезьян; она выступала против использования их в экспериментах с облучением и не возобновляла его впоследствии, невзирая на серьезное давление со стороны США и Всемирной Организации здравоохранения, и даже после смены правительства в стране.

В январе 1979 года Бангладеш расторгнул соглашение, которое давало возможность американскому разводчику животных экспортировать более 70 тыс. обезьян. Как указывает “Wall Street Journal” от 28 марта 1981 года, американское посольство в Дакке оказывало сильнейшее давление на правительство Бангладеша, вплоть до угрозы прекратить помощь стране, если экспорт обезьян не будет возобновлен. Кроме того, “Journal” сообщает и о слухах, что американские дельцы, чей контракт накрылся, давали взятки работникам посольства, чтобы те добились возобновления торговли.

«Если вы не готовы сократить ваше обезьянье население, то мы уменьшим число ваших детей, лишив их хлеба». Примерно так звучали угрозы правительству Бангладеша, беднейшей страны мира, где в 1943 году голодало 2 миллиона человек, страны, в которой опасность голода есть каждый год, но которая готова отказаться от 30 миллионов долларов, получаемых за счет экспорта обезьян.

Одним из самых настойчивых лоббистов оказался доктор Франк Перкинз (Frank Perkins), руководитель отдела биологии во Всемирной организации здравоохранения, а дочь его, Джей Перкинз Инграм (Jay Perkins Ingram), занималась торговлей обезьянами в США через контору под названием “Jacchus Primates”.

*

Премьер-министр Индии Морарджи Десаи (Morarji Desai), который, невзирая на валютный дефицит в своей стране, добился запрета на экспорт макак резус, своей убедительной лекцией об этике, гуманности и медицине ошарашил американских журналистов, присутствовавших в нью-йоркском пресс-центре 21 июня 1978 года.

Вопрос: «Уважаемый премьер-министр, почему Вы выступаете против экспорта макак резус для проведения исследований, учитывая Вашу глубокую обеспокоенность нуждами людей?»

Ответ: «Если мы действительно претендуем называться людьми, то мы не должны причинять жестокость живым существам. Индия всегда придерживалась такой философии. Поэтому мы не хотим причинять страдания животным и отказываемся экспортировать обезьян. Исследования – не единственный путь к благополучию. Человек скорее достигнет здоровья и благоденствия, если будет выполнять законы природы. Медикаменты для этого не требуются. Я не принимал и не принимаю их уже много, много лет».

*

Вот пара слов об экспериментах, которые проводятся с молчаливого согласия ученого сообщества и так называемых органов здравоохранения.

Дельфины, интеллект которых, возможно, превышает человеческий, испытывали в ходе опытов такие страдания, что кончали жизнь самоубийством.

В США ежегодно замучивают до смерти примерно 90 миллионов животных, из них 34 миллиона – в фармацевтической индустрии, несущей, кроме того, ответственность за смерть десятков тысяч людей, потому что эти эксперименты совершенно ненадежны и выполняют лишь функцию алиби.

В британском Исследовательском центре Хантингтон (Huntington Research Center) кроликам наносили шампунь на глаза, и боль оказывалась настолько сильной, что обычно молчаливые животные начинали кричать (среди фирм, которые проводили такие опыты, – Revlon, Wella, Elizabeth Arden, Fabergé, Gillette, Coty, Germaine Monteil, Helena Rubinstein, Johnson & Johnson). Компания “Yardley” утверждает, что несколько лет назад отказалась от использования животных.

Для исследования болевого эффекта собак и кошек помещали на горячие пластины; животные устраивали пляску и пытались дуть на обожженные лапы.

Когда бигли, которых использовали в стандартных тестах на принудительное кормление, умерли после нескольких дней страданий, то оказалось, что кровь их приняла шоколадно-коричневый цвет.

Животных разных видов обездвигивали с помощью смирительных рубашек до тех пор, пока они не сходили с ума либо же у них наступал паралич.

Обезьян фиксировали на штативе так, что они не могли двигаться, и регулярно наносили им удары током в течение периода, достигавшего 23 дней – по прошествии этого срока последнее животное умерло от язвы желудка.

Собакам в корневых каналах зубов просверлили отверстия, чтобы пронаблюдать, как животные во время еды будут решать проблему с зубной болью.

Котятам зашили глаза, чтобы выяснить, как они будут реагировать на непрерывную темноту. Этот эксперимент, который уже неоднократно проводили во многих странах, повторяют вновь и вновь, в том числе и в Швейцарии.

Крыс бросали в сосуд с водой, чтобы выяснить, через какое время они утонут. Некоторые сдавались сразу и в «безнадежности» шли ко дну, а другие плавали до 60 часов, прежде чем сдавались.

Животных вращали в барабане Нобла-Коллипа, чтобы выявить воздействие бессонницы. Некоторые, прежде чем умереть, выдерживали до 30 дней кувыркания в барабане.

«Полка для изнасилования»

В то время как мировая пресса в целом весьма редко оказывается готова рассказать правду об опытах на животных, по меньшей мере, одна канадская газета, “Toronto Sun” в последние годы неоднократно и решительно затрагивала эту тему. В статье Петера Ворthingтона «Научный садизм в лабораториях» (Peter Worthington, Scientific Sadism in Labs) говорится следующее:

«Самые тщательно скрываемые тайны в Канаде и США касаются не шпионов, не процентных ставок и не президентских бассейнов, а того, что происходит в университетских лабораториях и исследовательских заведениях при экспериментировании на животных».

Ворthingтон сообщает о собаках, которых вращали в барабанах, пока они не умирали, о белых медведях, которых кормили сырой нефтью, о самках обезьян, которых фиксировали на «полке для изнасилования» и оплодотворяли, и которые потом ударяли своих детенышей мордой об пол, разрывали их на части и разгрызали им череп. Все это призвано было продемонстрировать, что дети, подвергавшиеся жестокому обращению, в дальнейшем будут плохо обращаться и со своими детьми. А потом садисты повторяли свои эксперименты. И, как обычно, психически больные люди под предлогом уменьшения боли и страданий изобретают новые способы издевательства над животными в беспрецедентных масштабах. А еще эти откровенные садисты находятся под защитой законодателей, которые столь же откровенно неспособны создать цивилизованные законы.

*

Колин Блейкмор (Colin Blakemore), исследователь из Кембриджа, продолжал делать эксперименты, о которых мы уже говорили в «Убийстве невинных». То есть, он вместе с другими «учеными» поворачивал глаз коту Альберту на 102 градуса, а кошке Виктории – на 77 градусов. «Операцию» эту делали, когда котяткам было по 12 дней от роду. Потом их держали по 18 часов ежедневно в освещенной комнате. Через 9 месяцев с ними провели «поведенческий тест», длившийся 10 месяцев. Сообщается, что «они оказались в состоянии избегать соприкосновения с предметами при передвижении между препятствий», и они использовали только тот глаз, который им выворачивали (“Experimental Brain Research”, выпуск 25, 1976).

А вот официальная пропаганда, о которой сообщает “Animal Defender” за декабрь 1980.

Как сообщают Г.Б. Стоунер (H.B.Stoner), А. Хант (A.Hunt), Дж. Хадфильд (J.Hadfield) и Г.В. Маршалл (H.W.Marchall) из Университета Манчестера (University of Manchester, “British Journal of Experimental Pathology”, 61, с. 61-68): «Вероятно, этот эксперимент излишен, и с ним можно не соглашаться. Но подавляющее их большинство совершенно безболезненно».

А вот что пишут Г.М.Г. Ву (H.M.H.Wu), В.Г. Холмс (W.G.Holmes), С.Р. Медина (S.R.Medina), Дж. П. Сакет (G.P.Sackett) из Университета Вашингтона (University of Washington, Сиэтл) в “Nature”, №285, 1980, с. 225-227: «И, конечно, мы должны помнить, что опыты приносят благо самим животным».

И, наконец, Д.Ф.Дж. Роум (D.F.J.Rome), Дж. Геден (G.Gedeon), Дж. Брум (J.Broom) и А. Флек (A.Fleck), отделение патологической биохимии, Западная больница (Western Infirmary), Глазго (“British Journal of Experimental Pathology”, №60, 1979, с. 589): «Мы должны признать, что те, кто уполномочены проводить опыты на животных, любят животных, но способны смотреть на ситуацию в перспективе».

В Швейцарии эксперименты Блейкмора постоянно повторяют в Институте Анатомии Университета Лозанны. На эту тему вышел материал в “Tribune de Lausanne” 5 октября 1981 года вскоре после появления французской версии «Убийства невинных» (“Ces bêtes

qu'on torture inutilement"). В публикации говорилось, что иностранным ученым разрешили проводить тут эти опыты после того, как они не смогли получить разрешение у себя на родине по причине бессмысленности и жестокости названных исследований. Но в Швейцарии все удалось. Репортаж настолько возмутил общественность, что руководство прекратило эти эксперименты. Но, как обычно, речь шла об обмане, ибо по прошествии недолгого времени их опять стали втихую проводить, и они продолжают до сих пор.

*

Когда в 1980 году участники британского Фронта освобождения животных ворвались в исследовательскую лабораторию, расположенную близ Кембриджа, и обнаружили там коз, которым удалили вымя и пересадили его на шею, то полиция быстро задержала фотографа, конфисковав у него фотоаппарат и пленки. Прежде всего требовалось защищать экспериментаторов и уничтожить все доказательства, потому что в Англии есть закон «О государственной тайне» (Official Secrets Act), запрещающий всякую съемку в лабораториях. В "Guardian" от 1 июля 1980 года сообщается следующее:

«Совет по сельскохозяйственным исследованиям, в ведении которого находится Бабрахам Холл (Babraham Hall), заявил, что осуждает это нападение. Он указывает: "В лаборатории Бабрахам работники обращаются с животными спокойно и дружелюбно, и живут они в спокойной обстановке. Скрип открывающихся окон и вспышки камер вызвали у них серьезный стресс"».

По сравнению с такими образчиками чисто британского лицемерия откровенность более раскрепощенных американских вивисекторов воспринимается просто как глоток свежего воздуха. Пример тому – заявление профессора Джорджа Вакерлина (George Wakerlin), о котором сообщает "The National" (июнь 1954): «Я не желаю иметь дело ни с чем, имеющим связь со словом "гуманный"». Или доктор Гарри Ф. Харлоу (Harry F. Harlow), руководитель приматологического центра в Университете Висконсин (University of Wisconsin Primate Center), в интервью для "Pittsburg Press" (27 октября 1974): «На самом деле, я не люблю животных. Я терпеть не могу кошек, ненавижу собак. Как можно любить обезьян?» Он якобы для изучения основ любви разлучал новорожденных детенышей шимпанзе с матерью и держал их в полной изоляции и темноте на протяжении периодов, достигавших 8 лет, чтобы пронаблюдать за их развитием.

*

В 1950 году Генри Фостер (Henry Foster), ветеринар родом из Бостона, занялся разведением лабораторных животных и основал компанию Charles River Breeding Laboratories, Inc. Она оказалась исключительно прибыльной. В 1977 году фирма заработала 15 миллионов долларов на разведении биглей, которые предназначались для экспериментаторов, и ее прибыль продолжала расти. Вот что сообщает журнал "Time" (28 апреля 1980), чьи авторы сохраняют чувство юмора даже тогда, когда речь идет о вивисекции:

«В этом году компания разошлет более 18 миллионов чистокровных животных по всему миру, и во имя науки они будут заниматься развратом, лопать сахарин, пить ликер и вдыхать сигаретный дым».

Тем не менее, США, международный лидер по вивисекции, занимают только 17-е место по продолжительности жизни – хотя предпринимаются колоссальные усилия для продления жизни смертельно больных пациентов, а последние годы своей жизни многие американцы проводят в палатах интенсивной терапии, находясь в состоянии длительной агонии.

Приблизительные подсчеты показывают, что в Америке смертность от сердечных приступов возросла с 400 тыс. случаев в 1949 году до 800 тыс. случаев в 1973 году, а смертность от рака – с 68 случаев на 10 тыс. человек до 170 случаев. В 1900 году в

Америке от диабета умерло 12,2 человека на 100000 населения, а спустя 75 лет «прогресса», когда частота экспериментов возрастала в геометрической прогрессии, и миллионам собак удаляли поджелудочную железу, смертность от этой болезни достигла показателя 18,5 случаев, то есть, возросла на 52 процента. Невероятный успех!

Тысяча лет вивисекции не дала ни одного способа лечения болезней, зато принесла людям безмерные страдания.

*

О большинстве исследований в печати не сообщают, и поэтому бывает трудно подтвердить идею, что они призваны удовлетворять важные человеческие потребности, а не любопытство и тщеславие их авторов.

«В то время, как в нашем процветающем обществе тысячи пожилых людей умирают от воспаления легких, потому что стоимость отопления оказывалась им не по карману, Кампания по исследованию рака (Cancer Research Campaign) смогла в прошлом году выделить ученым 7,5 миллиона фунтов. Подобные объединения получают десятину от суеверных людей, полагающих, что пожертвование служителям медицины поможет спастись от злых духов. Общество больных корковым параличом тоже поддерживает ученых и направляет им 3 миллиона своих средств. Это общество финансировало исследовательскую программу в больнице Гай (Guy's Hospital) стоимостью в 2 миллиона фунтов; и тут нельзя не вспомнить ярчайшее описание, сделанное матерью одного молодого ученого. Отвращение в нем взяло верх, и он отказался от карьеры, когда услышал крик животного на последнем этаже крупной лондонской университетской больницы. Молодой человек поднялся в лабораторию и увидел животных, на которых изучали мышечную дистрофию, и которые медленно передвигались в предсмертной агонии, волоча за собой задние лапы» (из "Clarion", печатного органа Ассоциации за права животных (Animal Rights Association), Лондон, февраль 1980).

*

«Новое американское исследование опровергает идею, которая считалась верной в течение 35 лет, и которая заключается в том, что у женщин, регулярно принимающих таблетки с эстрогеном, не возникает рак груди. Сообщение ученых указывает на то, что данные медикаменты могут, напротив, вызвать болезнь. Только в Америке врачи прописали эстроген примерно 5-6 миллионам женщин среднего возраста» ("International Herald Tribune", 17 августа 1976 года).

*

Из статьи «Наша больная система здравоохранения» (Our Ailing Health System, "The Progressive", январь 1977):

«Работа американского здравоохранения в прошлом году дает повод для беспокойства – и не только в связи с программой по свиному гриппу. В сентябре ее начали реализовывать, и в то же самое время вышел доклад, подготовленный специальной комиссией Администрации по пищевым продуктам и лекарственным препаратам, где указывалось, что лекарства, предотвращающего либо излечивающего насморк, не существует, вместе с тем, американские фармацевтические предприятия производят 35 тыс. разных препаратов от простуд, а потребители ежегодно тратят на них 350 миллионов долларов... Приоритеты определяет погоня за личной прибылью... Фармацевтические концерны запустили производство вакцины от свиного гриппа только тогда, когда получили гарантию, что их защитят от возможных исков, требующих возмещение вреда. (Это означает, что производители прекрасно понимали, что эта вакцина может вызывать – нежелательные побочные эффекты. Последние не заставили себя долго ждать: у значительного числа вакцинированных пациентов наблюдался паралич, были и смертельные случаи. Ответчиком в суде выступило американское правительство, и именно его обязали выплатить немалые суммы пострадавшим либо их семьям – Г.Р.)

В нашей экономике система здравоохранения стала одним из ведущих источников личной прибыли... Продолжается расширение больниц, несмотря на то, что из 900 тыс. больничных койко-мест 25% пустуют».

*

В то время как ежегодно около 400 миллионов человек умирают от недоедания, а врачи всего мира наживаются путем расчленения здоровых зародышей, другие врачи просят денег на «производство» детей в пробирке.

Добавьте альтернативы

Ванкуверское издание “Province” от 22 июня 1980 года сообщает, что метод, используемый доктором Хансом Стичем (Hans Stich) из Центра раковых исследований Британской Колумбии (British Columbia Cancer Research Center), требует всего недели для проверки химического вещества на канцерогенность и обходится в 600 долларов за субстанцию; между тем обычно, при использовании животных, исследование длится три года и стоит 200 тыс. долларов. Но для большинства сегодняшних ученых, воспитанных в вивисекционных лабораториях, опыты на животных стали самоцелью. Кроме того, использование надежных научных методов требует серьезного образования и интеллекта, а травить или резать животных, чтобы рассказать об увиденном, способен любой дурак. Тут даже не обязательно делать какие-то полезные выводы.

*

Невзирая на то, что ужасы вивисекционных лабораторий в последние годы получили большую огласку в СМИ, ни одно из западных направлений Церкви не сделало официальных заявлений против вивисекции. Более того, некоторые из ее руководителей поддерживали эту гнусную практику, мотивируя это тем, что «на первом месте – люди». Иудейско-христианские конфессии декларируют себя религией для бедных и униженных, но в реальности являются религией богатых и могущественных (см. также главу «Религия» в «Убийстве невинных»). По сути вивисекция являет собой серьезнейшее нарушение главного принципа христианства – смирения, бескорыстия и милосердия. Неудивительно, что молодежь все чаще отпадает от традиционных западных религий и обращается к религиям Востока, особенно к буддизму, который учит состраданию ко всем живым существам и напоминает: «Все зло, которое человек причиняет животным, природе или людям, вернется ко всему человечеству».

*

Тем временем все больше и больше честных докторов начинают осознавать происходящее, и оно им совсем не нравится. Вот что написал американский врач Кит Алан Ласко (Keith Alan Lasko) в «Многомиллиардном медицинском обмане» (The Great Billion Dollar Medical Swindle):

«Если бы пациенты знали, что несколько капсул хлоромидетина может вызвать необратимое разрушение костного мозга, а также лейкемию, то стали бы они его принимать? Тем не менее, продажи хлоромидетина постоянно растут. В 1976 году врачи выписали полмиллиона рецептов этого препарата. Я помню ребенка, умиравшего от апластической анемии после того, как врач выписал ему хлоромидетин от простуды (от насморка!). Родители плакали, ребенок истекал кровью. Меня предупреждали несколько врачей: я буду иметь серьезные неприятности, если скажу родителям, что их ребенок умирает от лекарства, выписанного врачом.

Если хирургу снять маску, то он, несмотря на свой лоск, самомнение и манию величия, окажется всего лишь одним из богатых людей с долларами вместо глаз. При ближайшем рассмотрении быстро выясняется, что не такой уж он и умный, хоть общественность его и превозносит. На самом деле это всего лишь техник, который мало чем отличается от ремесленников, вроде резчиков по дереву или каменщиков, и торговцев, вроде резчиков мяса и работников убойного пункта».

Падший ангел

Когда несколько лет назад по громкоговорителю на стадионе Маракана (Maracanã stadium) объявили фамилию одного иностранного посетителя, который пришел на матч, 135 тыс. футбольных болельщиков разразились такими аплодисментами, словно их команда забила решающий гол в последние полминуты. Они еще не знали, что приветствовали виновника серьезнейших медицинских неудач со времен профессора Сергея Воронова; последний в 1920-е годы объявил, что может вернуть потенцию дряхлым старикам через пересадку половых желез шимпанзе.

В Рио футболисты аплодировали доктору Кристиану Барнарду (Christiaan Barnard), кейптаунскому жонглеру сердцами. В 1967 году миллионы доверчивых людей объявили его Новым спасителем человечества. Тогда казалось, что он близок к осуществлению давней мечты людей о вечной молодости, ибо он мог заменить использованные сердца и другие органы на новые, жизнеспособные.

Между тем, такие операции делали многие другие хирурги, но потом отказались от них и признали их глупостью. Такого мнения придерживался, например, доктор Майкл Дебейки (Michael DeBakey), хирург-кардиолог №1 в Америке. У других хирургов, глубоко понимавших вопросы биологии, хватило благоразумия не прибегать к эксперименту, потому что они предвидели результат.

Медицине давно известно, что иммунная система любого живого организма рано или поздно начнет отторгать чужеродную ткань. Чтобы заставить организм в течение некоторого времени терпеть подобный не свойственный ему материал, необходимо подавить служащую поддержанию нашего здоровья иммунную систему; это дает зеленый свет для любой болезни – от смертельной инфекции до рака.

Невзирая на все хорошо известные факты, Барнард снимает с себя ответственность за раннюю смерть своих пациентов, которым он делал трансплантацию. В сообщении Рейтер из Кейптауна цитируется его невероятное заявление:

«Отторжение чужеродного органа не является серьезной проблемой. После целой серии операций мы не потеряли ни одного пациента вследствие отторжения органов. Они умирали от инфекции, эмболии легочных сосудов или в результате самоубийства» (“The Vancouver Sun”, 2 февраля 1978).

*

Малкольм Муггеридж (Malcolm Muggeridge), известнейший британский журналист, писал так откровенно, что некоторые его статьи не печатались в его стране: они подпадали под «закон о клевете», запрещающий частным лицам печатать неприятные материалы, даже если их правдивость можно было доказать. Поэтому Муггеридж порой имел возможность выпустить их только в США. В “Human Life Review” (зимний выпуск 1980, том VI, №1) он опубликовал тщательное исследование пересадок сердца, которые делал Кристиан Барнард, и штрихи к портрету вышеназванной личности.

О некоем Вашкански (Washkansky), первом пациенте, прошедшем через барнардовскую пересадку сердца, Муггеридж пишет следующее:

«Сердце работало, и пациент в некоторой мере жил. Со всего мира ему шли поздравления, его атаковали телевизионные камеры. Эксклюзивное право на вещание вело к непристойным сценам в больнице. Пациента заставили играть, на него светили

прожектора. Его встречу с любящими родственниками снимали на киноленту, и он смог произнести несколько бодрых слов. Через 18 дней пациент с благодарностью испустил последний вдох. «Они убивают меня, – произнес он перед смертью. – Я не могу спать, я не могу есть, я вообще ничего не могу делать. Они все время, днем и ночью, обкалывают меня. Я схожу с ума».

Следующий пациент после Вашкански, зубной врач Филипп Блайберг (Philip Blaiberg), смог прожить почти два года, но качество его жизни было ненамного выше, чем у его товарища по несчастью. В ходе рассказа, предназначенного для широких масс – опять же, на него были эксклюзивные права – пациент был обязан держаться бодрячком, и всего через три недели после получения нового сердца он смог сообщить людям, с нетерпением ждущих новостей, что успешно совершил половой акт...»

Простодушные пациенты подвергались неимоверным страданиям со времен этих первых барнардовских опытов, которые получили широкое освещение в СМИ. Только вот он был не первым, кто проводил пересадки сердца. Он всего лишь впервые делал на этом рекламу.

Доктор М.Х. Паппворт (M.H. Pappworth), выдающийся лондонский врач и всемирно известный преподаватель клинической медицины пишет в книге «Люди в роли подопытных кроликов» (Human Guinea Pigs) (Pelican Books, 1969) следующее:

«Ни один врач, каким бы опытным он ни был, не в состоянии точно оценить ожидаемую продолжительность жизни без трансплантата и период, длящийся от момента, когда кажется, что трансплантат приживается, до его окончательного отторжения».

К сожалению, доктор Филипп Блайберг не прочитал эти строки, прежде чем согласиться на барнардовский эксперимент, который преумножил славу хирурга и страдания пациента. И ведь никто не докажет, что эти муки продлили ему жизнь – быть может, наоборот, сократили.

Как указывает дочь Блайберга Джилл в сообщении ЮПИ из Кейптауна, 19 месяцев, прожитые отцом ее после операции, были «адом».

«Не знаю, в лекарствах ли дело или в трансплантате, но он стал другим человеком», – сказала в интервью 22-летняя мисс Блайберг. – «С психической точки зрения жизнь моего отца после пересадки стала адом. Он беспрерывно страдал, но не хотел, чтобы мир это узнал».

Доктор Барнард тоже этого не хотел.

Когда СМИ все еще пытались выставить его в образе чудо-доктора, они умалчивали то, что о нем писали в «Hospital Medicine»: после пересадки у Блайберга было два сильных сердечных приступа, серьезная желтуха в результате реакции на медикаменты и, наконец, менингит вследствие ослабленного иммунитета. Все это произошло из-за подавления иммунной системы, призванного предотвратить отторжение чужого сердца. В итоге, Блайберг стал хроническим больным, находящимся на грани смерти.

Доктор Паппворт в книге «Люди в роли подопытных кроликов» пишет:

«Я совсем не уверен, что такое положение вещей для пациента хоть сколько-нибудь лучше, чем болезнь, от которой должна спасти трансплантация... Люди должны знать, что операция по пересадке никогда не излечивает основное заболевание и не делает пациента здоровым человеком... Вся трансплантология – это признание ошибок, допущенных при ранней диагностике и лечении».

Но увы! Профилактика означает здоровье без затрат на медикаменты и операции. Она означает отказ от сенсационных газетных статей, от оваций со стороны 135 тыс. футбольных болельщиков, от славы и денег для исследователей, вивисекторов, лечащих врачей и химико-медицинского комбината. Вот почему опыты на животных и людях должны продолжаться до тех пор, пока общественность, наконец, не проснется, не узнает правду и не восстанет, требуя новых законов.

22 июня 1977 года в сообщении из Кейптауна говорилось о том, что в больнице Грут Шур (Groote Schuur) умерла 25-летняя итальянка после того, как Барнард имплантировал ей в грудь сердце павиана вдобавок к ее собственному сердцу.

Эта операция относилась к числу отчаянных опытов, которые Барнард начал многими годами ранее на беззащитных животных разных видов (в том числе обращение вспять родов у десятков собак, это он описывает в своей автобиографии), а затем распространил на доверчивых пациентов, как это делает большинство экспериментаторов при наличии малейшей возможности.

Вот что пишет итальянская газета “Corriere della Sera” о быстрой смерти той молодой женщины:

«Последняя операция Барнарда довольно неоднозначна, особенно с учетом того, что итальянской пациентке должны были имплантировать сердечный клапан – что даже в нашей бедной Италии является стандартным вмешательством...

Первопроходцем в этой области (пересадка сердца обезьяны человеку – Г.Р.) является доктор Джеймс Харди (James Hardy) из Университета Миссисипи (Mississippi University), который 21 января 1964 года пересадил сердце обезьяны 68-летнему человеку, находящемуся на пороге смерти. Пациент, мистер Раш, умер два часа спустя. Главный вывод Харди: сердце обезьяны слишком мало, чтобы поддерживать кровообращение человека».

Далее итальянская газета указывает: «Барнард косвенно признает, что сделал ошибку. “Эта неудача должна нам послужить уроком... В следующий раз мы проведем исследования с сердцем шимпанзе”. Но такие эксперименты уже проводил доктор Джеймс Гарди десять лет назад».

В результате возмущения, которое выразили медики со всего мира в связи со смертью молодой итальянки в июне 1977 года, состоялось расследование. Как и следовало ожидать, комитет южноафриканский коллег объявил Барнарда невиновным. Ему не пришлось издавать отчаянный крик: «Меня обвиняют в том, что я пытался спасти человеческую жизнь!»

По-видимому, этот новый провал впечатлил его не больше, чем открытия доктора Харди, полученные много лет назад и заключающиеся в том, что сердце шимпанзе, как и сердце павиана, неспособно поддерживать правильное кровообращение у человека. Спустя несколько месяцев Барнард столь же «успешно» повторил все на очередной обезьяне и очередном пациенте, невзирая на всеобщее осуждение и критику со стороны родственников его последней жертвы.

Сообщение из Кейптауна, опубликованное в “The Vancouver Sun” 22 июня 1977 года, имело заголовок «Муж пациентки, которой делали трансплантацию, винит в ее смерти хирургическое вмешательство» (Transplant patient’s spouse blames operation for death). В нем говорилось следующее:

«Муж молодой итальянки, которая умерла после пересадки ей сердца павиана, убежден, что его супруга осталась бы жива, если бы ей не делали операцию.

“Если бы группа хирургов не стала делать ту трансплантацию, моя жена была бы жива до сих пор”, – заявил Портелло в интервью для англоязычной газеты “The Citizen”. – “Я убежден, что с этой операцией что-то было не так”.

Сегодня доктор Барнард заявил в Лондоне, что на момент операции не было человеческих сердец.

“Это был экстренный случай, и в нашем распоряжении не было человеческих сердец. Поэтому я попробовал сердце обезьяны в надежде, что таким образом либо сердце пациентки восстановится, либо пересаженный орган будет поддерживать пациентку до тех пор, пока у нас не появится человеческое сердце”».

Кроме того, 7 июля 1977 года еженедельное итальянское издание “Stop” опубликовало дополнительную информацию:

«Люди, которые в последнее время контактировали в Барнардом, говорят, что он находится на грани физического и психического слома. Вдовец Марилены в отчаянии и часто обвиняет знаменитого южноафриканского хирурга. “Они хотели

экспериментировать на моей жене”, – говорит он. Отец Марилены тоже бросает горькие упреки. Как и его зять, он убежден, что Барнард совершил ошибку...

В подобные страшные моменты, когда жизнь человека висит на волоске, врач должен действовать рефлекторно и иметь крепкие нервы, а у Барнарда, к сожалению, этого больше не было».

Барнард признавался, что его пальцы уже в 53 года потеряли подвижность из-за артрита, в результате, он не мог держать скальпель в течение всей операции и передавал его ассистентам.

«Клинический нонсенс» – так охарактеризовало дикий эксперимент Барнарда авторитетное французское издание “Le Monde”. Но южноафриканского героя было не так-то просто вывести из себя. Через 4 месяца он предпринял очередную попытку. Хотя он и взял обезьяну другого вида, попытка увенчалась провалом.

31 декабря 1977 года в “Hamburger Abendblatt” вышло следующее письмо двух немецких психиатров, Маргот и Герберта Штиллеров (Margot Stiller, Herbert Stiller):

«Ради столь часто декларируемого и столь редко имеющего место паритета мнений в СМИ следовало бы ближе проанализировать деятельность профессора Барнарда. Очевидно, в Германии никто не рискует открыто заявить, что, когда Барнард вырезал обезьянам сердца, они находились в полном сознании (пожалуй, единственным изданием, которое все же отважилось это сделать, оказалась мюнхенская “Abendzeitung” от 23 июня 1977 – Г.Р.). Немецкий лауреат Нобелевской премии профессор Вернер Форсман (Werner Forssmann) безжалостно назвал барнардовские пересадки сердца “преступными операциями”. Канадский хирург-кардиолог профессор Каллагхан (Callaghan) обвинил Барнарда в опытах на человеке, а шведский кардиолог профессор Ларс Векое (Lars Wekoe) назвал его операции “безответственными с точки зрения науки”. Нынешние пересадки сердца обезьян, которые представляют еще большую опасность, заслуживают не менее жесткой оценки».

Та гамбургская газета опубликовала, среди прочего, следующую выдержку из письма Штиллеров:

«Слишком много внимания приковано к тонкой и честолюбивой душе профессора Барнарда. Ни для кого не новость тот факт, что от критики у него начинаются приступы астмы.... Предлагаем поменьше беспокоиться о тонкой душевной организации профессора Барнарда и побольше – о его возможных пациентах, которые ничего не подозревают».

Многие медики выражали удивление, почему южноафриканские власти не препятствовали тому, чтобы Барнард продолжал орудовать своим злополучным скальпелем, проводя очередные опыты на пациентах. Сам он по неосторожности признался в статье, опубликованной в “Stop”, об ослаблении своих позиций после того, как высказал мнение, что Южная Африка должна «убивать своих врагов». Большинство газет, принадлежащих истеблишменту, не стали печатать эту новость. Но она появилась в некоторых европейских изданиях, например, в европейской ежедневной газете “Bild” (27 июля 1979 года), а также в “Star” (7 августа 1979 года, Торонто). Это был специальный репортаж из Кейптауна под заглавием «Доктор Барнард хочет убивать врагов государства» (Dr. Barnard wants state enemies “murdered”). В ней говорится следующее:

«Профессор Кристиан Барнард, всемирно известный хирург-трансплантолог, шокировал своих соотечественников, предлагая ЮАР “убивать своих врагов”.

Барнард заявил, что он сам назвал правительству ЮАР имена людей, которых, по его мнению, следует устранить.

“ЮАР определено должна убить своих врагов”, – заявил Барнард в интервью для воскресной газеты “Rapport”, выходящей на языке африкаанс.

Противоречивый хирург, который делал много сомнительных заявлений с тех пор, как выполнил первую в мире пересадку сердца в 1967 году, на этот раз, пожалуй, зашел чересчур далеко.

Шокированные медики заявили вчера, что ни один доктор не присоединится к барнардовскому призыву убивать...

Один выдающийся врач сказал: “Слова профессора Барнарда противоречат клятве Гиппократата, которую давали все врачи. Ввиду своей профессии все доктора посвящают себя сохранению жизни”».

Но власти ЮАР считали Барнарда национальным героем и не хотели делать никаких нелепых заявлений о своем сверхчувствительном детище.

Тем временем начали появляться признаки того, что отношение общественности к нему меняется даже в ЮАР. Профессор Дойль (G.A.Doyle), руководитель Приматологического исследовательского центра при Университете Витватерсранд (University of Witwatersrand, Йоханнесбург) заявил в сообщении из Кейптауна, напечатанном 15 октября 1977 года в “Toronto Star”, что вторая безуспешная попытка Барнарда пересадить сердце обезьяны была «абсолютно аморальна». Кроме того, там можно прочитать следующее: «На нашей планете 4 миллиарда человек и только немного шимпанзе».

Далее в статье говорится:

«В обезьяньих клетках на кардиологической станции Барнарда в кейптаунской больнице Грут Шур (Groote Schuur Hospital) можно было видеть драматические сцены. Покинутый шимпанзе – у его подруги забрали сердце для операции – метался по клетке и непрерывно кричал от горя. Один работник больницы сказал: “Я больше не могу такое выдерживать. Это животное заставляет всех нас испытывать страдания и чувство вины”».

А каков результат этого ужаса? Другое сообщение из Кейптауна, которое вышло в августе 1970 года в “Toronto Sun”, дает следующее резюме:

«В мире было сделано 159 пересадок сердца, но в живых остается только 21 реципиент. Единственный пациент из Чехословакии, которому пересадили сердце, прожил после вмешательства 5 часов. Единственный пациент из России прожил один день.

Во Франции три команды хирургов выполнили по операции. Ни один из пациентов не прожил дольше двух дней. В Испании единственный человек, получивший донорское сердце, умер через два дня.

В двух случаях, когда оперировала немецкая команда врачей, пациенты умерли в тот же день. Еще один реципиент сердца из Германии умер на следующий день после операции. В Индии команда врачей сделала две пересадки. Один пациент прожил два часа, другой 14. В Венесуэле единственный пациент, получивший донорское сердце, умер через 6 часов после вмешательства...

Аргентинские врачи пробовали делать это лишь один раз: пациент прожил 15 часов после пересадки... Единственный австралийский реципиент сердца умер спустя 14 часов.

В США команда врачей из Юго-Западного медицинского центра в Далласе увидела смерть своего первого пациента через 1,5 часа после операции. Второй прожил 5 часов. С тех пор эта команда больше не делала пересадок. А в больнице Биллингс при Университете Чикаго (University of Chicago Billings Hospital) единственный пациент, которому пересадили сердце, умер через 5 часов.

Единственная пересадка сердца, сделанная в Ведомстве по делам ветеранов (Veterans Administration) в г. Хинес, штат Иллинойс, закончилась смертью пациента через 4 часа. В Больнице Аллегени (Allegheny General Hospital) в Питтсбурге единственный пациент с пересаженным сердцем прожил два дня».

Действительно, триумф чудо-хирургов! Очевидно, правительства разных стран поддались на пропаганду со стороны медико-фармацевтической картели и поверили, что за решетку посадили не тех животных. И многие доверчивые пациенты ныне покойные, могли бы остаться в живых еще долго, если бы у некоторых хирургов была толика совести или здравого смысла.

Последняя статья, которую написал брат доктора Барнарда, тоже хирург, вышла в 1970 году. С тех пор выживаемость при трансплантации увеличилась. Но это может означать только продление страданий больного, а они бывают значительными. Я сам видел в 1979 году француза, который на тот момент прожил после операции дольше всех. Его постоянно накачивали лекарствами, чтобы подавить всякую иммунологическую реакцию, а по его одутловатому лицу и телу можно было судить о не очень-то завидном состоянии.

Да и кто знает – вероятно, он продолжал бы жить и лучше себя чувствовал, если бы в груди у него билось свое сердце, а не донорское.

Особенно показательно то, что сообщает доктор медицины Лотар Рейхенбахер (Lothar Reichenbacher) в журнале “Bild der Wissenschaft” (Штутгарт, №1, 1976). После того, как Кристиан Барнард сделал первую пересадку сердца, хирурги-кардиологи в Берлине и Мюнхене воскликнули «Я тоже так могу» и схватились за скальпель. Первые три немецких «подопытных кролика» умерли в течение 24 часов. Четвертый еле-еле спасся от такого «побочного эффекта». 4 декабря 1968 года его уже почти начали оперировать – а для получения согласия на операцию больному внушили, что без нее он проживет не более 24 часов. Но в последний момент возникли проблемы с семьей донора сердца, и операцию отменили. В результате, как сообщает, доктор Лейхенбахер, семь лет спустя пациент был все еще жив!

А почему бы не пересадить еще и легкие?

Может быть, постоянные неудачи при пересадке сердца убедили хирургов последовать примеру доктора Майкла Дебейки (Michael DeBakey) и отказаться от подобных сумасшедших экспериментов? А еще обратиться к учению Гиппократу, которое ставит целью поддерживать здоровье и благополучие, вместо того, чтобы нести страдания и смерть? Нет, ни в коем случае! Экспериментаторы решили иначе: расширить свои хирургические авантюры и попробовали пересадить легкие и сердце одновременно, чтобы посмотреть результат. И произошло следующее.

11 марта 1981 года мировые СМИ сообщили, что такую пересадку сердца и легких в четвертый раз за историю медицины сделали в больнице Стэнфордского университета (штат Калифорния) 45-летней Мэри Гольке (Mary Gohlke) из г. Меса, штат Аризона, и что через два дня после операции пациентка была «в сознании, но в критическом состоянии». В газетной статье также указано, что трое других пациентов, которым сделали подобную операцию в промежутке с 1968 по 1971 г., прожили от 8 до 23 дней. Тем не менее, по словам представителя больницы, у госпожи Гольке были «хорошие шансы на выживание», благодаря «новому» препарату, который носил таинственное и многообещающее название циклоспорин А. Но пациентка не выжила.

А еще есть костный мозг!

30 января 1981 года в газете “Evening Tribune” (Хернелл, штат Нью-Йорк) вышла статья под названием «Реципиент костного мозга умер» (Bone Marrow Recipient Dead).

Кливленд (ЮПИ): «Смерть младенца, которому сделали пересадку костного мозга от неназванного донора для излечения редкого заболевания костного мозга, не перечеркивает использование в будущем этой новой методики при попытках вылечить болезнь.

Камран Фазили (Kamran Fazili), 10-месячный сын индийской супружеской пары, проживающий в Уильямсвилле, штат Нью-Йорк, умер вчера в детской больнице Rainbow. У него был остеопетроз, который также называют мраморной болезнью.

Доктор Петер Коцция (Peter Coccia), руководитель группы хирургов из 10 человек, проводивших 20 января операцию, заявил, что у этого мальчика возникли осложнения из-за процедур, которые требовались при подготовке к операции и для предотвращения отторжения костного мозга.

“Смерть наступила вследствие того, что интенсивная химиотерапия и облучение, необходимые для подготовки младенца к трансплантации, привели к осложнениям”, – заявил Коцция. “После пересадки прошло слишком мало времени, чтобы установить, функционирует ли новый костный мозг”, – добавил он».

Законы биологии таковы, что отторжение чужеродного тела можно предотвратить только через ослабление защитного механизма, сохраняющего здоровье, и поэтому данные исследования – тупиковый путь. Только слепые не в состоянии видеть признаки его бесперспективности.

Новый бросок к сумасшествию

«Приближается стадия испытаний искусственного сердца на человеке» (Artificial Heart Finally Nears Trial in Humans), – такой заголовок во всю страницу появился 3 февраля 1981 года в “New York Times”. Это была верная предпосылка к тому, что в будущем простодушным людям придется страдать еще больше, что воздастся им за все истязания тысяч животных в XX веке, когда на последних пробовали огромный арсенал искусственных сердец.

Как и в каждом направлении экспериментальной медицины, в данной сфере неизменно будут нечистоплотные врачи, и станут они убеждать своих пациентов, что их жизнь можно спасти только через имплантацию искусственного сердца, и, разумеется, найдутся пациенты, которые дадут согласие.

Статья в “Times” воскресила в памяти некоторые давно забытые сообщения.

«В 1969 году доктор Дентон Кулей (Denton Colley) из Техасского Кардиологического Института (Texas Heart Institute) пересадило искусственное сердце 47-летнему человеку, который находился на грани смерти. Оно поддерживало пациента 60 часов – этого времени достаточно, чтобы найти донора натурального сердца. Но через 32 часа после трансплантации больной умер от воспаления легких и воздействия лекарств, которые были необходимы, чтобы предотвратить отторжение. С тех пор, насколько известно специалистам, никто больше не отваживался на такую авантюру».

Некоторым врачам разрешали делать разумные и реалистичные прогнозы в небольших газетах, которые, очевидно, не зависели от рокфеллеровского центра. 11 февраля 1981 года в “Lethbridge Herald” появилась статья под названием «Сердечная трансплантология в тупике» (Heart Transplants ‘dead end’). В этой публикации из Калгари говорится:

«Надежда обеспечить людей с больным сердцем “запасными частями” вступила в противоречие с суровой реальностью, говорит кардиохирург доктор Джон Каллаган (John Callaghan), руководитель отделения грудной и сердечно-сосудистой хирургии в Университетской больнице Эдмонта (Edmonton University Hospital). По его словам, такая операция непрактична, потому что она помогает продлить жизнь пациента не более чем на 1-2 года, а ее стоимость запросто может достигать 300 000 долларов на одного человека.

Такая большая цена обусловлена необходимостью постоянно следить, нет ли у больного признаков отторжения, и давать ему препараты, которые препятствуют развитию этого процесса в организме.

Механические сердца, говорит Каллаган, вырабатывают слишком много тепла. Это касается даже самых эффективных из современных насосов. По его словам, люди должны осознать, что на них лежит огромная ответственность за предотвращение сердечно-сосудистых заболеваний. *Изменение образа жизни спасло бы большее количество людей, чем все ученые, хирурги и больницы этой страны».*

*

Тем временем искусственное сердце впервые испробовали на человеке. Как и прогнозировали все знатоки медицины, эксперимент прошел неудачно. Очередное свидетельство того, что все мучения, которые люди причиняют невинным животным, неизменно возвращаются к ним.

Избранной человеческой жертвой стал доктор Барней Кларк (Barney Clark), бывший зубной врач. 2 декабря 1982 года в Медицинском центре Солт-Лейк-Сити, США, ему

имплантировали искусственное сердце. Этот прибор в течение многих лет испытывали на животных, прежде всего на телятах. После первой операции, длившейся семь с половиной часов, доктору Кларку требовалось пройти еще через целый ряд хирургических вмешательств и медицинских процедур. Нужно было закрыть дыру, образовавшуюся в легких, чтобы заменить плохо функционирующий клапан в искусственном сердце, чтобы ликвидировать отверстие, возникшее в носовом проходе в результате 10-часового кровотечения, предпринять меры против приступов эпилепсии, воспаления легких и сделать операцию в области шеи, чтобы пациент смог дышать.

В СМИ для «научных корреспондентов» вновь настали золотые дни, а психологи говорили, что замена натурального сердца, регулирующего организм, на машину, может вызвать эмоциональные реакции, которые приведут к серьезным психозам. И действительно, сообщалось, что доктор Кларк страдал от «смятения». Натуральное сердце, находясь под управлением мозга, реагирует на эмоции человека. Например, страх и ярость ускоряют сердечную деятельность. Но механическое сердце качает кровь все время в одном и том же ритме, без учета эмоциональных импульсов, исходящих от нервной системы. И этот недостаток останется и в будущем у более усовершенствованных аппаратов. Отсутствие биологического саморегулирования может иметь ужасные психические последствия.

Неудивительно, что доктор Кларк неоднократно просил, чтобы ему разрешили умереть. Но хирурги, закаленные годами опытов на животных, не внимали ему. Ведь им нужно похвастаться «временем выживания». В середине марта 1983 года они сообщили, что у доктора Кларка начали отказывать почки. 23 марта, через 111 дней после имплантации механического сердца, доктор Кларк умер вследствие отказа разных функций организма.

От сердец к голове

Из статьи, которая вышла в британской газете “Guardian” 15 ноября 1979 года под заглавием «Две головы хуже, чем одна» (Two Heads Are worse Than One):

«Доктор Роберт Вайт (Robert White) из Западного резервного университета Кейза (Case Western Reserve University), штат Огайо, США, заявил, что через год он будет в состоянии пересадить целую человеческую голову на другое туловище, не причиняя при этом вреда функциям мозга...

Эксперименты, вроде тех, которые описывались в 1962 году в журнале “Science”, состояли в хирургическом изолировании под наркозом головного мозга (в данном случае мозга обезьяны). Затем через постоянную перфузию мозгу дают возможность восстановить свои функции. Измерение электрокортикальной активности указывает на то, что он живет и реагирует...

В 1969 году профессор Вайт заявил, что изолированный мозг обезьяны может жить до 12 часов при подключении к искусственному сердцу и легким и даже несколько дней при присоединении к донорской системе жизнеобеспечения....В последнее десятилетие в США, Западной Германии, возможно, также в Японии и России обезьянам, кошкам и собакам делали прямые пересадки, и нет никаких сомнений в том, что эксперименты с изолированным мозгом животного и пересаженными головами проводятся довольно широкомасштабно. Они все еще продолжают...

Самый тревожный аспект подобных экспериментов состоит в том, что по мере совершенствования технологии электрокортикальные реакции, которые производятся изолированными головами, оказываются все более “нормальными”. Кажется, функционирование мозга предусматривает способность сохранять чувствительность, связанную с целым животным.

Если это так, то мозг испытывает страшные чувства. Они представляют собой не просто переживание смятения, страданий или шока, через которое проходит покалеченное, но живое животное; это боль, обостренная искусственным путем, или другие усиленные чувства, от которых отделены все природные механизмы облегчения.

В условиях исключительной боли либо страха смерти целое животное потеряет сознание или впадет в кому из-за прекращения кровоснабжения мозга. Но в случае с головами, жизнедеятельность которых поддерживают механизмы или доноры, устранение боли невозможно. Насос продолжает качать независимо от чувствительности голов и степени боли.

Для всех, кто обладает минимальной фантазией либо способностью чувствовать, это мрачная перспектива будущего, варварская и абсолютно недопустимая манипуляция, которую нельзя производить на живом существе.

Сообщения из Японии подтверждают, что существует возможность поддерживать функции мозга таким путем. Там речь идет о кошачьих головах, которые были изолированы хирургическим способом и показывали нормальную реакцию на свет после многих часов перфузии, а также об изолированных головах обезьян, которые реагировали на стимуляцию движением мышц.

Поскольку польза таких экспериментов сомнительна, а проведение их связано с варварством, мне бы хотелось вынести на рассмотрение вопрос о том, чтобы эксперименты на изолированном мозге либо изолированной голове были запрещены во всем цивилизованном мире».

Ссылки

“Science”, выпуск 141, №3585, с. 1060-1061: “Isolation of the monkey brain in vitro”.

“Kobe Journal of Medical Science”: выпуск 2, 1969: “Studies on the isolated cat’s brain”.

Transplantation of the head of a monkey on to the body of a monkey: Dr. R. White, Fifth International Congress of Neurochemistry, Tokyo, 1976.

*

В 1980 году миллионы телезрителей из разных европейских стран с удивлением и отвращением смотрели передачу, в которой доктор Вайт расхаживал по своей камере пыток, весело болтал, курил и пил, а в это время на него испуганно смотрела крепко зафиксированная человекообразная обезьяна; по носу и рту животного непрерывно текла кровь, морда исказилась от страданий. «Очень приятно опять вместе работать», – таков был заключительный комментарий пересаживателя голов.

Эта сцена напомнила одному из журналистов поговорку, что, если бы животные верили в дьявола, то, несомненно, представили бы его в образе человека.

Дополнение

За время, прошедшее с первого выхода книги до сегодняшнего дня, когда потребовалось переиздание, накопилось множество доказательств систематического обмана людей, который происходит на самом высшем уровне в медицинских организациях при тайном соглашении с индустрией и властями. И масштабы его все растут.

Со времени первой публикации книги не было опровергнуто ни одно из сообщений, которые могли казаться невероятным; более того, многие из них получили официальное признание. То же самое касается и «Убийства невинных» – первого труда, развенчивающего мифы об опытах на животных, которые якобы необходимы, а на самом деле вредны.

Цель этого дополнения – привести максимально свежие доказательства (они появляются каждый день).

Обман с вакцинацией

В 1978 году в книге «Убийство невинных» уже говорилось о том, смертельной опасности для человека вируса SV-40, который получают из почек обезьян для производства вакцины от полиомиелита. Недавно в связи с ней появились еще более пугающие новости. Итак...

«98 миллионов человек приговорены к смерти? В вакцине от полиомиелита обнаружен вирус, который вызывает рак мозга» (98 million people doomed? Brain cancer virus found in polio vaccine), – такое сообщение появилось в США 28 мая 1985 года. Выдержки из “Weekly World News”, Лантана, штат Флорида:

«Специалисты утверждают, что 98 миллионов американцев, которые были привиты в 1950-е-1960-е годы от полиомиелита, могут заболеть смертельной формой рака мозга вследствие той вакцины.

Исследователи из Медицинского центра при Университете Чикаго (University of Chicago Medical Center) заявляют, что в вакцину попал вирус, и теперь они нашли генетический материал этого вируса у некоторых больных раком мозга.

Доктор Якоб Рачлин (Jakob Rachlin), руководитель исследовательской группы, указывает, что вирус SV-40 никогда не находили в нормальном мозгу или в таком, куда рак распространился из других частей тела.

“Эти результаты позволяют сделать вывод, что вирус SV-40 является возможным виновником в возникновении опухолей мозга”, – заявил он на заседании Американской ассоциации хирургов-неврологов (American Association of Neurological Surgeons).

Ученый добавил, что полученные сведения “очень предварительны”. Доктор Рачлин и его коллеги идентифицировали генетический материал вируса у нескольких жертв рака, в том числе у трех детей, родившихся у матерей, которые во время беременности прошли вакцинацию от полиомиелита».

В этой статье в очередной раз говорится, что опыты на животных не только не ограждают людей от опасностей, связанных с медициной, но и напрямую связаны с ними, как при трагедии с талидомидом и во многих других подобных случаях; все они произошли из-за предусмотрительных тестов для обеспечения алиби, а именно, проверки на животных.

«Война с полиомиелитом – опять возникли разногласия» (Polio War – Renewed Controversy) – так называется статья Билла Карри (Bill Curry), корреспондента “Los Angeles Times” (1 июня 1985 года). В ней говорится:

«...В настоящее время в США единственной причиной полиомиелита является оральная вакцина от полиомиелита, которую ставят младенцам в плановом порядке».

Заглавие с первой странице лондонской “Daily Mail” от 28 июня 1985 года: «Запрет на вакцину, которая стала причиной трагедии» (Ban on Tragedy Vaccine). Вот выдержка из нее:

«После непонятной смерти двух 5-месячных близнецов были произведены исследования двух партий вакцины для детей.

Оба маленьких брата умерли всего лишь через несколько часов после того, как их привили от столбняка, дифтерии и коклюша трехвалентной вакциной. Одновременно им дали вакцину от полиомиелита на кусочке сахара...»

Билл Карри не указывает в своей длинной и академичной статье, что при контакте с носителями вируса заражаются только те, кто обладает чувствительностью к полиомиелиту. Большинство людей к нему не чувствительно, а полиомиелит на самом деле является очень редким заболеванием и всегда был таковым до тех пор, пока кому-то в медицинской организации не пришла в голову мысль поиграть со статистикой.

Но и те люди, которые обладают чувствительностью к инфекции, но не получили вакцину, заболевают лишь вследствие контакта с носителями вируса, а таковых очень мало. *Зато при вакцинации такие чувствительные пациенты соприкасаются с возбудителем полиомиелита.*

Из «Человеческого доктора» (“People’s Doctor”), известного «Медицинского бюллетеня для потребителей» (Medical Newsletter for Consumers, выпуск 8, №12), автор – педиатр, доктор медицины Роберт С. Мендельсон (Robert S. Mendelsohn), профессор

профилактической медицины Университета Иллинойса (University of Illinois, Чикаго), глава Отдела лицензий штата Иллинойс (Medical Licensing Committee), автор медицинских книг, ставших бестселлерами:

«Сейчас у нас есть возможность наблюдать, как доктор Солк (Salk) нападает на вакцину Сейбина (Sabin). В прежние годы доктор Сейбин напал на вакцину Солка. По-моему, они оба правы...

Вы имеете полное право подробно расспрашивать меня о вакцине против столбняка, ибо от нее я отказался в последнюю очередь. Мне было нетрудно сказать “нет” прививкам против коклюша, кори и краснухи, потому что они имели опасные, а порой смертельные побочные эффекты. Вакцина от свинки, продукт, связанный с минимумом пользы и большой опасностью, казалась мне и многим другим врачам полной глупостью с самого начала, с момента ее появления. Аргументы в пользу вакцины от дифтерии разбивались об эпидемию дифтерии в последние 15 лет, когда число серьезно заболевших и количество смертельных случаев было одинаковым среди привитых и не привитых. Что касается вакцины ветрянки, в 1970 году даже правительство отказалось в конце концов от нее. Я же отказался от противополиомиелитной вакцины после того, как Джон Солк сказал, что в США лучший способ заболеть детским параличом – это побыть вблизи ребенка, получившего недавно вакцину Сейбина. Но в прививку от столбняка я верил дольше, чем в другие, и менял свою позицию поэтапно...

Сейчас все больше признают, что никто никогда не проводил контролируемых научных исследований, которые бы доказали эффективность и безопасность противостолбнячной вакцины...

И, напротив, сейчас все больше возрастает теоретическая обеспокоенность, что в последние десятилетия из-за вакцинации увеличивается число аутоиммунных заболеваний, таких как ревматоидный артрит, рассеянный склероз, системная красная волчанка, лимфома и лейкемия. В одном из случаев, когда в результате прививки от свиного гриппа возник паралич Ландри-Гийена-Барра, зависимость оказалась отнюдь не теоретической».

Из лондонской “Sunday Times”, 14 июля 1985:

«Ричарду Борнтрону (Richard Bonthrone) 9 лет. Он не умеет ходить и говорить. Он даже не в состоянии сидеть и держать голову прямо. Он неспособен жевать и есть твердую пищу, его приходится кормить с рук. У него недержание мочи и кала.

Ричард не родился инвалидом. Его мать вспоминает, что он был здоровым и веселым младенцем. “Ричард был замечательным ребенком, который постоянно смеялся”, – говорит она.

Потом, в 1976 году Ирис Бонтрон (Iris Bonthrone) пошла с ним в больницу города Дамферлина (Шотландия), и там ему сделали плановую прививку от дифтерии, столбняка и коклюша. Ее двумя годами ранее делали старшему брату Ричарда Джону.

Примерно через неделю после второй прививки у Ричарда начались судороги, более 30 раз в день. Вскоре выяснилось, что у него серьезное и необратимое повреждение головного мозга.

Ричард оказался одним из примерно семисот детей, которым вакцина от коклюша, как предполагают, повредила мозг. О трагедии, произошедшей с ними, общественность узнала в 1973 году, когда Розмари Фокс (Rosemary Fox) основала Ассоциацию родителей детей, ставших инвалидами от вакцины (Association of Vaccine Damaged Children), чтобы бороться за всех детей, которые пострадали из-за прививок.

Участники этого общества связывают инвалидность детей со многими вакцинами. Например, госпожа Фокс считает, что ее дочь получила повреждение мозга из-за противополиомиелитной вакцины. Но большинство родителей винят во всем прививку от коклюша».

7 декабря 1985 года Альберт Сейбин делал доклад для итальянских врачей в Пиаченце, при этом зал был переполнен. Когда ему задали вопрос по поводу его заявления, что вакцина от гриппа бесполезна, а злоупотребление антибиотиками опасно, Сейбин, согласно ведущей туринской газете “La Stampa” (8 декабря), ответил следующее:

«Официальные данные показали, что в США широкомасштабные прививочные кампании привнесли серьезных улучшений в ситуацию с болезнями, против которых велась борьба».

Успехи в сфере онкологии

В последние годы в сфере онкологии достигнуты дальнейшие успехи – но не в том, что касается поиска лечения, а в росте уровня смертности и в сборе пожертвований.

Заглавие в “New York Times” от 13 августа 1985 года: «Слоан-Кеттеринг получает пожертвование в размере 36,2 миллионов долларов» (Sloan-Kettering Gets 36.2 Million Gift). В первом абзаце говорится следующее:

«Мемориальный онкологический центр Слоан-Кеттеринг (Memorial Sloan-Kettering Cancer Center) получил от Лоренса С. Рокфеллера (Laurance S. Rockefeller) пожертвование в размере 36,2 миллиона долларов и планирует строительство нового исследовательского центра».

А тем временем европейские онкологические общества подражали американским и привнесли в свои фандрейзинговые кампании новые трюки, до которых не додумались даже профессионалы с Мадисон Авеню (Madison Avenue – местоположение основных рекламных агентств США, стало нарицательным обозначением рекламной индустрии – прим. переводчика). В 1984 году они убедили крупнейшие банки разослать своим клиентам вместе с плановыми выписками из счетов призыв делать пожертвования, их сопровождали настоятельные заверения банка, что чем больше денег жертвуют владельцы светов, чем скорее удастся решить «проблему» с раком. Привлечь банки к сотрудничеству было просто, потому что они получали процент от благотворительных взносов своих вкладчиков.

Последний рекламный листок Банка Рима (Banco di Roma), призывавший к поддержке Итальянского Общества онкологических исследований (Associazione Italiana per la Ricerca sul Cancro), имел название «Инвестируйте в здоровье» и заканчивается следующими словами:

«Рак можно было бы победить уже на следующий год. Или через три, пять, десять лет. Это зависит от денег на исследования. Это зависит от Вас, от Ваших пожертвований. Хотя оказываемой финансовой поддержки совершенно недостаточно, первые результаты уже есть. С 1960 года по настоящее время число исследователей рака возросло с 500 до 1500, а количество излечений – от 28% до 58%».

Давайте посмотрим на эти оптимистичные цифры в сравнении с другими, источником которых служат не заведения по сбору средств, а независимые учреждения.

“Hamburger Abendblatt”, одна из ведущих ежедневных газет Германии, пишет 15 августа 1984 года:

«Хайнц Ризенхубер (Heinz Riesenhuber), министр научных исследований и технологий ФРГ, сообщил о тревожных соотношениях в сфере онкологии: количество смертей от рака в ФРГ постоянно растет».

Рост онкологических заболеваний во всех других «цивилизованных» странах происходит примерно так же, как в Германии.

Многочисленные опыты на животных не смогли обеспечить защиту от угрозы рака. Факторы риска удалось выявить только через эпидемиологические исследования заболеваемости людей; например, так были обнаружены канцерогенные свойства одного из противозачаточных средств. Вот выдержка из статьи, которая вышла на титульной странице авторитетной британской газеты “The Guardian” (29 марта 1985 года):

«Как показали опубликованные сегодня результаты самого крупного на сегодняшний день исследования, таблетки для планирования семьи могут вызвать рак шейки матки. Исследование ВОЗ доказывает, что у женщин, принимавших противозачаточные таблетки более 5 лет, риск заболеть раком в 2 раза выше».

У тех женщин, которые принимали препарат от двух до пяти лет, риск рака шейки матки увеличивается на 25-73%. А после пяти лет приема опасность возрастает как минимум на 53%, верхняя же граница этого показателя превышает 200%.

Группа исследователей ВОЗ полагает следующее: “Недавние результаты трех исследований показали, что прием оральных контрацептивов повышает опасность инвазивного рака шейки матки. Эту информацию вкупе с нашими данными нельзя сбрасывать со счетов как ненадежную”.

Из “Guardian” за 30 апреля 1985:

«В 1972 году рак шейки матки был менее чем у 2000 женщин младше 34 лет, то есть, в 15% всех случаев. В 1982 году (последние имеющиеся данные) эта цифра поднялась до 5000, иными словами, на их долю теперь приходится более 25%».

Заболееваемость из-за ДЭСа продолжает расти

В первой главе уже упоминалось, что еще в 1973 году Ваш покорный слуга предсказывал, что заболеваемость раком от ДЭСа будет расти еще долго. К сожалению, это сбылось, как показывает сообщение Ассошиейтид Пресс из Бостона, опубликованное 29 ноября 1984 года в лондонской “Evening Times”:

«Как говорится в сегодняшнем докладе, миллионам женщин, которые более 20 лет назад во время беременности принимали ДЭС, следует дать настоятельную рекомендацию, чтобы они прошли обследование на рак груди. По словам доктора Е. Роберта Гринберга (E.Robert Greenberg) из Медицинского центра Дартмут-Хичкок в Ганновере (Новый Гемпшир), руководителя исследования, у этих женщин повышен риск рака груди».

Между тем во много раз возросло число успешных процессов против изготовителей ДЭСа, а также против врачей, которые, ни о чем не подозревая, прописывали своим пациентам часовую бомбу. И конца всему этому не видно. Более того, число исков, по всей видимости, возрастет, как и губительное действие препарата. Ибо хоть ДЭС и выглядел безвредным при работе со всеми видами экспериментальных моделей, он оказался канцерогеном не только для дочерей женщин, которым прописывали это «наиболее благотворное средство» при беременности, но и распространил свое воздействие на девочек следующего поколения. К этому следует добавить, что, как недавно выяснилось, роковой медикамент может поразить половые органы и мужчинам последующих поколений.

Тем не менее, во всем мире прием ДЭСа продолжается, и происходит это через мясо: было установлено, что данный медикамент стимулирует рост скота.

В то же время повсюду, от США до Австралии создаются объединения потребителей, пострадавших от приема ДЭСа. К сожалению, их деятельность ограничивается исками против производителей с требованием компенсировать вред; но при этом они постоянно забывают указать изначальную причину болезни: опыты на животных, которые дали ДЭСу зеленый свет.

Люди в роли подопытных кроликов

Мы уже указывали, что на людях, преимущественно младенцах и других категориях, которые столь же беспомощны, как и животные, проводятся сомнительные опыты, и число их непрерывно растет.

Их подъем – не только в плане количества, но и в плане жестокости – достиг апогея в 1984 году (такое положение вещей было на момент написания этих строк) и ознаменовался историями с Холли Роффи (Hollie Roffey) в Британии и с Бэби Фэй (Baby Fae) в США.

Вот несокращенное сообщение Ассошиейтид Пресс, которое было напечатано в “International Herald Tribune” за 18-19 августа 1984 года под названием «Британский младенец умер после пересадки сердца» (British Baby Dies After Transplant):

«Холли Роффи, девочка младенческого возраста, которая стала самой молодой пациенткой с трансплантацией после того, как 30 июля в 10-дневном возрасте ей пересадили новое сердце, умерла в пятницу; об этом сообщила Национальная кардиологическая больница (National Heart Hospital). Маленькой девочке было 28 дней.

У новорожденной возникли проблемы с дыханием, и вскоре после этого она умерла, указывают представители больницы.

У Холли при рождении отсутствовала левая сторона сердца. До того, как ей пересадили сердце голландского младенца, умершего от повреждения мозга, самым молодым реципиентом сердца был голландский ребенок в возрасте 2,5 недель, который умер вскоре после операции в Бруклине (Нью-Йорк) в 1967 году.

Через два дня после трансплантации Холли пришлось делать еще одно вмешательство, чтобы устранить перфорацию в кишечнике. Потом возникли осложнения с пищеварительным трактом и почками. 9 августа у нее отказали почки, и ее пришлось поставить на диализ».

Подробная статья на эту тему, которая вышла в лондонской “Times”, имела очень критический характер. Она называлась «Холли – преждевременный эксперимент» (Hollie: an experiment too soon), и ее автор, Томас Стуттафорд (Thomas Stuttford), указывал, что никто не знал, какие дозы иммуноподавляющих препаратов можно давать такому маленькому ребенку.

Если верить сообщению ЮПИ, опубликованному в “International Herald Tribune” от 16 августа 1984 года, даже Кристиан Барнард, по-видимому, образовался возможности хоть раз покритиковать самому вместо того, чтобы выслушивать нелестные замечания в свой адрес:

«По мнению хирурга, сделавшего первую в мире удачную пересадку сердца, врачи совершили “серьезную ошибку”, пересадив Холли новое сердце.

Согласно доктору Кристиану Барнарду, операция, проведенная 30 июля в лондонской Национальной Кардиологической больнице, когда ребенку было всего 10 дней, “вызывает слишком много вопросов без ответа...”

По мнению доктора Барнарда, никто не знает, росло бы сердце Холли по мере ее роста, никто не мог адекватно оценить ее шансы на выживание».

Невероятно, но факт: всего лишь через несколько недель американские хирурги, невзирая на всю прежнюю критику, все логические доводы, анатомические несовместимости, биологические и метаболические различия и непрерывную череду неудач, делают еще более естественную операцию 12-дневной девочке, которая родилась примерно с таким же дефектом, что и Холли; при этом они совершили новый, гораздо более опасный трюк.

26 октября 1984 года в Медицинском центре Университета Лома Линда (Loma Linda University Medical Center, Калифорния) новорожденную девочку, которую все называли Бэби Фэй (так как ее родители пожелали остаться неизвестными), подвергли невиданному экспериментальному истязанию: ее собственное дефектное сердце (гипопластический синдром левых отделов сердца) заменили на сердце молодого павиана женского пола. Такая операция на научном жаргоне именуется «межвидовым трансплантологическим исследованием», и многие врачи считают ее полным сумасшествием.

Опытные хирурги с самого начала высказывали сомнения о разумности подобного эксперимента. Вот что по этому поводу говорится в журнале “Time” за 12 ноября 1984 года:

« “Не было еще ни одной успешной межвидовой трансплантации, – заявляет Джон Наджариан (John Najarian), хирург из Университета Миннесоты (University of Minnesota), один из крупнейших специалистов США в области детской трансплантологии. – Пробовать ее означает только растягивать процесс умирания”.

Доктор Монеим Фадали (Moneim Fadali), хирург, специализирующийся на сосудах сердца, клиницист Калифорнийского Университета в Лос-Анджелесе был одним из

многих врачей, придерживающихся точки зрения, что решение использовать орган животного “могло быть всего лишь бравадой”».

Для понимания того, что авантюра с Бэби Фэй была обречена на провал, не обязательно быть специалистом в области детской трансплантологии. Тут достаточно элементарных биологических знаний или же здравого смысла – только этих качеств обычно оказывается меньше всего, когда речь идет о вопросах медицины.

Несчастливая Бэби Фэй, родившаяся фактически без половины сердца, уже была близка к естественному концу, когда ее при помощи высокотехнологичного вмешательства затащили в пучину еще более страшных и длительных страданий; при этом во внимание не принималась как недавняя история с Холли Роффи, так и то, что ясно доказали истинные корифеи от медицины, например, доктор Паппворт (H.M.Pappworth) в книге «Люди в роли подопытных кроликов» (Human Guinea Pigs) еще в 1969 году (см. «Убийство невинных»).

Но здесь ситуация была еще хуже. У павианов имеется только две главные артерии, которые выходят из дуги аорты, а у человека их три. Это значит, что в случае с Бэби Фэй сначала требовалось соединить два сосуда, прежде чем появлялась возможность подсоединять их к одному из двух отверстий в сердце павиана. Иными словами, к сомнительной хирургической аванюре добавлялись новые и серьезные осложнения.

А что за квалификацию имел доктор Леонард Л. Бейли (Leonard L.Bailey), хирург, который придумал столь сумасшедший эксперимент? Он еще ранее сделал более 30 межвидовых трансплантаций коровам, овцам и павианом, а выживаемость равнялась нулю. Верхом его достижений стала коза, которая прожила 165 дней с сердцем ягненка.

Но подобно тому, как доктор Кристиан Барнард не испугался длинной череды провальных трансплантаций сердца собакам и стал так же «успешно» их делать людям, для доктора Бейли постоянные неудачи не стали препятствием к движению дальше, и он принял смелое решение распространить свои смертельные опыты на людей, начав с Бэби Фэй.

Экспериментальная операция на беззащитной маленькой девочке не имела никаких шансов на успех. И дело не только в том, что проблема отторжения в данном случае стоит гораздо более серьезно, чем при внутривидовой трансплантации: не было никаких оснований предполагать, что рост сердце павиана будет идти в ногу с ростом реципиента. Бабуины с их меньшими размерами и более коротким жизненным циклом, чем у людей, вырастают гораздо быстрее человека, а именно – за год, и то же самое происходит со всеми его органами, в том числе и с сердцем. Это пример бездумного экспериментирования, его можно рассматривать как преступление или по крайней мере как сумасшествие.

Но СМИ изображали это новое экспериментальное сумасшествие как «прорыв», умалчивая о прежних «прорывах», которые рано или поздно оказывались провалами.

Вот что писал Лоренс К. Альтман (Lawrence K.Altman), медик, в специальном дополнении к “New York Times” за 29 октября, в статье под названием «Врачи говорят, что дела у ребенка с сердцем бабуина идут хорошо» (Doctors Say Baby With Baboon Heart Is Doing “Remarkably Well”):

«Врачи сообщают, что 17-дневная девочка имеет хороший цвет и легко дышит без помощи дыхательного аппарата, к которому она была подключена почти всю неделю».

Но, как вскоре выяснится, то была неверная информация. Спустя всего лишь неделю, 6 ноября, тот же самый Лоренс К. Альтман, нисколько не стесняясь своих преувеличений, пишет в “New York Times” следующее:

«С каждым ударом сердца растущий младенец творит историю как самый долгоживущий человек с пересаженным сердцем животного.

Это одно из самых волнующих и потенциально значимых событий в медицине за последнее время. Доктор Леонард Л. Бейли, хирург, руководитель команды, которая решилась на смелый эксперимент, заявил: “Теперь мы знаем о трансплантации сердца у новорожденных и иммунологии больше, чем кто-либо другой в мире”».

А вот что пишет журнал “Time” от 12 ноября:

«К концу недели невероятный прогресс Бэби Фэй заставит многих критиков эксперимента переменить их мнение».

В том же выпуске “Time” можно насладиться дифирамбами от павшего гения доктора Кристиана Барнарда. Всего лишь несколькими неделями ранее он ругал авантюру с Холли Роффи, но сейчас непонятным образом изменил свое мнение и говорил об еще более сомнительной трансплантации, сделанной в Лома Линда, исключительно в восторженных тонах:

«Барнард тем не менее воодушевлен историей Бэби Фэй и не испытывает никаких сомнений по поводу использования сердец бабуинов, которых, по его словам, южноафриканские фермеры отстреливают, только завидев, потому что считают их бедствием... “Возможно, когда-нибудь мы начнем выращивать павианов для этих целей.”»

Между тем события принимали все более гротескный ход. Врачи проводили тесты на всех органах подопытного ребенка, особенно на сердце, взятом у павиана. Одновременно они пробовали воспроизвести все то, что происходило в организме Бэби Фэй, то есть, они сделали пересадки сердца детенышам павиана и давали им те же медикаменты, что и Бэби Фэй – очевидно, они никогда не слышали о том, что животные реагируют на лекарства иначе, нежели люди, и что довольно часто обезьяны реагируют еще более отлично от человека, по сравнению с другими видами. Но все это помогло им обмануть общественность, которая принимала веселых игроков в покер за «ученых», занимающихся серьезными, жизненно важными исследованиями.

В то время как научные корреспонденты, медицинские комментаторы, авторы передовиц и сам Кристиан Барнард справляли праздник, обсуждая историю Бэби Фэй, пятифунтовый комочек кровоточащего мяса и костей, весь утыканный иголками, получающий внутривенное питание, затиснутый резиновыми перчатками, исколотый швами, нашпигованный канюлями, подключенный к дыхательному аппарату, находящийся на диализе, просвечиваемый рентгеновскими лучами, без сомнения, испытывал такие муки, которые в нашем цивилизованном мире обычно достаются только подопытным животным.

Все это получило огласку в более поздних сообщениях, которые противоречили первым новостям, гораздо более оптимистичным. 16 ноября представитель медицинского центра Джун Очс (June Ochs) сообщила “New York Post”, что спустя 22 дня младенец все еще подключен к аппарату искусственного дыхания и получает питание внутривенно; а в понедельник, 12 ноября, через 3 дня после смерти Бэби Фэй та же самая газета сообщает в еженедельном обзоре новостей следующее:

«Стремление ребенка отторгнуть сердце павиана было сильнее, чем предполагалось изначально. Врачи давали Бэби Фэй препарат, стимулирующий сердце, и добавили к циклоспоринолу и стероидным гормонам антилимфоцитарный глобулин. Кормление из бутылки прекратили, было возобновлено внутривенное питание и подключен аппарат искусственного дыхания, чтобы беречь силы».

Через 20,5 дней, когда Бог все же прибрал Бэби Фэй, у врачей и писак наступило тяжелое похмелье. Сообщение “New York Post” от 16 ноября, цитирующее Эда Вайнса (Ed Wines), представителя больницы, выглядит так:

«Бэби Фэй умерла в 9 часов вечера. Ранее, днем было установлено, что состояние младенца с массой тела 5 фунтов тяжелое, но стабильное. Тем не менее, во второй половине дня у нее начали отказывать почки, поэтому примерно в 19 00 ей потребовался брюшинный диализ. Через 2 часа сердце Бэби Фэй, которое спасло ей жизнь в результате исторической экспериментальной операции 26 октября, перестало биться».

После этого «научные корреспонденты» посмотрели на себя в зеркало более внимательно. Сам журнал “Time”, верный страж опытов на животных и всех экономически выгодных авантур химико-медицинского комбината, в выпуске за 3 декабря 1984 года в хвалебном «Эссе» все же бросает некоторую тень сомнения. Автор передовицы Чарльз Краутхаммер (Charles Krauthammer) пишет следующее:

«После смерти Бэби Фэй появились заявления с оглядкой назад, что на самом деле операция уменьшила ее страдания, что девочка была розового цвета и дышала, а могла бы быть голубого цвета и задыхаться. Может быть. Но камеры приносили только тогда, когда с ней все было хорошо. В плохом состоянии, когда ей приходилось дышать с помощью дыхательного аппарата, терпеть инъекции, канюли, зашивания, страдать от аритмии и уремии, никто ее не видел. Действительно ли это менее мучительно, чем естественная смерть, которая милостиво пришла бы несколькими неделями раньше?»

Ай-яй-яй, товарищ Краутхаммер. Как Вы себя ведете, да еще и в передовице! Впрочем, он тут же добавляет, извиняясь:

«Нет. Бэби Фей стала средством, невольным средством для славного финала. Настоящий эксперимент провели не для того, чтобы уменьшить ее страдания, а чтобы, может быть, в будущем облегчить страдания кому-то другому. Но действительно ли это неправильно? Неужели у нас нет никаких обязательств перед страждущими младенцами будущего?»

Уже лучше, Чарли. Помогайте держать ворота открытыми для все более сумасшедших опытов на животных и людях. Только так собирает урожай современная религия, имя которой – медицинские чудеса, и которая заключается во все новых и новых сенсационных «прорывах», еще более недолговечных, чем утренняя роза.

Жонглер сердцами Барнард имел обыкновение после каждой следующей неудачи твердить: «Отторжение органа не является проблемой» (именно так), а доктор Байли заявил, что его маленькая пациентка умерла не из-за отторжения, а «по другой причине». В данном случае – из-за отказа почек, который с большой степенью вероятности наступил от циклоспорина и других токсических иммуносупрессивных веществ; эти препараты щедро вводятся для предотвращения естественного и, следовательно, неизбежного процесса отторжения.

Группе экспертов из Лома Линда потребовался ровно год, чтобы преподнести алиби, которое бы дало им возможность попробовать все еще раз. Если бы они признали, что младенец умер вследствие отторжения сердца павиана либо от медикаментов, им бы не дали повторить подобный дикий опыт. Поэтому нужно было изобрести какую-нибудь другую причину.

Посему Центр Лома Линда размышлял двенадцать месяцев сряду, прежде чем, наконец, заявил нечто, казавшееся умным объяснением. Заглавие “Los Angeles Times” от 16 октября 1985 года резюмирует: «Смерть Бэби Фэй наступила из-за ошибки, связанной с выбором группы крови» (Baby Fae’s Death Traced to Blood Mismatch Error). В статье, которую написал медицинский корреспондент “Times” Роберт Штейнбрук (Robert Steinbrook), говорится следующее:

«Бэби Фэй умерла от “катастрофического” врачебного решения пересадить ей сердце павиана, у которого была другая группа крови. Об этом вчера заявили хирурги, проводившие операцию.

У младенца группа крови была 0, а у павиана – АВ.

“Если бы у Бэби Фэй была группа крови АВ, она бы до сих пор жила”, – считает доктор Бейли.

Поначалу предполагалось, что смерть могла наступить от отказа сердца либо повреждения почек под действием медикамента циклоспорина-А, который должен был предотвратить отторжение. Но, по словам хирурга, вскрытие показало, что признаки отторжения сердца “минимальны”, а повреждение почек отсутствует».

Никто не пробовал объяснить, почему доктору Бейли потребовался год, чтобы сообщить о таких простых результатах вскрытия. Тем более, как известно любому кинолюбителю, его делают в течение 12 часов после смерти. Не сказали ничего и о том, что у обезьян не бывает точно таких же групп крови, как у человека, и что циклоспорин повреждает почки. Нужно было внушить общественности, что в другой раз для достижения успеха медикам необходимо лишь взять кровь правильной группы.

В продолжение «обширной ретроспективы», «содержащей новую важную информацию о спорной пересадке», статья сообщает, что доктор Бейли отнесся к страданиям и смерти подопытного младенца спокойно и даже с юмором:

«Хирург, который в значительной мере воздерживался от комментариев по поводу этой истории, выглядел расслабленным и во время 45-минутного выступления перед более чем двумястами врачами, медсестрами и другими работниками здравоохранения отпустил несколько шуточек. После собрания он отказался объяснить более подробно или же прокомментировать журналистам свои слова».

Вот он, лучший способ избежать каких-либо споров: отказаться прокомментировать свои же собственные глупые заявления.

А кто следующий на очереди в Центр Лома-Линда?

P.S.: Стоимость эксперимента над Бэби Фэй достигла почти 100 тыс. долларов – и это без гонорара врачам, ибо участвовавшие в нем медицинские волшебники согласились продемонстрировать свое искусство бесплатно, ради эксперимента. Эту сумму разумнее было бы потратить не на продление мук умирающего младенца, а на более качественное обслуживание больных в американских стационарах. Обычно оно оценивается весьма низко.

А насколько хорошо заботятся о пациентах в Центре Лома Линда?

Из “Washington Post” от 18 октября 1981 года: «Экспериментальные лекарства – смерть в поисках лечения» (Experimental Drugs: Death in the Search for Cures):

«В результате годичного исследования “Washington Post” зафиксировала 620 случаев, когда экспериментальные лекарства способствовали смерти пациентов с онкологией.

В Бостоне одна больница тестировала новое лекарство Национального Института рака (National Cancer Institute) на детях. Через несколько дней их почки оказались полностью разрушенными...

Экспериментальные лекарства, из-за которых погибли сотни пациентов, кроме того, стали причиной страшного количества серьезных реакций. Среди них – отказ почек, отказ печени, сердечная недостаточность, проблемы с дыханием, разрушение костного мозга (то есть, организм утрачивает способность производить кровь), повреждения головного мозга, параличи, кома, зрительные галлюцинации.

О многих из этих химических веществ известно так мало, что врачи пришли к следующему странному выводу: во многих случаях экспериментальное лекарство стимулирует рост опухоли вместо того, чтобы подавлять его; а в ходе других исследований выяснилось, что экспериментальные препараты сами вызывают рак».

Вышеприведенный отрывок – это всего лишь один пример из множества статей, которые были опубликованы в “Washington Post” осенью 1981 года и посвящены теме страшных опытов на людях, главным образом на детях.

Движение к сумасшествию

1983 год. Барни Кларк: искусственное сердце

В главе 6 мы выдвинули предположение, что предстоящее использование высокотехнологичных приборов в медицине может означать перспективу еще больших страданий для сбитого с толку человечества. Мы упоминали искусственное сердце, которое начали испытывать на человеке после многих лет экспериментирования на животных. Результаты оказались ровно такими, как можно было ожидать, и как предсказывали: газетные заголовки, исполненные триумфа, большие надежды, сменяющиеся разочарованием и результат – провал.

Из “New York Post” от 16 ноября 1984 года:

«В прошлом году поисках возможностей продлить жизнь пациентов-сердечников принял совершенно новое направление, когда доктор Уильям Девриес (William DeVries) имплантировал новое сердце доктору Барни Кларку (Barney Clark), умирающему зубному врачу из Юты.

Кларк умер после 112 дней подключения к аппарату.

После его смерти выяснилось, что мужественный зубной врач страдал от сильных болей и имел галлюцинации большую часть времени, пока был подключен к механизму. Этот случай поднял серьезные вопросы о медицинской этике, и когда все осталось позади, то Девриес – единственный американский врач, имевший разрешение правительства на проведение таких операций – сказал, что в ближайшем будущем он не станет более делать подобных вмешательств».

Из журнала “Time” от 4 апреля 1983 года:

«На прошлой неделе длинная битва закончилась. 62-летний Кларк тихо умер от проблем с дыханием, отказа почек, воспаления толстой кишки и пониженного давления. Официальная причина смерти: “Сосудистый коллапс из-за функциональной недостаточности многих органов”».

Несомненно, эксперимент Кларка поможет врачам сконструировать более качественное сердце. **«С Кларком за несколько месяцев мы узнали больше, чем за прошедшие 9 лет работы с животными»**, – говорит Гарри Хастингс (Harry Hastings) из Медицинского Центра Юты (“Utah Medical Center), инженер, занимающийся искусственными сердцами (выделение добавлено)».

В европейских странах священнослужители от медицины рассуждали примерно так же. Они представляли позицию современной традиционной медицины и ее механистическую идею здоровья как евангельскую истину, обсуждать которую – по причине невежества ли, умственной неполноценности или злого умысла – кощунственно.

Но самое главное заключается в том, что механическое сердце никогда не сможет решить физиологические проблемы. Инфантильным технократам, пренебрегающим биологическими зависимостями, потребовалось много лет, чтобы создать механическое сердце, а потом всего лишь несколько часов, чтобы обнаружить его негодность для человека. Почему?

Прежде всего потому, что его испытывали на животных, главным образом на телятах, то есть, на четвероногих, а они имеют мало общего с человеком с точки зрения анатомии, биологии, метаболизма и психологии.

Но даже усовершенствованное в ходе работы с людьми, искусственное сердце не сможет удовлетворительно поддерживать организм в течение долгого времени, потому что только натуральное сердце способно реагировать на все тонкие психосоматические факторы и сложные метаболические процессы, непрерывно происходящие в организме. Но самое главное то, что оно реагирует на эмоции – презренное вивисекторами понятие, слово, отсутствующее в их лексиконе, ведь их нельзя измерить в граммах и миллиграммах.

Например, страх или гнев учащают биение сердца, а при состоянии покоя или сна частота ударов снижается. Но механическое сердце бьется в одном и том же ритме и не реагирует на постоянные эмоциональные импульсы, которые происходят от нервной системы и от тонких метаболических изменений. И даже будущие «усовершенствованные» механические сердца не изменят этого факта.

А если сердце не реагирует на психологическое и метаболическое воздействие – у любого механического сердца такая возможность отсутствует – то пациент страдает от серьезного психоза, расстройства сознания и физических проблем, и все это не даст ему прожить долго. Исследования на животных, как и любой другой вид механистической медицины, есть тупик, из которого нет выхода.

И подтверждение тому – несколько экспериментальных новшеств, появившихся после опыта с Барни Кларком.

Тем не менее – это кажется почти невероятным – в случае с Кларком на фоне все большей глупости журналистов и самолюбования синдиката в журнале “Time” от 4 апреля 1983 года проскальзывают здравые мысли:

«Было бы лучше проложить такой курс, при котором бы разрабатывались препараты, способные предотвратить хронические болезни, вроде кардиомиопатии (повреждение сердечной мышцы) и сердечно-сосудистых заболеваний. “Если такая работа не будет сделана, – пишет доктор Льюис Томас (Lewis Thomas), член правления Мемориального Онкологического центра Слоан-Кеттеринг (Memorial Sloan-Kettering Cancer Center), – то

мы навсегда застрянем на этой безмерно дорогой, сомнительной с этической точки зрения половинчатой технологии”. Доктор Уильям Фридевальд (William Friedewald), заместитель директора Национального Института сердца, легких и крови (National Heart, Lung and Blood Institute): “Разумеется, нашей целью является предотвращение, чтобы в будущем не было Барни Кларков, но в настоящий момент это лишь мечты”».

Почему же предотвращение – это мечты? Только потому, что на нем нельзя заработать денег и снискать славу. В этом случае мы имеем только здоровье.

А кто может снискать славу полезным советом? Ее можно добиться, если сконструировать сердце Франкенштейна, о котором будут писать в СМИ; и не беда, что оно никогда не сможет заменить настоящее сердце.

1985: Джек Бурчам, Уильям Шредер и многие другие

Из журнала “Time” от 6 мая 1985 года.

«Счастливым отец четверых детей из Лероя, штат Иллинойс, так и не оправился после первого хирургического вмешательства. На прошлой неделе Бурчам (Burcham) умер в возрасте 62 лет, через 10 дней после того, как он стал пятым в мире и самым старшим реципиентом сердца Jarvik-7. **Как Девриес (DeVries) позже признал, трудно сказать, продлило ли искусственное сердце жизнь пациента или укоротило** (выделение добавлено).

История быстрого угасания и смерти Бурчама оказалась последней в длинной веренице разочарований и непредвиденных неудач, с которыми столкнулась программа искусственного сердца. Кларк, так же как и Шредер, который сейчас живет в квартире со специальным обустройством, расположенной напротив больницы, страдали от серьезных неврологических проблем, которые вели к душевной болезни».

Из “New York Times” за 14 мая 1985 года:

«В течение всех 173 дней, пока Уильям Шредер (William Schroeder) жил с искусственным сердцем, он страдал от повреждения мозга; исключение составили только первые 18 дней. На прошлой неделе второй инсульт вызвал у самого долго живущего реципиента искусственного сердца такое состояние, при котором он утратил способность говорить и оказался прикован к постели из-за паралича правой руки и правой ноги».

Из журнала “Time” за 16 сентября 1985:

«Из первых пациентов, которым имплантировали перманентное искусственное сердце Jarvik-7, живы трое, и все они страдают от серьезных осложнений. 53-летний Вильям Шредер прожил с ним дольше всех, 42 недели, и у него было два инсульта. У него оказались нарушены способность говорить и память. У 59-летнего Муррея Гейдона (Murray Haydon) тоже был инсульт. У 53-летнего шведского бизнесмена Лейфа Штенберга (Leif Stenberg) недавно был сильный инсульт».

Из “Los Angeles Times” за 14 ноября 1985:

Луисвилль, Кентукки (ЮПИ). «Последний инсульт у Уильяма Шредера произошел из-за тромба, оторвавшегося от его искусственного сердца, и ситуацию осложнили лекарства, разжижающие кровь, которые должны были предотвратить образование тромбов. Об этом заявил его невролог в среду.

Доктор Гари Фокс (Gary Fox) указал, что повреждения мозга в результате двух прежних инсультов, произошедших за последние 11 месяцев, в том числе нарушения речи, мешают адекватно оценить последствия нынешнего удара. По его словам, в последние дни Шредер не разговаривал.

Когда его попросили оценить качество жизни Шредера, Фокс ответил: “Я не думаю, что хотел бы жить в таком состоянии”».

Из журнала “Time” за 9 декабря 1985 года:

«С тех пор, как Вильям Шредер проснулся в Луисвилле с искусственным сердцем, бьющимся в его груди, прошел год. Надежды того дня почти канули в Лету. Жизнь в человеке, поразившем мир своей отвагой, почти угасла. Три инсульта превратили некогда непоколебимого Шредера в слабого и подавленного больного, который еле-еле способен говорить.

Страдания пациентов, получивших Jarvik-7, которые стали еще более очевидны после смерти 53-летнего шведского реципиента механизма Лейфа Штенберга, заставили все более число врачей задуматься о моратории на перманентные имплантаты» (выделение добавлено).

Из “Science News” за 4 января 1986 года, Вашингтон:

«Джордж Аннас (George Annas), профессор права в сфере здравоохранения из Бостонского Университета (Boston University), спросил участника дискуссии: “Если произошедшее с первыми четырьмя пациентами – недостаточно плохо (чтобы прекратить имплантацию искусственных сердец), то что же – достаточно? Искусственное сердце не в состоянии спасти их жизнь. Оно только способно изменить то, как они умрут”».

Новые болезни

СПИД

Если бы до сих пор требовалось доказать, что современная медицина – это никакая не наука, а догмат веры, религия, идеально подходящая для бесконечных философских дебатов и оживленных бесед – промолчим уж о том, что нет лучше предлога для требования денег «на научные исследования» – то очень кстати окажется история со СПИДом.

Несомненно только одно: СПИД – это новая болезнь. Обо всем остальном можно спорить.

Из статьи «Ростки сомнений» (Germ of Doubt), напечатанной в “Guardian” за 20 декабря 1985 года:

«По мнению специалиста с Харли Стрит (Harley Street улица в Лондоне, где расположены кабинеты преуспевающих врачей – прим. переводчика), эпидемия СПИДа возникла вследствие эксперимента с биологическим оружием, который пошел не по плану и стал причиной катастрофы...

Доктор Джон Сил (John Seale), в прошлом венеролог, работавший в больнице Мидлсекс (Middlesex Hospital), а ныне пенсионер и врач, все еще занимающийся частной практикой, заявил вчера, что американцы или русские могли получить вирус СПИДа из сходного вируса под названием вирус висны, от которого заболевают овцы...

Поводом для заявлений доктора Сила стали слова, прозвучавшие по московскому радио, что вирус произошел в результате секретных исследований ЦРУ и Пентагона, и при этом им были инфицированы люди».

За несколько лет в мире на данную тему появилось множество книг и тысячи статей, но все эти материалы вместо того, чтобы прояснить ситуацию, еще больше сбивают людей с толку.

Из длинной статьи, напечатанной в “Discover” за декабрь 1985 года, ее авторы – Джон Лангон (John Landone) и Сана Сивалоп (Sana Siwalop):

«Кажется, что СПИД является новой болезнью только для западного мира. Накапливается все больше доказательств в пользу того, что в Африке этот вирус существовал как минимум за 10 лет до фиксирования первых случаев в Америке, и что, возможно, это эволюционный потомок вируса, который присутствовал у обезьян еще 50 000 лет назад».

Совершенно очевидно, что последнее заявление есть не что иное, как дикая спекуляция, и оно свидетельствует о том, что «научным корреспондентам» дозволено все. В царстве слепых и одноглазый – король. А на основании каких источников авторы делали это заявление? Их нет. Гомер в своих эпических трудах использовал куда более надежные источники, чем корреспонденты “Discover”. Далее в статье говорится следующее:

«Ученые из Приматологического Центра Новой Англии Саусборо (New England Primate Center, штат Массачусетс) обнаружили инфицирующий обезьян вирус, когда макаки резус начали умирать в своих клетках от таинственной болезни, напоминающей СПИД. Ученые не знают, каким образом вирус мог охватить обезьянью колонию, но они

высказывают предположения по поводу того, как он мог распространяться: при содержании обезьян в клетках группами гомосексуальные и гетеросексуальные связи, так же, как и выбросы мочи, происходили повсеместно (болезнь пошла на спад, как только животных стали держать по отдельности)».

Из “International Herald Tribune” за 21 ноября 1985 года, заглавие – «Новый вирус обезьян связан со СПИДом» (New Monkey Virus Linked to AIDS):

«Родственные вирусы обнаружены и у других обезьян, один из них, STLV-3, известен тем, что вызывает легкое заболевание, сходное со СПИДом. Новую вариацию STLV-3 изолировали у трех пойманных зеленых мартышек. П.Дж. Канки (P.J.Kanki) и Макс Эссекс (Max Essex) из Гарварда и Дж. Алрой (J.Alroy) из Медицинской школы Тафтского Университета (Tufts University Medical School) обнаружили, что полученные результаты вызывают беспокойство, так как зеленых мартышек использовали при производстве ряда человеческих вакцин, в том числе значительной части оральной вакцины от полиомиелита; кроме того, их использовали при производстве лекарств, в биомедицинских исследованиях и при диагностике...»

Из статьи доктора Густава Матье (Gustave Mathieu), опубликованной в “Action Zoophile” в Париже:

«Давайте не будем забывать, что до 1969 года, когда в Приматологическом Центре Дэвис (Primate Center of Davis) в Калифорнии погибло 40% обезьян, использовавшихся в генетических экспериментах, ничего не происходило. Но обезьяны умерли от болезни, напоминавшей СПИД. Что же это были за генетические эксперименты? Манипуляции с ретровирусами; один из них, рнеумоситис саринии, был получен в результате этих манипуляций, и так возник СПИД. Затем ничего не подозревающие работники лаборатории вынесли его и распространили.

Возможно ли, что некоторых из тех обезьян потом вернули в страну происхождения? Этого мы не знаем. Или же инфицированные люди принесли болезнь с Запада в Африку? Совершенно точно, что отдельные случаи СПИДа были обнаружены в Заире не ранее 1971 года, до того, как в 1981 году в Лос-Анджелесе началась паника.

Какие мы сделаем из этого выводы? Все очень просто: СПИД – болезнь, возникшая в исследовательских лабораториях. Если бы не опыты на животных, сие творение человека никогда не возникло бы. Без африканских обезьян, которые использовались в качестве материала для псевдонаучных исследований с ретровирусами, рнеумоситис саринии не возник бы, и нам бы сегодня не пришлось оценивать масштабы нанесенного вреда».

Обвинения в адрес вивисекционных лабораторий относительно того, что СПИД является их творением, появились относительно недавно, и поэтому, разумеется, лобби экспериментаторов и соответствующие финансовые интересы отчаянно опровергают его. Но давайте вспомним, что поначалу при трагедиях с талидомидом, СМОНОм, бендектином, оралфлексом и другими препаратами те же самые представители столь же яростно отпирались, но потом были вынуждены признать правомерность всех упреков. А теперь они пытаются отвлечь внимание общественности и приковать его к какой-нибудь другой «проблеме», созданной в лаборатории, либо убаюкать людей обещаниями, что вот-вот неизбежно произойдет какой-нибудь несуществующий прорыв.

Еще про оксихиол

Из “Guardian” от 3 апреля 1984 года. Заглавие статьи – «Фармацевтические предприятия заключают тайные соглашения по поводу компенсаций» (Drugs firm settles claims in cloak):

«Вопрос с выплатой компенсаций фармацевтическим предприятием “E.R. Сквибб и сыновья” (E.R.Squibb and Sons Ltd.) за вред, причиненный медикаментом халквинол, решили при условии, что никто не разгласит сущность соглашения и его подробности.... Халквинол (торговое название – квиксалин), как и клиоквинол, является препаратом из группы медикаментов, носящих название галогенированные гидроксихинолины... Они всасываются в кишечнике и могут нанести серьезный вред нервной системе – вызвать паралич, слепоту и даже привести к смерти...»

В главе 1 мы сообщили о попытках производителя медикамента, компании «Сибя-Гейги», снять с себя всякую ответственность и переложить вину на потребителей, чтобы прибыльный товар оставался на рынке. Но растущее количество свидетельств вынудило швейцарскую транснациональную корпорацию отказаться от этой затеи.

Сначала фирма объявила, что изымет из оборота свои продукты, содержащие оксихиол, в течение пяти лет. Но рост числа исков от пострадавших потребителей либо их родственников заставил «Сибя-Гейги» изъять с рынка лекарство раньше, и корпорация смогла только распродать имеющийся складской запас рокового медикамента.

Из швейцарского сообщения, которое было опубликовано в “Berner Zeitung” 27 ноября 1984 года:

«Базельский химический концерн «Сибя-Гейги» намерен прекратить во всем мире продажу мексаформа и энтеро-виоформа в марте следующего года».

Врожденные уродства

Глашатаи опытов на животных игнорируют все признанные факты и продолжают твердить, что трагедии с контерганом можно было бы избежать, если бы делалось больше опытов на животных, хотя верно диаметрально противоположное (см. главу 1) Тем временем, число предохранительных опытов на животных, призванных выявить всякое отрицательное воздействие нового медикамента на плод, увеличилось, а вместе с ним возросло и количество врожденных уродств, а именно:

«За 25 лет распространенность физических и психических дефектов у новорожденных увеличилась вдвое» (Physical and Mental Disabilities in Newborns Doubled in 25 Years), – так называлась статья, вышедшая в “New York Times” за 18 июля 1983 года. Она начинается следующим образом:

«Врачи и статисты, которые анализируют тенденции рождения детей в США, пришли к выводу, что число детей, родившихся с физическими и психическими нарушениями, увеличилось за последние 25 лет вдвое. Если ее выразить в абсолютных значениях, как это сделала группа исследователей из Университета Калифорнии, то выяснится, что примерно 140 тыс. младенцев, родившихся в этом году, будут страдать от физических или психических нарушений, то есть, окажутся умственно отсталыми или будут испытывать проблемы с учебой; в конце 1950-х годов таких было всего около 70 тыс.».

Еще вопросы есть?

История с аккутаном

Из лондонской “Daily Mail” от 29 сентября 1984 года:

«Новая тревога после врожденных уродств в Америке – этот медикамент может повредить плоду!» (New warning after tragic births in America – THIS DRUG CAN DEFORM BABIES), – так называлась статья на первой странице, ее автором был медицинский корреспондент Джон Ильман (John Ilman). Она начиналась следующим образом:

«Будущие матери, принимавшие по рекомендации врача сильное лекарство против прыщей, родили младенцев с серьезными дефектами.

С тех пор, как медикамент роакутан появился на рынке в США в 1982 году и в Британии в прошлом году, число таких трагедий продолжает расти.

В Америке 200 женщин забеременели, когда принимали тот препарат производства швейцарского фармацевтического гиганта “Рош”. Из 54 детей, родившихся у тех женщин, 24 ребенка имели серьезные дефекты. Как полагают, половина из них умерли от того, что было названо “триадой аномалий в центральной нервной системе, ушах и сердце”.

Две англичанки сделали аборт после того, как узнали о страшной опасности, которая им угрожала».

Алиби производителей заключалось в том, что «они знали об опасности для беременных женщин».

Узаконенное убийство

В «Убийстве невинных» еще в 1978 году (а в первоначальном итальянском издании – даже раньше) мы предупреждали об опасности парацетамола, «надежного» болеутоляющего средства, из-за которого в 1971 году 1500 человек попали в больницу. Но подобные предостережения останутся безответными – подтверждение того, что Современная медицина является не наукой с опорой на знания, а религией с основой на вере. С 1978 года по настоящее время, благодаря парацетамолу, все больше людей оказываются в больницах или на кладбище.

В статье «Врачи призывали запретить таблетки еще 15 лет назад» (Doctors called for tablet ban 15 years ago), опубликованной в лондонской “Daily Express” от 5 июля 1985 года, говорится следующее:

«В 1978 году Национальный фонд исследований почек (National Kidney Research Fund) предупреждал о парацетамоле... В 1970-е годы Совет по просвещению в области здравоохранения (Health Education Council) рекомендовал парацетамол как средство от алкогольного похмелья, невзирая на его известную опасность для печени и почек».

Разумным советом, как избежать похмелья, было бы сократить количество алкоголя, вместо того, чтобы рекламировать токсичный препарат от похмелья, который еще больше вредит печени и почкам. Но такой вариант равно не пришелся по сердцу производителям и аптекарям. И вот очередное подтверждение того, что государство не считает себя обязанным обеспечивать здоровье людям, ведь это не приносит дохода, зато охотно идет навстречу финансовым интересам, способным заплатить.

Внутриматочные спирали «Далкон Шилд» и другие катастрофы

2 сентября 1985 года журнал “Time” в отделе «Экономика и бизнес» опубликовал двухстраничную статью под названием «“Робинс” ищет укрытие» (Robins Runs for Shelter). Вот выдержка из нее:

«119-летнее фармацевтическое предприятие А.Н. Robins в Ричмонде, имевшее в прошлый году рекордный оборот на сумму 632 миллионов долларов, ныне терпит банкротство из-за “Далкон Шилд”, внутриматочного контрацептива. Против фирмы было подано более 12 тыс. исков, которые обвиняют ее во множестве случаев серьезных заболеваний и как минимум в 20 смертях женщин, использовавших ее продукцию, и на прошлой неделе компания подало прошение о защите в соответствии с главой 11 Закона о банкротстве (Bankruptcy Code).

Из всех историй, когда американские производители лекарств оказывались вынуждены брать на себя ответственность и возмещать убытки, случай с “Далкон Шилд” может оказаться самым страшным кошмаром для фирмы. В 1974 году, после получения доказательств, свидетельствующих о связи “Далкон Шилдов” с четырьмя смертями, “Robins” прекратила продажу спиралей. Впоследствии количество исков непрерывно возрастало. На данный момент компания выплатила 378 миллионов долларов по 9230 искам, и, кроме того, 107 миллионов долларов ушло на судебные издержки. В настоящее время продолжается дело по более чем 5000 искам, и поступают все новые иски – их число достигло 371 в месяц.

В прошлом году фирма “Robins” получила последний удар ниже пояса от окружного суда в Миннеаполисе. Судья, обвинив “Robins” в “грубейшей безответственности” и в том, что она стала причиной “страшных несчастий”, потребовал обыска документов предприятия. Работники, уполномоченные судом, прочесали документацию в штаб-квартире “Робинс” в Ричмонде и указали: компания скрывала, что знает об опасностях “Далкон Шилдов”. А еще ситуацию для “Робинс” усугубили показания Роджера Таттла (Roger Tuttle), бывшего

юриста фирмы, что он по указанию директора уничтожил внутренние документы, имеющие отношения к тем самым внутриматочным спиральям.

“Робинс” категорически отрицала показания Таттла, но это способствовало вынесению самого жесткого судебного приговора. Компании предписали выплатить 9,2 миллиона долларов женщине из Уичито, которой после использования спирали пришлось удалить матку.

История с “Робинс” – это всего лишь один из самых крупных эпизодов в потоке проблем, связанных с ответственностью за продукцию; подобные иски заполнили суды. В прошлом году Dow Chemical и другие производители Agent Orange, дефолианта, использовавшегося во Вьетнаме, согласились выплатить 180 миллионов долларов ветеранам войны, утверждавшим, что рак и другие проблемы со здоровьем у них возникли после работы с этим химикатом.

В прошлом году Mettel Dow, дочернее предприятие Dup Chemicals, согласилось учредить фонд в 120 миллионов долларов для удовлетворения жалоб по поводу того, что бендектин, лекарство от утренней тошноты при беременности, вызвало врожденные уродства у детей. Но адвокаты некоторых истцов не согласились с решением суда, и в залах заседаний вновь начались дебаты по поводу бендектина.

Как раз когда на прошлой неделе “Робинс” намеревалась заявить о своем банкротстве из-за расходов вследствие побочных эффектов, у другой крупной американской фармацевтической компании “Эли Лилли” (Eli Lilly), тоже появились проблемы с законом. Фирму признали виновной в том, что она не уведомила федеральные власти о смертельных случаях и серьезных побочных эффектах за рубежом, вызванных приемом ее противовоспалительного медикамента орафлекс, прежде чем этот препарат разрешили к использованию в США. Лилли не стала говорить потребителям, что орафлекс может вызвать болезни печени и почек.

Неприятности с орафлексом начались в 1980 году, когда он уже продавался в Великобритании (под названием опрен) и восьми других странах, и когда его представили в американскую Администрацию по пищевым продуктам и лекарственным препаратам; последняя одобрила его в апреле 1982 года.

Федеральные следователи утверждают, что орафлекс оказался фактором, способствовавшим смерти более чем 100 человек, в том числе 26 в США – это произошло с момента появления препарата на рынке в августе 1982 до изъятия его из продажи».

В августе 1982 года, спустя лишь несколько дней после того, как производители сняли с продажи орафлекс во всем мире, в Германии родственники умерших от этого медикамента подали иск против дочернего предприятия «Эли Лилли» в Бад Хомбурге. Им смертельно опасный медикамент всучивали гениальным образом, переименовав препарат в коксигон. Этикетка-то изменилась, а вот побочные эффекты оказались прежними: смертельными.

Число судебных процессов растет

Все больше людей начинают сомневаться в непогрешимости врачей-священнослужителей, и растет число успешных судебных процессов, когда удается привлечь к ответственности производителя. Как сообщает статья в журнале “Time” от 16 сентября 1985 года, значительно возрастают размеры страховых премий для производителей и врачей:

«Примерно 18% гинекологов Америки сменят сферу деятельности в этом году, потому что сумма страхования от судебных исков в связи с врачебными ошибками достигла 72 тыс. долларов в год... Страховые компании указывают, что у них нет иного выбора, кроме как повышать страховые взносы: им нужно вернуть 3,8 миллиона долларов убытков за прошлый год».

Но даже когда СМИ и правосудие настоятельно требуют привлечь виновных к ответу, медицинские организации при поддержке нефтехимических концернов отказываются признать изначальную причину, по которой эти преступления оказываются возможны:

молчаливое согласие с тем, что опыты на животных являются действенным методом исследования, и упрямый отказ признать тот факт, что эти самые опыты на животных есть причина медицинского надувательства, растущего во всем мире.

Как известно, началом всему стала трагедия с талидомидом. Немецкий суд тогда оправдал производителей, так как всемирно известные ученые, например, лауреат Нобелевской премии Борис Чейн (Boris Chain), под присягой заявили, что никакие опыты на животных не могут обеспечить абсолютную надежность, и что все положенные тесты были добросовестно проведены. Сбытчики смертельных лекарств до сих пор успешно используют это алиби; его принимают суды, которые должны ссылаться на «медицинских экспертов». Кажется, что у человеческой природы есть одна извращенная способность, а именно сохранять верность своим ошибкам.

Все повторилось в случае с орафлексом, о котором мы говорили ранее. В английском журнале “Economist” за 12 февраля 1983 года мы снова узнаем про старый бромид. Его распространял производитель орафлекса, и в Англии он продавался под названием опрена.

«Мистер Джек Эшли (Jack Ashley), депутат парламента от лейбористской партии, борется против отказа “Эли Лилли” выплатить жертвам опрена компенсацию. **“Эли Лилли” утверждает, что она провела все тесты, необходимые для получения разрешения на продажу, и поэтому не могут нести ответственности за небрежность»** (выделение добавлено).

Стоит ли повторять в очередной раз, что «тесты, необходимые для разрешения на продажу» – и для приведения в качестве алиби – это опыты на тысячах животных, прежде всего пресловутый тест ЛД-50; о его ненадежности говорят сами исследователи всякий раз, когда такое заявление может спасти их от ответственности.

Разумеется, несколько приведенных нами случаев представляют собой только вершину айсберга, и для тех, кто способен понимать сущность дела, это доказательство того, что человечество стало жертвой крупнейшего обмана со времен Средневековья, когда церковь объявила себя единственным оплотом здоровья, прогресса и просвещения.

Вот еще несколько примеров.

Из английского журнала “Economist” за 19 марта 1983 года:

«На прошлой неделе Бюллетень по лекарственным препаратам и методам лечения (Drug and Therapeutics Bulletin) сообщил, что дисталгетик, обезболивающий препарат, разработанный американской фирмой “Эли Лили” 20 лет назад, в 1980 году мог стать причиной смерти 269 человек вследствие самоубийства или несчастного случая...»

Министерство обороны крупных фармацевтических предприятий круглосуточно работает над тем, чтобы противостоять обвинениям и спасти своих коллег от тюрьмы. В последний раз представитель «Сибя-Гейги» краснел тогда, когда мама в детстве ловила его за руку при попытке утащить конфету. С тех пор прошло много времени.

Когда в 1982 году стало известно, что в Египте «Сибя-Гейги» в качестве эксперимента опрыскивала детей и молодежь пестицидом, фирма никоим образом не опровергала это обвинение; она только заявила, что документы, которые подтвердили это исследование, были получены с помощью кражи. Таким образом, концерн сожалел, что и сильные мира сего, которые совершают неправомерные действия, не застрахованы от подобных действий применительно к себе... (“St. Galler Tagblatt” за 19 ноября 1982 года).

5 мая 1983 года в “New York Post” вышло сообщение из Сиракьюса под названием «Новая головная боль для “Johnson and Johnson: пять человек умерли после приема обезболивающего медикамента» (New Johnson and Johnson Scare: 5 DIE TAKING Rx Painkiller). Статья начинается следующим образом:

«Пять человек умерли от аллергической реакции на болеутоляющее средство зомакс, но ни производители, ни Администрация по пищевым продуктам и лекарственным препаратам не считают нужным снимать его с продажи без дальнейших исследований, сообщили вчера официальные лица».

Разумеется, «дальнейшие исследования» включали в себя доверчивых потребителей, веривших в честность и компетентность священнослужителей от медицины вплоть до того

времени, когда достаточное количество людей умерли либо необратимо подорвали здоровье; зомакс тогда оказался в постоянно растущем списке медикаментов, которые прошли тестирование на животных, но были вынужденно изъяты из продажи службами «здравоохранения».

Наибольший вред здоровью наносят лекарства от артрита и ревматизма, которые по сути только устраняют боль, а вслед за ними идут средства от насморка и гриппа, очень популярные среди населения, хотя службы здравоохранения и такие именитые врачи как Альберт Сэйбин (Albert Sabin) неоднократно разъясняли их полную бесполезность.

Дейвид Флетчер (David Fletcher), медицинский корреспондент, писал в июне 1983 года в “Daily Telegraph” следующее:

«Как сообщил вчера фармацевт из больницы, медикаменты, принимаемые в больших количествах при заложенном носе, кашле и простуде, могут иметь серьезные побочные эффекты, среди них – повышенное кровяное давление.

Его предупреждение касалось препаратов, содержащих фенилпропаноламин, и включало в себя такие известные лекарства от простуды как капсулы Бичема, контакт 400 и таблетки му-крон.

Среди других продуктов, в состав которых входило это вещество, и которые продавались без рецепта, – “Day Nurse”, “Hot Measure”, Owbridge’s Cold Control, прокол, секрон, “Sine-off” и жидкий му-крон для детей».

В тот же месяц та же самая газета сообщает:

«Резкое увеличение количества смертей в реанимации Глазго заставило правительственный Комитет по безопасности лекарств (Committee for the Safety of Medicines) сделать предупреждение для больниц, касающееся использования препарата гипномидат применительно к пациентам в критическом состоянии. Врачи отказывались сообщить, сколько пациентов могли погибнуть после приема этого медикамента».

Выдержка из сообщения, полученного из Вашингтона и опубликованного в “New York Post” от 24 января 1983 года:

«Конгрессмен Марио Бьяджи (Mario Biaggi) потребовал вчера провести тщательное исследование “адского препарата”, который, согласно медицинским докладам, мог быть причиной смерти 852 сердечников в городе Нью-Йорке.

Депутат от Демократической партии из Бронкса сообщил вчера вечером газете “New York Post”, что сердечный препарат, известный под названием эпинеферин, остается в обороте, невзирая на сообщения восьмимесячной давности о связи, наблюдающейся между инъекциями медикамента и смертью 852 человек.

В сообщении доктора Джона Фельдшу (John Feldschuh), заведующего лабораторией кардиологии и метаболии в Нью-Йоркском медицинском колледже (New York Medical College), делается вывод, что он – доктор Фельдшу – “не в состоянии обнаружить ни одного случая выживания” среди 852 пациентов, получавших тот или иной вариант этого препарата производства Abbott Laboratories (Чикаго) в виде инъекций. По словам Бьяджи, он “ужаснулся”, когда узнал, что этот медикамент не изъяли с продажи».

Болеутоляющие средства, которые потакают всеобщему желанию быстро избавиться от недуга, в большинстве случаев кратковременного и связанного с человеческой безответственностью или невоздержанностью, виноваты в огромном количестве проблем со здоровьем и смертей. Сообщение СР из Монреаля от 4 августа указывает следующее:

«В 1984 году как минимум 10 канадцев умерли от осложнений, которые возникли в результате использования медикаментов, принадлежащих к новой группе рецептурных болеутоляющих лекарств; врачи предупреждают, что эти смерти представляют собой только вершину айсберга. Речь идет о группе из примерно 40 лекарств, известных как NSAIDы – обозначение нестероидных противовоспалительных препаратов. Их часто прописывают при артрите и других заболеваниях, сопровождающихся болью.

Как сообщает доктор Майкл Бреннан (Michael Brennan), член Комиссии по медикаментам и фармакотерапии Медицинской Ассоциации Онтарио (Ontario Medical Association), доказательства указывают на то, что “мы, по-видимому, столкнулись в нашей стране с проблемой серьезнее СПИДа”. Ведущая статья в свежем выпуске “Canadian Medical Association Journal” высказывает мнение, что прием NSAIDов “приобрел невероятные масштабы”».

В ноябре 1983 года шведская ежедневная газета “Dagens Nyheter” опубликовала секретное сообщение, которое было получено профессором Олле Ханссоном (Olle Hansson) от одного из работников швейцарского фармацевтического гиганта «Сибя-Гейги». Согласно этому сообщению, как минимум 1182 человека погибли вследствие потребления двух лекарств от артрита, бутазолидина и тандерила, производства названной фирмы (а другие источники говорят примерно о 10 тысячах умерших).

«Причины для беспокойства нет», – заявил 17 ноября 1983 года рупор «Сибя-Гейги» Рене Порше (René Porchet) для швейцарской еженедельной газеты “Sonntags-Blick” и назвал «абсурдным» требование профессора Ханссона изъять из продажи оба лекарства.

Но меньше чем через два года «Сибя-Гейги» решила снять с производства тандерил и рекомендовать использование другого препарата, бутазолидина, с большой осторожностью. В сообщении “Guardian” от 4 апреля 1985 года говорится следующее:

«Фармацевтический концерн “Сибя-Гейги” вчера поддался давлению со стороны потребителей и врачей и снял с продажи по всему миру свое противоартритное средство тандерил. На использование родственного медикамента бутазолидина будут наложены ограничения... В прошлом году сумма от продажи этих двух препаратов составила примерно 58 миллионов фунтов».

Кажется, «Сибя-Гейги» обладает особым даром попадать под суд, где ее заставляют изымать лекарства с рынка, выплачивать компенсации пострадавшим и штрафы правительству. Тем не менее, прибыль ее продолжает расти, прежде всего за счет продаж за рубежом, и особенно – в странах Третьего мира.

«Опасное лекарство снято с продажи» (Danger Drugs taken off market), – так называется статья в газете “Guardian” за 16 мая 1984 года. В ней рассказывается о том, что произошло в Англии:

«Из оборота пришлось немедленно изъять два обезболивающих средства с известными названиями, сообщил вчера министр здравоохранения Кеннет Кларк (Kenneth Clarke). В Великобритании употребление тандерила и тандакота связали с 400 смертями, а гарант надежности медикаментов, Комитет по безопасности лекарств (Committee on Safety of Medicines), рекомендовал их отозвать еще 10 недель назад. Согласно характеристике данного Комитета, медикаменты с активным веществом оксифенбутазоном вдвое опаснее, чем анальгетики с фенилбутазоном, которые были полностью запрещены в марте.

В течение 20 лет, пока эти средства присутствовали на рынке, они так или иначе поспособствовали 1500 смертям. Производитель, компания “Сибя-Гейги”, воспользовалась своим правом на обжалование и затормозила изъятие препаратов, содержащих оксифенбутазон».

Из “New York Times” за 13 июня 1984 года:

«Четырем работникам “Smithkline” предъявили обвинения по поводу распространения селакрина, который появился на рынке в мае 1979 и был изъят компанией в январе следующего года. “SmithKline” тогда заявила, что получила сообщения о 510 случаях повреждения печени в США и Франции, в том числе о пяти смертях, и причиной их, возможно, стал медикамент».

Из “Guardian” за 4 января 1985 года:

«Как сообщил вчера Комитет по безопасности лекарств, 5 пациентов умерли и 77 других имели серьезные побочные эффекты в результате использования препарата “Низорал”, который широко используется при грибковых инфекциях».

В 1985 году органы здравоохранения ФРГ опубликовали предупреждение в СМИ. В нем говорилось следующее:

«Тысячи туристов знают средство от малярии фансидар и принимали его. Но сейчас выяснилось, что этот препарат производства “Хоффман-Ля Рош” может вызывать серьезные кожные заболевания с опасными для жизни последствиями. Предполагается, что во всем мире от него погибло множество людей».

«Повреждения мозга вследствие приема медикамента собирают дань примерно с 25 миллионов человек» (Drug brain damage toll put at 25 million) – так называлась статья,

опубликованная в “Guardian” 16 июля 1985 года. Ее написал медицинский корреспондент Эндрю Вейч (Andrew Veitch), и говорилось в ней следующее:

«С рынка следует изъять высокоэффективные транквилизаторы, такие как ларгактил, которые используются для снятия возбуждения у психотических пациентов больниц и в тюрьмах, об этом вчера было заявлено на Всемирном конгрессе психического здоровья (World Mental Health Congress) в Брайтоне.

Как заявил Дэвид Хилл (David Hill), старший клинический психолог больницы Уолтер (Walter Hospital) в Честерфилде, у более чем 25 миллионов пациентов возникли необратимые изменения мозга вследствие приема этого медикамента...

Большинство психиатров признают, что сильные транквилизаторы вызывают тардивную дискинезию, при которой пациенты теряют контроль за мышцами. По осторожным подсчетам, у 38 миллионов человек в результате возникла тардивная дискинезия, при этом более 25 миллионов навсегда утратили способность контролировать мышцы языка, а во многих случаях – и всего тела».

Еще одна статья из “Guardian”, под названием «Врачи предупреждают об опасностях гормона роста» (Doctors warn of growth hormone risk), написанная медицинским корреспондентом Эндрю Вейчем (Andrew Veitch) и опубликованная 2 августа 1985 года, указывает, среди прочего, следующее:

«Как вчера сообщили врачи, 500 человек, которые в детстве получали гормон роста, возможно, рискуют умереть от медленно действующего вируса, поражающего клетки головного мозга, и ничего не подозревают об этом.

Сегодня поступили сведения о первой английской жертве, 23-летней женщине из Саусгемптона, которую с 13-летнего возраста лечили человеческим гормоном роста. Департамент здравоохранения и Администрация по пищевым продуктам и лекарственным препаратам США запретили этот гормон в мае, если того, как в Соединенных Штатах от него погибли три пациента.

Действие заражения, которое произошло в 1970-е годы, проявляется только сейчас, потому что клеткам на распространение потребовались годы. В группу риска входят прежде всего 500 англичан, получавшие гормон примерно до 1974 года.

Большинству 20-30-летних людей ничего не говорили об угрозе болезни, потому что лечения нет...

Гормон этот получали из гипофиза трупов».

«Фирма “с пренебрежением” отнеслась к сигналам об опасности медикамента» (Company treated warning about drug’s danger “with contempt), – под таким заголовком вышла статья в “Guardian” 16 декабря 1985 года. Помимо прочих неприятных фактов, в ней говорится следующее:

«Сообщения от врачей побудили Комитет по безопасности лекарств (Committee on Safety of Medicines) издать предупреждение по поводу медикамента меритала. Сегодня «Бюллетень по лекарственным препаратам и методам лечения» (Drug and Therapeutics Bulletin) обвинил производителя, компанию “Hoerst” за отсутствие внимания к предупреждению.

Последние данные от Комитета по безопасности лекарств свидетельствуют, что меритал (общее название – номифенсин) в одном случае оказался связан со смертью от тромба, а другие пациенты страдали от серьезных побочных эффектов, таких как отказ почек. Как предупреждают врачи, подобные реакции невозможно ни предсказать, ни предотвратить, и у тех пациентов, которые возвращаются к приему препарата после долгого перерыва, их может вызвать всего лишь одна таблетка».

Время идет, но производителям лекарств все по-прежнему дозволено убивать и калечить людей препаратами, которые продаются ради прибыли и на основании того, что они прошли тестирование «на безопасность» (на животных). Очередное свидетельство тому – статья от 23 декабря 1985 года, опять же, из “Guardian”:

«Исследование Комитета по безопасности лекарств позволило установить, что за 5 лет, прошедшие со времени выпуска препарата фельден на рынок, вследствие его приема умерло 77 человек, а у более чем 2000 пациентов были серьезные побочные эффекты, прежде всего прободение кишечника и кишечные кровотечения.

Его производитель, американская компания Pfizer, утверждает, что лекарство “хорошо переносится”. По ее словам, сообщение врача о смерти вовсе не означает, что причиной смерти действительно стал фельден».

Хромое алиби «Пфайзера» упускает из виду тот факт, что врачи очень не любят связывать смерть большого с выписанным ими лекарством, ведь это может стать поводом для иска о врачебной ошибке, из-за которых в настоящее время с огромной скоростью увеличиваются страховые тарифы при страховании ответственности.

Еще одно сообщение из “Guardian” за 28 декабря 1985 года под заглавием «Швейцарские предприятия сфальсифицировали информацию о медикаментах» (Swiss falsified drug test data). Вот выдержка из нее:

«Швейцарский химический концерн “Сибя-Гейги” вчера признался в фальсификации данных, предоставляемых японским органам здравоохранения, о безопасности 46 антибиотиков и других медикаментов.

Полагают, что каталог с фальшивыми данными – обнаружить его удалось благодаря предупреждению, которое получило японское Министерство здравоохранения и благосостояния – представляет собой одно из крупнейших признаний со стороны фармацевтического предприятия, насколько беспорядочно происходит проверка медикаментов.

Японское правительство заставило “Сибя-Гейги” закрыть две своих фабрики и приостановить продажу и импорт лекарств в страну на 20 дней с 6 января».

Ухудшение здоровья детей

Статья Эллен Хейл (Ellen Hale), опубликованная одновременно в нескольких американских газетах, сообщает, что за последние годы число смертей от астмы увеличилось, «несмотря на разработку новых эффективных лекарств и новые методы лечения хронических болезней дыхательных путей».

Слово «несмотря на» тут можно было бы заменить на «вследствие».

В одном из исследований, которое упоминается в статье Эллен Хейл и опубликовано в “Annals of Allergy”, заведующий отделом аллергии и иммунологии в детской больнице Национального медицинского центра (National Medical Center, Вашингтон) констатирует, что в 1980 году от астмы умерло больше детей, чем годом ранее. В промежуток времени с 1961 по 1981 число госпитализаций вследствие астмы возросло в 3-18 раз. Смертность от астмы возросла с 1872 случаев в 1978 году до 2598 случаев в 1979 году и 2891 в 1980 году.

Еще одно исследование, опубликованное в “American Journal of Diseases of Children” за июль 1985 года под заглавием «Неожиданная смерть от детской астмы» (Unexpected Death from Childhood Asthma), указывает на возможность того, что лекарство, назначенное пациентам, стало причиной неожиданной смерти 13 детей. Это важно, потому что в США более чем у 10% детей в возрасте до 17 лет наблюдались астматические приступы один или более раз.

Некоторым из умерших детей прописывали изопротеренол (см. «Убийство невинных», среди его торговых названий – аэролон, дуо-медихалер, изупрел, норизодрин). Девять человек из 13 были зависимыми от стероидов и получали либо преднизон, либо беклометазон (торговое название бекловент, ванцерил). Двое пациентов получали теофиллин (некоторые их торговых названий – эликсофиллин, маракс, квиброн, слофиллин, тедрал, теобид, теодур).

Восемь пациентов из девяти, подвергнутые вскрытию, принимали гормоны коры надпочечников, и у троих из них обнаружилось разрушение коры надпочечников. Следователи указывают, что в зависимости между повышенным использованием спреев и повышенной смертностью от астмы нет ничего нового, что о ней сообщали еще в 1972 году в медицинских журналах (см. «Убийство невинных»).

«Признаки повреждения мозга, очевидно, из-за лекарства» (Brain damage signs apparent from medicine), – под таким названием 20 декабря 1983 года вышла в “Lethbridge Herald” статья о сообщении СР из Чилливака (Британская Колумбия). Там говорится следующее:

«Мужчина из Чилливака утверждает, что у его маленькой дочери после приема опасного медикамента, содержащего метадон, наблюдаются симптомы возможного повреждения мозга.

Гарет Ворли (Garet Whorly) в понедельник высказал мнение, что у 15-месячной Шеннон есть изменения в поведении, которые беспокоят ее врача.

Шеннон стала одним ребенком из четырех (а всего зарегистрированных случаев – пять), которые пострадали в результате приема медикамента, продаваемого компанией Shopper Drug и содержащего метадон.

Ворли прервал молчание об октябрьском происшествии и признался, что врачам потребовалось три часа, чтобы вновь заставить Шеннон дышать...

Как говорит доктор Мадилл, после приема препарата, содержащего метадон, Шеннон находилась в более глубокой анестезии, чем требуется при проведении хирургических операций. Он указывает, что у нее наблюдается “странное поведение, выражающееся в битье самой себя по лицу”. Доктор добавляет, что она также часто падает на пол и кажется смущенной.

По его мнению, “это либо психологические изменения, либо повреждение мозга”».

Сколько медикаментов на самом деле нужно? 205000? 60000? 240? 9?

В 1980 году Всемирная организация здравоохранения со штаб-квартирой в Женеве опубликовала список из 234 медикаментов, которые считаются «необходимыми» или достаточными для удовлетворения потребностей стран Третьего мира. Поскольку третий мир оказался избран в качестве потенциальных клиентов, которым позарез нужна западная помощь в сфере здравоохранения, тех 234 лекарств будет достаточно и для западного населения.

В связи с сообщением ВОЗ появляется вопрос, а зачем тогда к настоящему времени было создано примерно 205 тыс. лекарств и их сочетаний, большинство из которых впоследствии сняли с производства? Почему так получается, что в ФРГ в настоящий момент разрешение на продажу имеют более 60 тысяч медикаментов, и их продажа стимулируется, а в Швейцарии этот показатель составляет примерно 10500, и большинство медикаментов – производства швейцарских фирм?

14 октября 1981 года цюрихская “Weltwoche” сообщила, что ЮНИДО (Организация объединенных наций по промышленному развитию – United Nations Industrial Development Organization) совместно с ВОЗ составила список из всего лишь 26 медикаментов, которые необходимы для стран Третьего мира. По логике, из этого следует, что остальные 200 тыс. и более лекарств можно считать излишним. Только вот логика в медицине никакого значения не имеет.

Число 26 почти идентично тому числу медикаментов, которые, по мнению Медицинской комиссии под руководством бывшего президента Чили Альенде (Allende), врача, не сотрудничавшего с фармацевтической промышленностью, имеют сколько-либо доказанное лечебное действие. Но это еще не все.

Сообщение ЮНИДО подчеркивает, что из 26 «необходимых» медикаментов приоритет должен принадлежать девяти.

И какое же лекарство из этих девяти самых необходимых значится в списке под номером один? Ацетилсалициловая кислота, то есть, наш старый добрый аспирин, который появился сто лет назад и оказался менее вредным, чем большинство других медикаментов! Может быть, потому что это одно из немногих используемых по сей день лекарств, которое разработали без опытов на животных?

Некоторые считают список из 9 «самых-самых» медикаментов слишком длинным.

Вышеуказанные факты можно приводить тем, кто все еще допытывается, как тогда следовало бы разрабатывать новые препараты. Прежде всего, новые лекарства не требуются, особенно если мы перестанем создавать новые болезни. Как доказали доктор Мендельсон и доктор Холмс (см. главу 4), человечеству было бы гораздо лучше с меньшим количеством медикаментов или вообще без них. А те, кто все же хотят разрабатывать новые препараты и не знают, каким образом действовать без животных, должны исследовать великие школы Востока – Индии, Китая, Персии. На протяжении тысячелетий они создали множество лекарств, которые никогда не тестировались на животных и по этой причине имеют непреходящую ценность. Она настолько велика, что наша западная промышленность все время пробует скопировать те медикаменты для массовой продажи, используя химикаты, но в этом случае целебный эффект и рядом и стоит с воздействием натурального оригинала.

Заболеваемость диабетом тоже растет

Злоупотребление антибиотиками вызвало проблемы со здравоохранением во всем мире, снизило устойчивость у людей, зато повысило ее у бактерий. Таким же образом широкое использование инсулина увеличило заболеваемость диабетом. Когда в 1920-е годы, благодаря Бантингу (Banting), Бесту (Best) и Коллипу (Collip) началось массовое коммерческое производство инсулина, сахарная болезнь встречалась относительно редко, а потом диабет стал одним из самых распространенных заболеваний, и частота его продолжает расти.

Объяснить это явление легко. Разнообразные клинические исследования, в которых участвуют младенцы с момента рождения, а иногда и раньше, обычно раскрывают некоторые не относящиеся к делу нарушения биологического баланса. Причины их могут быть разными: (1) неправильные клинические анализы, которые, как известно, очень ненадежны; (2) действительно имеющее место нарушение работы какого-то органа, которое часто связано с приемом лекарств во время беременности; (3) родовая травма; (4) незначительный врожденный дефект, который, если его оставить в покое, постепенно скорректируется, благодаря воздействию целебных сил природы.

Но всякий раз, когда послеродовое обследование выявляет недостаточную активность поджелудочной железы в выработке инсулина (реальную или мнимую), современная медицина тут же вмешивается с животным инсулином, и он берет на себя роль ленивой поджелудочной железы. В результате, поджелудочная железа, вместо того, чтобы развиваться и активизироваться для выполнения своей природной функции, оказывается, если можно так выразиться, в покое, так как кто-то другой взял на себя ее предназначение обеспечивать организм необходимым инсулином. Железа атрофируется, постепенно сжимается и, наконец, становится полностью неспособной к работе; изначальный дефект перерастает в хроническую болезнь, а те, кому пришлось с этим столкнуться, становятся пожизненными пациентами своего врача-священнослужителя, возможности их оказываются все более ограниченными – и все это благодаря инсулину!

Утверждение, что диабет – это наследственная болезнь, так как зачастую бывает у всех членов семьи, тоже неверно. Диабет, особенно у взрослых, имеет связь с питанием, а дети в раннем возрасте перенимают от своих родителей плохие привычки, связанные с едой.

У многих курильщиков курили родители; тот факт, что у обоих поколений со временем от курения может возникнуть рак легких, не делает его наследственной болезнью. И диабет тоже не является таковой. А вот плохие привычки унаследовать можно.

В Швейцарии, например, сахарный диабет, этот новый тупик современной медицины, при выражении в цифрах выглядит следующим образом. Согласно опубликованным данным Государственной статистической службы (das Eidgenössische Statische Amt) в Берне, («Развитие швейцарского населения» – “Entwicklung der schweizerischen Bevölkerung”), в 1930 году в Швейцарии от диабета умерло 445 человек, а в 1980 году – 1323!

Другие страны, где также царствует Современная Медицина, не отстают от Швейцарии. В Великобритании в пресс-релизе от 13 июня 1983 года говорится следующее:

«Каждые 10 лет количество маленьких детей с диабетом удваивается, сообщили врачи на этой неделе в журнале “British Medical Journal”. Болезнь развивалась к 10-летнему возрасту примерно у 13 детей из 1000, родившихся в течение недели в 1970 году, тогда как для детей 1958 года рождения этот показатель составлял 6 на 10000, а для 1946 года рождения – 1 на 10 тысяч».

Еще один роковой провал западной медицины с ее верой в лекарства.

Эксплуатация бедняков

Журнал “Time” за 28 июня 1982 года опирался на мысль, которой закончилась наша глава «Эксплуатация бедняков» и напечатал свою собственную статью на ту же тему, уже знакомую каждому читателю настоящей книги. Она основывалась на сообщении Мильтона Сильвермана (Milton Silverman), которого мы тоже упоминали в той главе. Вот выдержки из статьи:

«На Филиппинах от инфекций, начиная с насморка и кончая прыщами, прописывают хлорамфеникол, сильный антибиотик. В стандартном каталоге лекарств для филиппинских врачей нет никакого предупреждения о возможном побочном эффекте: смертельной форме анемии.

В Кении врачи прописывают стероидные гормоны при таких незначительных недомоганиях как потеря аппетита, недостаток выносливости и апатия. При длительном употреблении стероиды вызывали у девочек увеличение клитора, а у женщин – рост бороды и облысение.

В Индонезии торговцы продавали в придорожных ларьках клиоквинол (торговое название – энтеро-виоформ). Это очень сильное средство против поноса, в Японии его запретили десятью годами ранее, а в Америке сняли с продажи после случаев, когда у некоторых пациентов острые боли в брюшной полости сочетались с повреждением мозга и ослеплением.

То всего лишь примеры бесчисленных инцидентов неправильного использования лекарств, которые были приведены в новом крупном исследовании о продвижении, продаже и использовании медикаментозных средств в странах третьего мира. Его в течение восьми лет проводили фармаколог Мильтон Сильверман из Университета Калифорнии (University of California, Сан-Франциско), его жена Миа Лидекер (Mia Lideker), младший научный сотрудник из того же университета и бывший исполняющий обязанности секретаря Министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения доктор Филипп Ли (Philip Lee). 172-страничный доклад с драматическим названием “Смерть по рецепту” (Prescriptions for Death) устанавливает “острый дефицит социальной ответственности” со стороны международной фармацевтической индустрии. Как указывают Сильверман и его коллеги, фармацевтические транснациональные корпорации придерживаются «вопиющих двойных стандартов» при продаже лекарств в бедные страны.

Товары, которые в западных странах запрещены либо имеют серьезные ограничения – клиоквинол и аминопирин, жаропонижающее и болеутоляющее средство, способствующее возникновению серьезного заболевания крови – сбываются по бросовым ценам на неконтролируемом рынке Юго-восточной Азии. Многие из них широко продвигаются. Клиоквинол рекламировали по индонезийскому телевидению, пока в

прошлом году правительство не запретило всю телерекламу. В таких нищих странах как Нигерия расхваливают продукты от недоедания, вроде витаминов и “укрепляющих средств”, хотя, как заявил Сильверман в одном интервью, “этим людям нужны не витамины, а что-то съедобное”.

Сильверман как автор трех книг против производителей лекарств здорово нарушает спокойствие и оставляет свой след. Среди его мишеней – крупнейшие фармацевтические предприятия мира. Швейцарскую компанию “Сибя-Гейги”, занимающую по своему обороту четвертое в индустрии, в статье обвиняют в том, что она наводнила рынок клиоквинолом и аминокпирином.

Один из представителей “Сибя-Гейги” на Филиппинах привлекал клиентов с помощью порнографических фильмов и проституток».

Еще о пропаганде и дезинформации

Еще одно с первого взгляда неподтвержденное заявление из книги «Убийство невинных» позже получило доказательства. Там мы утверждали, что в 1960-е-1970-е годы сотни тысяч невинных существ оказались обречены на смерть от принудительного перекорма, и для этого были наняты «медицинские эксперты», от которых требовалось обеспечить мнимые доказательства, чтобы мощное лобби производителей сахара смогло законодательно запретить продукцию конкурентов – цикламат и сахарин. Все это делалось при тайном сговоре с медицинским истеблишментом и службами здравоохранения.

А в 1984-1985 годах это заявление получило доказательства:

«В апреле правительственная служба предприняла значительные меры для реабилитации запрещенных подсластителей, тогда их собственный комитет по контролю рака выпустил доклад, согласно которому, тестирование на всех видах животных “дало очень малообоснованные результаты”, подтверждающие канцерогенность цикламата. Доклад означал отказ от результатов опытов на животных, которые привели к первоначальному запрету» (“New York Times”, 1 августа 1984).

«По мнению Американской Медицинской Ассоциации (American Medical Association), сахарин, искусственный подсластитель, который пыталась запретить Администрация по пищевым продуктам и лекарственным препаратам в результате некоторых исследований, связывающих его с раком мочевого пузыря у крыс, кажется безопасным для употребления человеком. Бесчисленные исследования на многих других видах, включая людей, не выявили связи между сахаринном и каким-либо раком» (“Los Angeles Times”, 10 августа 1985).

Вполне логично, что самые богатые и потому могущественные физические лица и организации в западном мире инвестируют огромные суммы в самые прибыльные фирмы, большую часть которых составляют нефтехимические концерны, а к ним относятся и фармацевтические предприятия. А вследствие того, что последние связаны с организациями «по здравоохранению» (деньги налогоплательщиков), они вообще оказываются самой прибыльной отраслью торговли. Вот почему аморальность их работы и научная непродуктивность их методов никогда не предавалась огласке. Статья Джеффа Герта (Jeff Gerth), опубликованная в “New York Times” под названием «Буш, обладатель акций фармацевтического концерна, пробовал воспрепятствовать изменению налогового законодательства» (Bush, Who Held Drug-Firm Stock, Sought to Prevent Tax Rule Change), сообщает следующую информацию из Вашингтона:

«Вице-президент Буш, который в момент вступления в должность обладал акциями фармацевтической компании на сумму, превышающую 145 тыс. долларов, а с 1977 по 1979 возглавлял “Эли Лили”, в марте вмешался в работу Министерства финансов в связи с предложенным требованием закона, оно требовало от фармацевтических предприятий платить больше налогов.

В письме от 14 апреля, где он дистанцировался от своего вмешательства в данный вопрос, Буш отрицает какой-либо конфликт интересов и указывает, что в 1978 году он продал свои 1500 акций “Эли Лилли”. Но по отчетности по налогам за 1981 год и

соглашению слепого трастового фонда, на момент вступления в должность Буш все еще владел акциями “Эли Лилли”, и то был самый ценный акционерный капитал.

Проверка документов о налоге с имущества за 1981 год выявила, что среди 12 компаний, куда он вложил акции, имеется акционный пакет Bristol Myers Co, фармацевтического концерна из Пуэрто-Рико, на сумму более 50000 долларов».

Возможно, личному доктору-священнослужителю господина Буша удалось убедить своего именитого пациента, что чем больше животных будет замучено в медицинских лабораториях, тем лучше будут развиваться его фармацевтические акции. И плевать на все более слабое здоровье обманутого населения, подавляющее большинство которого проголосовало за Рейгана и Буша.

Сегодня только очень небольшое число людей ожидает полной честности от высокопоставленных государственных лиц. Но для многих станет шоком тот факт, что некоторые крупные зоозащитные организации имеют свою финансовую долю в предприятиях, прибыль которых зависит от жестокой эксплуатации животных.

Например, самое богатое объединение из них, Массачусетское общество по предотвращению жестокости к животным (Massachusetts Society for the Prevention of Cruelty to Animals), которое в 1984 году обладало состоянием 44 миллиона долларов, а президент которого, доктор Дэвид Клафлин (David S. Claflin) из Дедхема имел годовой доход 77 тыс. долларов, ни разу не говорило о безмерной неэффективности вивисекции. Работа общества по предотвращению жестокости к животным заканчивается на вивисекции. Раз в год, во время фандрейзинга, они полируют свой имидж, выступая против сдачи бездомных собак в лаборатории и предлагая использовать вместо этого тех животных, которые были специально выращены для лабораторий. Таким образом, организация недвусмысленно соглашается с необходимостью опытов на животных.

Гуманное общество США (Humane Society of the United States), крупнейшая американская организация по защите животных, включающая в себя 140 тысяч членов, придерживается той же линии. «Гуманное общество США не является антививисекционным обществом, никогда не было таковым и не намеревается им стать», – заявил раз его президент Джон Хойт (John Hoyt) в ответ одному из его членов. Документы, имеющиеся в распоряжении, показывают, что годовой доход этого человека «совсем чуть-чуть» превышает 100 тыс. долларов.

Когда в 1985 году выяснилось, что авторитетное Королевское общество по предотвращению жестокости к животным (Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals) инвестировало крупные суммы денег в предприятия, широко использующие лабораторных животных, то организация не отрицала обвинений; она даже заявила, что не собирается менять свою политику.

Из статьи в “Guardian” за 25 мая 1985 года, автор – Пенни Чорлтон (Penny Chorlton):

«Вчера Королевское Общество по предотвращению жестокости к животным заявило, что и в дальнейшем будет инвестировать в такие прибыльные фармацевтические предприятия как Glaxo и ICI».

Все это стало достоянием гласности, но когда депутата Дженет Фукс (Janet Fookes), представляющую Королевское Общество защиты животных в парламенте, в радиоэфире спросили про обвинения, что в комитете организации сидят вивисекторы, и что объединение инвестировало огромные суммы в Glaxo, ICI и т.д., она ответила: «Все это не что иное, как сплетни и клевета».

Подавление

Подавление информации еще важнее, чем распространение лжи со стороны химико-медико-вивисекционного комбината; ведь правдивая информация означала бы лишение возможности обманывать. Таким же образом действуют руководители инфильтрованных зоозащитных и антививисекционных организаций: они умышленно

игнорируют все имеющиеся доказательства, что исследования на животных неэффективны, ограничивая свою деятельность пламенными, но бесплодными протестами против жестокости и аморальности «некоторых» опытов.

А клика вивисекторов при таких условиях, в свою очередь, может убедительно возразить, что противники экспериментов на животных, по-видимому, больше заботятся о животных, чем о людях (одна из их любимых фраз – «защитники животных на самом деле враги людей»), в то время как сами они очень любят животных, но в первую очередь заботятся о здоровье людей, а это, к сожалению невозможно без жертвования несколькими животными, прежде всего крысами.

Патриция Куртис (Patricia Curtis), упомянутая в главе 5, поручила нью-йоркскому юристу пригрозить Вашему покорному слуге судом, если он не откажется от своего заявления, что ее статью в поддержку вивисекции «заказало» Национальное общество медицинских исследований (см. главу 2). Я не мог доказать, что ей заказали написать ту статью, однако при тщательном рассмотрении, среди прочего, выяснилось, как она цитировала восхваления вивисекции со стороны Общества («Национальное общество медицинских исследований глубоко убеждено, что всякое сокращение экспериментов на животных поставит под угрозу здоровье населения и научный прогресс»), но не объясняла читателям, что эта организация вовсе не является объединением самоотверженных ученых, заботящихся о здоровье людей, а скорее представляет собой лобби разводчиков лабораторных животных и торговцев ими; люди эти боятся, что ежегодное сокращение числа используемых лабораторных животных ставит под угрозу их прибыль. В дальнейшем Куртис призналась мне, что ее статью не подвергали цензуре, и что она знала все происходящее за кулисами вивисекции, но умышленно скрыла эту информацию.

Однако американские подрывные элементы – это всего лишь любители, по сравнению со своими британскими коллегами. В крупные британские антививисекционные и зоозащитные организации противники не только внедряются тайно – их возглавляют бывшие вивисекторы и работники лабораторий. Самая молодая организация против опытов на животных, «Помощь животным» (Animal Aid), только краткое время оставалась незапятнанной – вскоре ее возглавила бывший сотрудник лаборатории доктор Джилл Ланглей (Gill Langley). Ее основной работой стало убеждение в том, что, поскольку без опытов на животных «пока не обойтись», единственное решение состоит во вливании денег в «фонды альтернативных методов», находящиеся под ее руководством. И немалые суммы от доверчивых британцев, надеющихся таким образом достичь отмены опытов на животных, полетели в руки экспериментаторов, которые являются основными бенефициариями «фондов альтернатив». Во многих случаях это дает им возможность покупать больше животных. Такой феномен можно наблюдать и в других странах, имеющих сильное химическое лобби, например, в Италии и Германии.

Неудавшийся бойкот

В 1980 году некоторые крупные британские и американские зоозащитные организации объявили бойкот товаров фирмы Revlon, потому что она тестировала свою продукцию на сотнях тысяч животных. Когда крупные демонстрации у входа в нью-йоркский офис компании и объявления на целую страницу в “New York Times” начали портить имидж этой фирмы, Revlon объявила с большой помпой, что она вкладывает 750 тысяч долларов на поиск «альтернативных методов» и без того не нужной вивисекции, и наивные защитники животных сразу же прекратили бойкот.

А все те средства, к которым позже добавились еще немалые суммы, достались «исследователям» из нью-йоркского Университета Рокфеллера, крупного центра опытов на животных. До сегодняшнего дня – то есть, спустя девять лет – эти ученые не провели еще ни одного исследования, направленного на «поиск» альтернативных методов, и деньги те предположительно пошли на закупку еще большего числа лабораторных животных. То же

самое произошло в ходе еще одного бойкота, на сей раз продукции “Avon”. Обе фирмы этими «пожертвованиями», произведенными из рекламного бюджета, сделали себе неплохую рекламу. А воз и ныне там.

Вездесущая швейцарская фармацевтика

Когда в 1982 году настоящая книга впервые вышла в Великобритании, она, ко всеобщему удивлению, подверглась резкой критике в бюллетене Animal Aid. Это была рецензия вышеупомянутой доктора Джилл Ланглей, биолога, которая занимала должность «технического консультанта» в Animal Aid и не рекомендовала членам организации эту книгу под предлогом того, что в ней содержится «ненадежная информация».

Только в 1986 году выявился поразительный факт, что муж этой самой госпожи Ланглей, доктор Кристофер Ланглей (Christopher Langley), *работает в корпорации «Сибя-Гейги» и занимается развитием международного сотрудничества в сфере медицинских и химических исследований.*

Вот чем объясняется настойчивость, с которой доктор Ланглей пыталась опорочить нашу книгу в журнале организации Animal Aid, а потом в частной корреспонденции.

Подавление через дорогостоящие судебные процессы

У фармацевтических предприятий, которые стремятся к тому, чтобы пресечь распространение неблагоприятных для них новостей посредством неинфильтрованных зоозащитных организаций, любимой стратегией стали угрозы дорогостоящими процессами; и во многих случаях угрозы эти оказывались реальными. Статья, которая была разослана в газеты всех стран, гордящихся свободой слова, вышла только в маловлиятельной “Charleston Gazette” (штат западная Виржиния) под названием «Давид, Голиаф» (David, Goliath). Опубликовали ее в номере от 2 февраля, и говорится в ней следующее:

«Богатые международные концерны запугивают судами. Они начинают многомиллионные судебные процессы, чтобы задушить критику, идущую со стороны мелких бедных добровольческих организаций.

Международная лига защиты приматов (International Primate Protection League) с главным офисом в Саммервилле (штат Южная Каролина) пытается защитить человекообразных и других обезьян всего мира. В 1982 году этой организации стало известно, что Immuno AG, австрийский филиал транснационального фармацевтического концерна, задумывается о создании африканской лаборатории, где будут использоваться шимпанзе для исследований гепатита.

Доктор Шерли Макгрил (McGreal), президент Международной лиги защиты приматов, заявила, что этот проект может угрожать исчезающим видам. Макгрил от лица организации высказалась на эту тему только в письме к редактору маленького научного журнала, имеющего тираж всего 350 экземпляров. И за это заявление Immuno подала против нее иск по обвинению в клевете с требованием выплатить семизначную сумму. В суд подали и на других людей, которые критиковали будущую лабораторию.

Дело против Макгрил слушалось в суде города Нью-Йорка, так что обвиняемой для многочисленных разбирательств обвиняемой приходилось ездить из Южной Каролины и таким образом преодолевать расстояние в 1500 миль. Из-за расходов на дорогу и на адвоката ей угрожало разорение – очевидно, это и было целью всемирного концерна.

Британский журнал, на который Immuno тоже подала в суд, понял, что погряз в расходах на адвокатов, и выплатил деньги по мировому соглашению, чтобы избежать дальнейших расходов. Так его заставили замолчать. Макгрил приняла твердое решение бороться до конца...

Право говорить о вопросах совести не должно пресекаться разгромными исками по обвинению в клевете. Мы надеемся, что Макгрил и Международная лига защиты приматов выиграют суд и подадут иск против международного концерна с требованием возместить средства, потраченные на эту битву Давида с Голиафом».

Мы считаем, что у маленького Давида появится шанс победить отвратительного Голиафа только тогда, когда подавляющее большинство газет займут столь же смелую позицию, как и “Charleston Gazette” в данном случае. Но Моррис Билл объяснил, почему в настоящее время на такой расклад шансов мало.

К сожалению, наше мнение оказалось правильным. Международная лига защиты приматов была застрахована против очень серьезного для Америки и опасного обвинения в клевете. Их страховая компания достигла компромисса, и дело быстро завершилось. У руководителя Международной лиги защиты приматов не оставалось иного выбора, кроме как согласиться и утешаться тем, что адвокат в личном письме сообщил ей о полной правоте с ее стороны.

Вейхерт и химико-медико-вивисекционный комбинат

Летом 1985 года Ганс Юрген Вейхерт (Hans Jürgen Weichert), бывший президент Всемирного общества защиты животных (World Society for the Protection of Animals) с главным офисом в Лондоне, поручил своему лондонскому и мюнхенскому адвокату добиться изъятия немецкоязычной версии настоящей книги, вышедшей в Мюнхене ранее в том году. Одновременно он подал иск по обвинению в клевете против немецкого издательства Hirthammer, требуя 500 тыс. дойчмарок за «недоказанные» заявления автора в адрес Вейхерта.

Хиртхаммер, вдохновленный и честный молодой издатель, не испугался и выпустил второй тираж книги без каких-либо изменений, полагаясь на документацию автора.

29 апреля 1986 года ландгерихт Мюнхена вынес следующее решение с обоснованием на 30 страницах:

1. Иск отклонить.
2. Истец несет все расходы, связанные с судопроизводством.
3. Решение суда подлежит предварительному исполнению при внесении залога в размере 3500 дойчмарок.

Истцы, которым отказали в удовлетворении иска, апелляционную жалобу не подали.

Этот случай в очередной раз показывает, что химико-медико-вивисекционный комбинат испытал уже все средства, чтобы подавить всю нежелательную информацию. В Америке с Международной Лигой защиты приматов им повезло гораздо больше, но все же не в такой степени, как в Британии. Там в 1980 году жонглер сердцами Кристиан Барнард (Christiaan Barnard) угрожал судебным процессом в связи с несуществующей клеветой, и этого оказалось достаточно, чтобы Futura Publications, британский издатель «Убийства невинных», принадлежавший истеблишменту, изъясил все экземпляры книги из магазинов и уничтожил их, даже не изъявив желания ознакомиться с документацией, которую предоставил автор.

Но о том, с какой эффективностью тайная превентивная цензура фармацевтического комбината, впервые введенная в 1940 году (см. главу 4) и разоблаченная Моррисом Биллом (Morris Bealle), расширилась и проникла во все сферы, можно судить по нижеописанному случаю; для большинства американцев он окажется неожиданностью.

AWARE означает “Americans Wanting Animal Research Exposed” (Американцы желают разоблачения опытов на животных; при этом английское слово “aware” по-русски означает «осведомленный» - прим. переводчика). Это молодая организация с офисом в Вентуре, штат Калифорния. Летом 1985 года она разослала нижеследующее циркулярное письмо во все важные американские газеты, на радиостанции, в общества защиты животных, а также некоторым политикам, в том числе Маргарет Хеклер (Margaret Heckler), Министру здравоохранения и социальных служб:

«Си-би-эс желает разоблачать всю коррупцию или только ту, в которой она сама не замешана?» (CBS – 60 Minutes Does it expose all corruption, or only that which it is not involved in?)

«60 минут» (60 Minutes) снискала в Америке репутацию новостной программы, которая раскрывает коррупцию на всех уровнях. Каждую неделю мы видим, как ее корреспонденты создают головную боль нечистоплотным бизнесменам и политикам и своими вопросами заставляют их занимать оборонительную позицию.

Некоторые из наших собеседников полагают, что нет такой коррупции, которую не смогла бы разоблачить эта передача, но мы обнаружили, что как минимум к одной “60 minutes” не рискнет подойти.

В 1982 году мы выяснили, что в нашей стране есть две книги, которые подавляются всеми правдами и неправдами. Мы узнали, что историк медицины Ганс Рюш собрал документированную информацию из медицинских и научных журналов и от врачей не только о жестокости опытов, но и о том, как они, вместо улучшения здоровья людей, вызывают стремительный рост числа врожденных уродств, новых видов онкологии и других доселе неизвестных болезней.

В 1983 году мы написали автору и спросили, хотел бы он выступить в “60 минутах”. Он сообщил нам, что уже пробовал это сделать много лет назад, и что у организаторов передачи есть экземпляр его последней книги, а также подробные сообщения о том, как в нашей стране подавляли эту его работу. Хотя книги господина Рюша – не единственные труды, разоблачающие опыты на животных и тот факт, что экспериментаторы готовы поставить под угрозу человеческое здоровье в угоду прибыли и своей карьере, его работы представляют собой на данный момент самые тщательно документированные и фундаментальные исследования.

Сразу после этого мы запустили “Петицию для ‘60 минут’”, а именно, сбор подписей с целью проинформировать передачу, что общественность становится все более осведомленной и требует показать правду. На тот момент мы уже знали, что как минимум 80% организаций-спонсоров (плюс еще инвестиции в газеты и журналы) имеют финансовые интересы, связанные с многомиллиардной индустрией опытов на животных.

В феврале 1984 года мы узнали, что в апреле Ганс Рюш приедет в Лос-Анджелес для выступления в Университете Калифорнии. Поэтому мы написали в редакцию передачи и проинформировали ее о сборе подписей. Некий М. Холиоок (M.Holyoack) ответил нам, что “60 минут” в ближайшем будущем не планирует передачи на тему опытов на животных. А вскоре после этого мы выяснили, что, вопреки той информации, которую нам дали, передача на эту тему готовилась.

В апреле 1984 года, вскоре после приезда Ганса Рюша в Лос-Анджелес, мы позвонили в Нью-Йорк, в редакцию передачи “60 минут” и сообщили, что собрали уже 20 тысяч подписей и можем еще принести, если это необходимо для участия в передаче Ганса Рюша. Но мистер Виктор Нойфельд (Victor Neufeld) из нью-йоркского офиса заявил нам, что его “не интересует” число собранных подписей. Вскоре после этого на собрание, где выступал Ганс Рюш, приехала команда передачи “60 minutes” и сняла на камеру всю его речь.

В октябре 1984 года “60 минут”, посвященная опытам на животных, вышла в эфир. Тема преподносилась с классической неправильной постановкой вопроса “здоровье человека против страданий животных”. За бортом остались все медицинские и научные аргументы против опытов на животных, ни слова не прозвучало о том, что другие методы исследования гораздо менее вредны и несравненно более эффективны для поддержания здоровья людей. Не было никаких указаний и на то, что гигантская индустрия опытов на животных связана с высшими финансовыми кругами (среди их представителей –

Рокфеллеры, Американское Онкологическое общество, фармацевтические концерны и т.д.). Наконец, в той передаче пропустили знаменитый допрос с пристрастием ученых и представителей финансовых интересов относительно информации, которая, как мы знали, была в наличии у редакции. В эфир вышли кадры с собрания, но всю речь Ганса Рюша вырезали. Не поведали они и весьма знаменательную историю о книгах, которые оказались в опале из-за вмешательства подобных кругов, чтобы только общественность осталась в неведении.

Тут напрашивается вопрос, а связано ли как минимум 80-процентное спонсирование от вивисекционной индустрии с тем, что в тот раз передача “60 минут” запятнала свою репутацию? Нам не удалось получить на него ответ».

Коррупция

В библиотеки попадет только небольшая доля тех данных о коррупции, которые нам удалось собрать. Дело не обходится от насилия и террористических ходов со стороны высших органов «здравоохранения», чтобы удержать нынешнюю высоко прибыльную медицинскую систему, которая держится на алиби в виде экспериментов на животных. Мы ограничимся только двумя примерами.

1. Немецкий новостной журнал “Der Spiegel” наиболее близок по своему формату и престижу к американским “Time” и “Newsweek”. На обложке номера 26 от 24 июня 1985 года красуется надпись, сделанная заглавными буквами «Как фармацевтическая индустрия купила Бонн» (Wie die Pharma-Industrie Bonn Kaufte), а под ней – «Новая афера со взятками» (Neue Schmiergeld-Affäre). Поскольку очень маловероятно, что в сколько-либо весомом британском или американском новостном издании появится подобный заголовок, например, «Как фармацевтическая индустрия купила Вашингтон» (или Даунинг-стрит), мы приведем здесь краткую выдержку из многостраничной статьи в “Der Spiegel”. По своей сути эта информация в той же мере касается и Америки, и Британии, и Швейцарии.

Сама статья имеет название «Желательно на вышеуказанный счет» (Lieber auf das erstgenannte Kontio). Под ним жирным шрифтом написано: «В течение многих лет фармацевтическая индустрия давала взятки боннским политикам, депутатам и должностным лицам. Цель: создать благоприятное для индустрии законодательство по медикаментозным препаратам – за счет медицинского страхования и отчислений миллионов больных». Среди прочего, там можно прочесть следующее:

«Фармацевтические концерны, как правило, вместо того, чтобы переводить многомиллионные суммы на счет политических партий, целенаправленно распределяют деньги между политиками и должностными лицами, которые определяют курс политики в области здравоохранения. Работники индустрии при малой затрате сил стремятся к значительным результатам. При помощи облагодетельствованных депутатов они во всей ФРГ создали исключительно благоприятные условия для торговли. **Как следует из документации, многомиллиардная индустрия, в некотором роде купила законодательство...**(выделение добавлено)

Одобрение лекарств в будущем должно зависеть от двух условий: от доказательств их “эффективности” и “безопасности”, а обеспечивают их химико-физические тесты, **опыты на животных**, клинические испытания и отзывы» (выделение добавлено).

В той статье были названы поименно многочисленные политики и государственные служащие, которые способствовали принятию законодательства, благоприятного для фармацевтической индустрии. Приводились там и размеры взяток. Сравните их с официальными платежами конгрессменам, якобы взносами на избирательную кампанию, от организаций, заинтересованных в поддержании нынешней жульнической системы медицины, об этом рассказывается в книге «Убийство невинных».

Многие швейцарцы сожалеют, что в Швейцарской Конфедерации нет аналога немецкого журнала “Spiegel”.

2. В 1979 году, когда Тина Ансельми (Tina Anselmi) была министром здравоохранения Италии, она предложила изъять тысячи медикаментов, отнесенных Медицинской комиссией ко вредным или неэффективным.

В ответ на это ее разыскал представитель фармацевтической индустрии и пообещал перевести ей на счет в швейцарском банке 35 миллионов лир – огромную сумму денег – за отзыв предложения.

В ответ Тина Ансельми на следующее же утро предала общественной огласке ту попытку взяточничества. Через несколько дней взорвалась ее машина. Сама она не пострадала лишь по счастливой случайности.

Вскоре после этого Тину сняли с должности и с тех пор никаких постов в министерстве не предлагали.

Разумеется, большинство людей верит в пользу механистической медицины, имеющей абсурдную основу в виде опытов на животных, не благодаря бомбам, а вследствие гораздо более мощного инструмента, а именно, систематического промывания мозгов и мягких убеждений. Это называется обольщение. Обольщение гораздо более эффективно и долгосрочно, чем насилие. Химико-медико-вивисекционный комбинат к насилию прибегает редко и использует его в качестве последней меры, как в историях с Тиной Ансельми и Сальвадором Альенде. Но такая необходимость возникает редко, благодаря нашим правительствам, которые находятся в руках у индустрии, и СМИ, которые вместо того, чтобы отражать общественное мнение, задают ему курс в нужном направлении.

Что и говорить о бездеятельности крупных зоозащитных организаций, которые уже более 100 лет обещают решить все проблемы за пару лет, и на которых лежит вина в умышленном опускании информации. Достаточно будет отметить, что в то время как множество медицинских авторитетов пришли к идее о губительности опытов на животных для истинной медицинской науки и требуют их отмены по этой причине, все крупные общества, имеющие давнюю историю, игнорируют этот факт. Одна из причин такого положения дел заключается в том, что многие из них, особенно в Британии, имеют в своих комитетах бывших вивисекторов. А последние не забывают указания, полученные сверху: «В своих аргументах ограничивайтесь этикой, но не трогайте медицинские аспекты!»

Заключение

Истинные медицинские авторитеты уже давно признали, что современная медицина, которая зиждется на двойном абсурде в виде механистической идеи здоровья с одной стороны и вивисекции с другой, является основной причиной болезней.

Тем не менее, большинство людей склонны придерживаться взглядов, которые им внушили с младых когтей, то есть, того, чему их научили первые авторитеты в их жизни – сначала родители, потом уполномоченные воспитатели, прошедшие через ту же самую школу. Всем им внушали трепет перед вивисекционными исследованиями, так же как в Средневековье людей учили слепо и безоговорочно верить в чудесную силу церкви.

Доказать научную ничтожность современных исследований не так просто, как подтвердить что дважды два не равняется пяти. Но поскольку для распространения догм современной медицины вместо научных методов (интеллигентные конструктивные демонстрации и дискуссии) используются религиозные (бездоказательные утверждения, которые внушаются молодому поколению через постоянный и агрессивный повтор), истово верующих не смогут разубедить ни доказательства, ни здравые аргументы. По этому поводу Ницше сказал: «Чернь невозможно разуверить с помощью доказательств в том, во что она однажды слепо поверила».

Если человека заставили во что-то бездумно поверить, то вряд ли его можно отвлечь от этого через разумные доводы. Укоренившаяся вера неподвластна логике. Вот

почему современную медицину гораздо правильнее было бы определить как религию, а не как науку. Многочисленные врачи-священнослужители, которые увековечивают миф о том, что животное представляет собой эффективный инструмент исследования, делают это с искренней верой, ведь их так учили. Они оказываются не соучастниками заговора, а его жертвами. Они столь же уверены в своих проповедях, как средневековые служители – в целебном действии святой воды – только вот последняя зачастую действительно оказывалась эффективной и, несомненно, причиняла меньше вреда, чем нынешние методы лечения.

Нынешняя система, ориентированная на прибыль, поддерживает сама себя. Студенты-медики, которые обладают достаточным умом и мужеством для противодействия глупой лабораторной практике, имеют не больше шансов на получение диплома доктора, чем любящие дискутировать семинаристы – на посвящение в сан. А те врачи, на которых снисходит озарение в ходе их профессиональной деятельности, и у которых хватает мужества объявить об этом, рискуют не только получить дисквалификацию и лишиться права на врачебную деятельность, но и снискать в обществе клеймо еретика. Такое происходило неоднократно.

По иронии судьбы, всякий раз, когда химико-медико-вивисекционный комбинат оказывается вынужден признать несчастье, вызванное им, это становится всего лишь поводом заявить о необходимости «дополнительных средств для исследования». Разумеется, они пойдут по тому же самому обкатанному и провальному пути.

Самым ярким примером оказалось то, как Роберт В. Миллер (Robert W. Miller) из Национального Института рака (National Cancer Institute) в Бетезде, США официально признал вред стильбэстрола и воспользовался произошедшей трагедией, чтобы порекомендовать еще больше опытов на «экспериментальных моделях» (см. «Убийство невинных»)

Каждый может найти в СМИ сообщения, наподобие упомянутых здесь. Но когда они изолированы и не разъяснены, то смысла в них не больше, чем в разрозненных фрагментах мозаики. Для каждого, кто желает или способен правильно их собрать, целостная картина имеет только один смысл: методологию сегодняшних медицинских псевдоисследований следует запретить во имя здоровья населения.

Но здоровье людей – не то, в чем заинтересован химико-медико-вивисекционный синдикат. Он упорно борется за то, чтобы фрагменты мозаики «здравоохранения» оставались разрозненными, ибо только так трагические неудачи можно выдавать за исторические успехи – которые почему-то требуют все больше «средств для дальнейших исследований» еще до достижения каких-либо определенных результатов.

Если, имея это в виду, мы пролистаем старые медицинские газеты и журналы, то обнаружим огромное количество восхваляемых «прорывов», до практического применения которых – рукой подать, но которые так и не материализуются; найдем мы и обещания «через пять лет» и приходящие им на смену новые уверения «через пять лет», благодаря чему прежние забываются.

Руководство химико-медико-вивисекционного комбината, институты здравоохранения во всех индустриальных странах, ориентированных на прибыль, СМИ, зависящие от рекламы нефтехимической индустрии, руководство старых обществ защиты животных – все они участвуют в этом прибыльном заговоре, направленном на то, чтобы скрыть все доказательства рокового действия опытов на животных и таким образом не допустить их публичного разоблачения.

До тех пор, пока мы не сможем показать большинству людей то, о чем сейчас знают лишь немногие, а именно, что собаки не спасли ни одного ребенка – конечно, за исключением тех случаев, когда они вытаскивали тонущих детей из воды – вся проблема опытов на животных будет сводиться к неправомерному вопросу сторонников вивисекции: «Либо собака, либо ребенок».

Ребенок по имени Бэби Фэй?